

Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра «Владикавказский научный центр
Российской академии наук»

Р. Я. ФИДАРОВА

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

ВЛАДИКАВКАЗ 2021

ББК 83.3(2)

Ф 50

Фидарова Р.Я. Философские проблемы критического реализма в осетинской литературе. Монография / Р.Я. Фидарова. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2021. – 340 с.

ISBN 978-5-91480-317-6

Рецензенты:

В.И. Бекоев – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «СОГУ им. К.Л. Хетагурова»;

З.К. Кусаева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник СОИГСИ ВНЦ РАН

В работе изучаются важнейшие философские проблемы в осетинской литературе XIX – начала XX в., формирующие ее содержательно-сущностные и идеологические, константные структуры, определяющие принципиальные, концептуальные особенности критического реализма как художественного метода в осетинской литературе, ее аналитико-критическую направленность.

Печатается по решению Ученого совета СОИГСИ ВНЦ РАН

ISBN 978-5-91480-317-6

ББК 83.3(2)

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2021

© Фидарова Р.Я., 2021

ВВЕДЕНИЕ

В XIX веке в Осетии утверждаются буржуазные отношения, растет национальное самосознание осетин, активно идет процесс модернизации общественного бытия и общественного сознания. Зарождается профессиональное искусство, в частности, осетинская литература, содержательно-сущностную и идеологическую, константную структуру которой составляют философские проблемы, поставленные перед каждым мыслящим человеком буржуазной эпохой. Это проблемы смысла жизни, назначения человека на земле, сущности и ценности индивида, сложных взаимосвязей человека и социальных общностей: государства, нации, народа, класса, семьи, проблемы морали и т. д.

Первыми осетинскими писателями и поэтами стали просветители, – наиболее активные, грамотные, политические деятели. Соответственно, они и способствовали во многом утверждению философско-аналитического направления формирующейся осетинской литературы, определив ее критический характер.

В предлагаемой монографии представлен анализ роли просветительской идеологии в становлении критического реализма в осетинской литературе; философских проблем, составивших содержательно-сущностные и идеологические константные структуры молодой осетинской литературы. Среди философских проблем особо акцентируются проблемы сущности человека, смысла его жизни, сложных его связей с социальными общностями, проблемы морали и т. д. В работе дана историческая типология как художественного сознания осетин и их предков, так и типология реализма в целом, сформировавшаяся, конечно же, под мощным влиянием философских идей разных эпох, философского сознания осетин и их предков.

Глава 1.
**АКТИВИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ,
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОСЕТИИ В XIX ВЕКЕ.
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ОСЕТИНСКОГО ОБЩЕСТВА
И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ**

В XIX веке Осетия пережила сложную эпоху своей истории, ведь она фактически, по существу только вошла в состав Российской империи, пережила реформы 60-70-х годов, формирование буржуазных отношений в 80-90-х годах.

Еще в конце XVIII – начале XIX века в Осетии сохранялись феодальные отношения и черты древнего патриархального строя. Как отмечал Б. Скитский, «Эта консервация быта стояла в непосредственной связи с первобытным способом производства, составляющим базу патриархально-феодальных отношений».¹

В первой половине XIX века в основном происходит медленный, вяло текущий процесс приобщения осетинского общества к русской культуре, «вписания» его в социокультурное пространство Российского государства. И все же медленно, но верно в этот период осуществляется в Осетии политико-административное утверждение России. И уже, конечно, у осетин к этому времени сложилась своя своеобразная модель горского феодализма,² своя система общественного самоуправления в лице патриархальных властных институтов.

Большую просветительскую работу вела «Осетинская духовная комиссия» с 1742 по 1860-ый год, т. е. до того периода, когда она была преобразована в «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Так, еще в 1764 году «Осетинская духовная комиссия» организовала Моздокскую духовную школу, в которой обучалось 50 детей-осетин.³ В ней изучались русская и осетинская грамота, пение, псалтырь, религиозные предметы. Конечно же, школа должна была воспитывать учеников лояльными

к царской администрации и вообще пророссийски настроенными. Как указывала Екатерина II астраханскому губернатору в рескрипте от 27 июля 1777 г., «нет лучшего способа учинить их (осетин и ингушей) прямыми христианами, к здешней стороне приверженными, как просвещением из них молодых людей».⁴

Конечно же, переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, осуществленный именно в XIX веке, шел трудно, болезненно, с большими издержками. Но такова была суть процесса модернизации общественного сознания и общественного бытия осетин в XIX веке.

Субъектами этой модернизации явились просветители и народники. Как подчеркивает С. А. Айларова, просветители и народники – не только выразители интересов тех или иных классов, а самостоятельная и активная составляющая социальной структуры со своими целями, мировоззрением и идеологией, которые были направлены на индустриальное развитие и демократизацию политической жизни страны.⁵

При этом просветители стремились изжить традиционные формы поведения и регуляции общества, преодолеть деспотизм и отсталость, заменить их новыми, на принципах разума, науки и правильного управления.

В XIX веке выросли деятели нового типа, представители светской интеллигенции, общественно-политическая мысль которых сформировалась под мощным влиянием русской и европейской культуры. Русский историк В. О. Ключевский в свое время определил самосознание и готовность принять на себя всю меру ответственности за будущее своего народа как важнейшие качественные признаки интеллигенции. «Назначение интеллигенции, – писал он, – понимать окружающее, действительность, свое положение и своего народа».⁶ Осетинские просветители в полной мере явились подлинными выразителями социального, исторического самосознания осетин, «разумом» (С. А. Айларова) осетин.

Важную роль в зарождении осетинской философии сыграло формирование народного образования как системы.

Возникновение русской периодической печати на Кавказе сыграла большую роль в укреплении взаимопонимания русских и горцев, в приобщении последних к передовым идеалам человечества и цивилизации.

В 1801 г. Грузия присоединилась к России. И с этого периода в русском обществе пробудился большой интерес к Кавказу. Такие выдающиеся писатели, как Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Марлинский, изучали прошлое и настоящее горцев, их быт, нравы, фольклор. Они искренне сочувствовали национально-освободительной борьбе горцев, осуждали жестокую политику царизма. В то же время они вскрывали реакционность и патриархально-родового мировоззрения, понимая историческую обреченность патриархально-феодалного уклада и предвидя торжество новых, более прогрессивных форм общественного развития.

В первой половине XIX в. Северную Осетию посетили многие русские писатели: В. Нарезный (1802-1803 гг.), А. Грибоедов (1818, 1821, 1829 гг.), А. Пушкин (1829 г.), М. Лермонтов (1837, 1840 г.), А. Одоевский (1837 г.) и др.

Впечатления от первозданной красоты природы Осетии отразились в путевых заметках Грибоедова, стихах и «Путешествии в Арзрум» Пушкина, «Письме к доктору Эрману» и «Аммалат-Беке» Марлинского, стихах, поэмах, «Герое нашего времени» Лермонтова.

Кроме того, русские писатели и поэты активно использовали в своих произведениях фольклор народов Северного Кавказа. И не случайно. Наиболее характерные идейно-эстетические принципы горской народной поэзии отвечали творческим задачам представителей русского романтического направления. Один из важнейших эстетических принципов осетинского фольклора – культ героизма, культ энергичной, активной личности, – особенно был привлекателен для русских писателей.

В целом, конечно же, огромно было влияние передовой русской культуры на духовно-нравственное и культурно-историческое развитие горского общества.

Первое художественное произведение русского писателя об Осетии и осетинах – роман В. Т. Нарезного «Черный год, или горские князья» (1816-1817 гг.). Это остро обличительное произведение, едкая сатира как на феодальное общество Осетии начала XIX в., так и на самодержавно-полицейский режим, установленный царским правительством в крае. Действие романа происходит недалеко от Владикавказа в селах Чми, Ларс, Казбек, а также в Моздоке, Кизляре и Астрахани. А прототипами его героев явились алдары Дударовы, владеющие этими селами, и царские чиновники Кнорринг, Ковалевский и др. Автору удалось реалистически верно отразить черты социальных отношений, быт, нравы и обычаи горцев конца XVIII – начала XIX в. Писатель демонстрирует в своем произведении хорошее знание обычаев гостеприимства и обряда оплакивания покойников у осетин, особенностей воспитания молодого поколения у привилегированного сословия, отношения осетин к религии. Реалистически описывает вид крестьянской сакли, процесс суда и содержание осужденных в тюрьмах. Нарезный первым в русской литературе выступил в защиту угнетенного осетинского народа. И этим заложил одну из важнейших и благороднейших традиций классической русской литературы. После поражения восстания 1825 г. многие декабристы были сосланы на Кавказ. Но многие из них побывали здесь и до восстания. Так, В.К. Кюхельбекер в конце ноября 1828 г. по пути в Грузию остановился во Владикавказе на несколько дней. Возвращаясь в Россию, он вновь ощутил тепло «Осетинской хижины», когда гостил у друга А. С. Грибоедова во Владикавказе. Летом 1825 г. в Осетии побывал декабрист, близкий друг К.Ф. Рылеева, П. Ф. Муханов. Почитатель академика И. А. Гюльденштедта, П. А. Муханов

проследил по маршруту его научной экспедиции и написал статью, посвященную ученому, в которой резко осуждал варварское расхищение природных богатств края, колонизаторскую политику царского правительства. В августе 1826 г. на Кавказ были сосланы Б. А. Бодиско, Н. Н. Оржицкий. Вскоре здесь же оказались и М. Д. Лаппа, В. Ф. Волков, Н. Н. Семичев, П. П. Титов, А. С. Гангеблов.

Яркие характеристики Кавказа, в частности Осетии, оставил А. А. Бестужев-Марлинский. По его убеждению, на Кавказе требуется другая политика правительства, которая считалась бы с обычаями и достоинством горских народов. Он активно выступал за подъем их культурного и политического развития. И этим, безусловно, способствовал эмансипации общественного сознания горцев. Формировал гуманистическую концепцию будущих русско-осетинских культурных и иных взаимосвязей. О своем пребывании в Осетии А. Гангеблов писал в своих «Воспоминаниях», проникнутых чувством глубокого уважения и симпатии к местному населению; и особенно в них отмечается «мирный», доброжелательный характер осетин. Здесь же приводится любопытный материал об участии осетин в русско-иранской (1826-1828 гг.) и русско-турецкой (1828-1829 гг.) войнах. Бывали в Осетии и декабристы И. И. Пущин, П. П. Коновницын, Д. А. Искрицкий, Б. Б. Лачинов, А. А. Бестужев-Марлинский, И. П. Шипов, П. А. Катенин, З. Г. Чернышев, С. Кривцов, Ф. Ф. Вадковский и др. А декабрист Ф. П. Скалон был в 1829-1830 гг. даже командиром Моздокского казачьего полка. В 1837 г. проездом в Тифлис Осетию посетил поэт-декабрист А. И. Одоевский, а в 1838 г. переведенный из Сибири на Кавказ декабрист А. Е. Розен. В 1829 г. из Сибири на Кавказ был переведен и декабрист В. С. Толстой. По поручению наместника на Кавказе кн. Воронцова, Толстой в 1847 г. направился в Осетию и вместе с известным осетинским просветителем Алексеем Колиевым объехал многие села и написал ряд статей.

Все это определенным образом влияло на развитие национального самосознания осетинского общества.

Конечно, общественное бытие включает широкий спектр явлений, ведь люди рожают детей, производят продукты, обменивают их и т. д., т. е. реализуется целая неразрывная и непрерывная цепь событий, цепь развития.

А общественное сознание – это духовная сторона исторического процесса. При этом это – не совокупность индивидуальных сознаний членов общества, а целостный духовный феномен, обладающий определенной внутренней структурой, включающей различные уровни: теоретическое и обыденное сознание, идеологию и общественную психологию. Кроме того, оно включает в себя и формы сознания: политическое, правовое сознание, мораль, религию, искусство, философию, науку.

Общественное сознание отражает общественное бытие не зеркально, а опосредованно, т. к. является само результатом активного деятельного отношения человека к действительности. То есть оно – отражение реальных закономерностей и потребностей общественного развития, и зависит от конкретных условий и объективных возможностей развития общественного бытия, от связи сознания с практической деятельностью. Общественное бытие и общественное сознание – феномены, возникающие вместе со становлением человеческого общества и существующие объективно.

К XIX веку осетины осознали историческую роль такого важного акта, как присоединение их края к России, и ожидали от данного акта решения многих конкретных проблем своего нелегкого бытия: переселение на равнину, установление торговых отношений с Россией и т. д. Положение горцев, действительно, было тяжелым. В Дигории в начале XIX в. продолжали существовать социальные категории: адамихаты, хехезы, ку-маяги и косаги.

Положение крестьян стало меняться с 1820 г. в связи с массовым переселением горцев на равнину.

В целом в 20-30-х годах XIX в. происходит активное включение Осетии в состав Российской империи. В итоге наблюдается расцвет феодализма в Осетии, обусловленный в большой степени переселением горских крестьян на равнину и наделением их земельными участками.

Еще в конце XVIII в. крестьяне села Майрамкау переселились в Моздок и привезли с собой свою бесценную реликвию – Иверскую икону Божьей Матери, которая впоследствии хранилась в женском Моздокском Монастыре. В 1802 г. дигорцы братья Кургосовы (Тавсурук – офицер Царской армии, Амий – священник) основали Черноярское поселение, в 1813 г. образовалось новое поселение – Новоосетинское. В 1822 г. главнокомандующий на Кавказе Ермолов дал распоряжение распределить плоскостную землю между четырьмя осетинскими обществами. И горцы охотно воспользовались предоставленной им возможностью.

Закладывались также основы промышленного производства. Так, в середине 50-х годов был образован серебряно-свинцовый завод в Алагире, а само село Алагир было основано в 1850 г. Садонские рудники образовались еще раньше – в 1840 г. И основал их грек – промышленник Спиридон Чекалов. Однако с 1850 г. российское правительство забрало их в казну.

Таким образом позитивные итоги присоединения Осетии к России очевидны. Это и переселение горцев на равнину, развитие народного просвещения, установление торговых отношений с Россией.

Итак, осознанная уже многими (правительством Российской империи и местной горской интеллигенцией) необходимость процессов всесторонней модернизации всех сфер горского бытия требовала укрепления организационно-управленческих функций местной власти. Традиционные родоплеменные формы власти, организованные по принципу первобытной демократии, уже не соответствовали новым требованиям. Они уступили место новым формам полити-

ческой организации. В 1844 г. было учреждено Кавказское наместничество во главе с М.С. Воронцовым, т. е. так оформилось военно-народное управление горскими обществами. Поскольку в середине 50-х годов XIX века война с Шамилем не заканчивалась, то русский царизм принимает административные меры по ужесточению своей политики на Кавказе. Так, отменяется приставское правление, а управление на местах предоставляется непосредственно командующему войсками. С этой целью практического решения столь сложной задачи при Главном штабе кавказской армии создается отделение по управлению горскими народами. И, конечно же, с широкими полномочиями. В частности, резко меняется обстановка в горской действительности в результате того, что власти активно вмешиваются в традиционный уклад общественной жизни горцев, повсеместно строятся крепости, захватываются земли, происходит насильственное повальное переселение горского населения.

В такой неоднозначной обстановке местные феодалы теряют власть и обращают свои взоры в сторону Турции, полагая, что единоверцы – турки-то их не обидят и всячески будут поддерживать, обеспечив им привычный для них образ жизни и обусловленное этим образом жизни мироощущение, ощущение собственной значимости в брэнном мире и собственного величия (о, сколько разочарований ожидало их впереди как бы в наказание за отказ от родины!).

Между тем в Осетии и в целом на всем Кавказе велась определенная тенденциозная политика царского правительства натравливания друг на друга верхов, т. е. местных феодалов, и горский народ, представляющий собой в основном общинное крестьянство. Правда, политика эта вызывала большие сомнения у самих осуществляющих ее деятелей Российской власти. Так, Главнокомандующий П. Д. Цицианов отмечал: «Обещает ли таковая непримиримая распря, нами тщательно подстрекаемая, общее когда-либо спокойствие...»⁷ А генерал-фельдмар-

шал Д. А. Милютин полагал, что следует «изменить образ действия»⁸ на Кавказе, «не задевать религиозные обычаи горцев, больше использовать меры убеждения».⁹ Словом, приходит острое осознание у представителей Российской власти того, что решать архиважную проблему адаптации горских народов к российскому гражданскому правопорядку следует другими, более гуманными, а потому и более продуктивными, результативными методами. Прежде всего, необходимо сочетание принципов российского гражданского правопорядка с обычными нормами менталитета горцев. И, конечно же, постепенное формирование у горцев общероссийского гражданского самосознания. А это возможно только в результате осознания ими себя гражданами России, которую смогут они или их потомки воспринимать как свою родину.

Если в первобытной или родовой общине, при феодализме была своя организация власти по принципу народовластия, велик был авторитет старейшин, руководивших повседневной хозяйственной, общественной и идеологической жизнью, а установка социальных норм, согласно которым управление коллективом осуществлялось по волеизъявлению его взрослых членов, то уже в начале XIX в. управление обществом стало другим.

Прежде общество осетин и их предков знало определенный тип формирования социальных норм, т. е. обязательных, общественно-охраняемых правил поведения: правил разделения труда, сотрудничества, распределения, взаимозащиты, т. е. то, что определяет жизненные интересы коллектива и что передается из поколения в поколение, становясь привычками, обычаями. Прежде социальные нормы закреплялись идеологически: в религиозных предписаниях и мифах. К нарушителям применялись общественные меры принуждения: порицание, осмеяние, ругань, физическая расправа, изгнание из своей среды (**хъоды**). Так закладывались нормы морали, правовые нормы, т. е. нормы обычного права, которое уже в

начале XIX в. должно было уступить место государственному праву Российской империи. Все это, конечно же, обусловило специфику национального сознания и самосознания осетин.

Итак, в первой половине XIX в. произошло окончательное присоединение Осетии к России, в результате чего бытие горцев осуществляется в тесной связи с российской действительностью. При этом под мощным влиянием жизненных обстоятельств перед осетинским народом встают реальные социальные и духовно-нравственные задачи приобщения к мировой цивилизации.

Модернизация – глобальный феномен мировой истории, где, во-первых, осуществляется переход от традиционного, аграрного общества, основанного на отношениях личной зависимости при феодализме, к обществу буржуазному, где царствуют рыночные отношения, индустриальный труд, правовые нормы, признается суверенитет личности, разделение властей, а в духовной сфере наблюдается **многообразие**. Однако, во-вторых, переход этот происходит сверху, т. к. в Российской империи установилась деспотичная власть, которая преодолевала сопротивление национальных традиций, застой в горском быту, в хозяйстве, в сознании, т. е. во всех сферах горского экзистенциального бытия. При этом цель была благородной: сломать старый горский образ жизни и способствовать зарождению нового, передового, прогрессивного. По-другому и быть не могло: в условиях России существовала только такая модель модернизации. Поскольку в осетинской действительности к тому времени еще не созрели внутренние предпосылки, то любые преобразования происходили весьма и весьма болезненно. Итак, субъектом модернизации общественного бытия и общественного сознания в Осетии в XIX в. явилась правящая элита, представляющая Российскую империю, и местные власти, а объектом – осетинский народ. В результате, конечно же, был осуществлен огромный прорыв во всех сферах горской жизни, но какой ценой...?

В чем конкретно заключалась суть модернизационных преобразований? Во-первых, Осетия вошла в структуры российского государственного, административного, правового устройства. Во-вторых, она активно включалась в сферу социально-политических и экономических связей с Россией, что весьма плодотворно отразилось на жизнедеятельности всего горского общества в XIX и последующих веках. В решение данных задач активно включались представители местного населения, проявившие, во-первых, военные навыки; во-вторых, способность адаптироваться к европейским ценностям и мировоззренческим установкам; в-третьих, способных воспринимать российскую законность, основанную в отличие от горской не на обычае, а на законе, образовании и культурной традиции. Таким образом, зародилась необходимость возникновения горской интеллигенции. Словом, генетически происхождение горской интеллигенции обусловлено русско-осетинскими отношениями и явилось итогом вхождения Осетии в состав Российского государства, открывшего большие перспективы для горцев в плане своего личностного развития, возможности учебы в русских школах, службы в царской армии, работы в административных учреждениях.

Осетинская интеллигенция четко осознала необходимость преобразований, модернизации в процессе преодоления вековой отсталости горцев. В полной мере отдавала она отчет себе в том, что для преодоления исторической отсталости края необходимы коренные преобразования как в горском бытии, так и в сфере социальных отношений, мировоззрения народа. Будучи патриотами, горцы-интеллигенты ставили при этом очень важную задачу: сохранения своего национального облика, сохранения некоей культурной и духовно-нравственной самостоятельности. То есть задачу создания своеобразного типа национальной культуры, способного, сохранив национальное содержание и форму,

обогащаться ценностями мирового культурного сознания и, прежде всего, ценностным опытом мирового культурного фонда.

Таким образом, горская интеллигенция с момента своего зарождения, явившись субъектом общественного самосознания, действовала в национальных интересах своего народа. При этом она, безусловно, осознавала свое место в жизни народа, видела свое предназначение в борьбе за интересы народа, утверждала лучшие идеалы нравственного бытия, основы просвещения и образования. Словом, она выражала социально-историческое самосознание народа в эпоху модернизации, когда рушился старый образ мироздания и создавался новый в результате включения горцев в общероссийское политико-экономическое и культурное пространство. И не случайно, ведь интеллигенция – социальная группа, которая выполняет особую социальную функцию в обществе и занимается интеллектуальным трудом.

Осетинская интеллигенция с момента своего зарождения и на протяжении всего XIX века проявила активное подвижничество, бескорыстно, верно и повсеместно служа интересам своего многострадального народа. Среди осетинской интеллигенции были общественные деятели, поэты и писатели, публицисты и журналисты, военные, служители культа, учителя, врачи, агрономы, инженеры, юристы. Они вели профессиональную, общественную и культурно-просветительскую деятельность. Появление осетинской интеллигенции, духовной и военной относится к 30-40-ым годам XIX века. Трудно переоценить их роль в жизни общества, особенно в пореформенный период трансформации традиционного осетинского общества и его вовлечения в политическое, экономическое и социокультурное пространство Российского государства. Уже в эту эпоху осетинская интеллигенция подразделялась на разные группы: военную, духовную, педагогическую, творческую, медицинскую и техническую.

Первые учебные заведения в крае появились в результате активной работы «Осетинской духовной комиссии» (1773 г.) во главе с архимандритом Пахомием. И они призваны были организовать процесс изучения осетинами русской грамоты. Первая школа под руководством «Осетинской духовной комиссии» была открыта в крепости Моздок в 1764 г., а в 1830 г. – духовное училище, там же, в Моздоке, целью которого была подготовка священнослужителей. А уже с 1830-х годов в Осетии открываются, как мы уже подчеркивали, приходские школы. Особым уважением в Осетии пользовалась военная интеллигенция, зародившаяся также еще в 30-40-х годах XIX в. В конце же XIX в. каждый пятый в Осетии был офицером. История военного образования в Осетии начинается с 1836 г., когда царь Николай I издал Положение о воспитании 864 сирот и детей бедных при войсковых частях Отдельного Кавказского округа. Скажем, в 1848 г. во Владикавказе успешно работала школа для воспитанников при Навагинском пехотном полку, где обучалась 50 детей. Окончив школу, они учились в различных учебных заведениях России. Осетинская военная интеллигенция прославилась уже во время русско-турецкой войны, в которой отличился Осетинский дивизион. Так, в 1878 г. Осетинский конный дивизион удостоился Георгиевского знамени в знак отличия.

Шел естественный процесс эволюционного развития философского сознания и его доминанты – Ирондзинада как этнического мировоззрения осетин, в целом традиций этнической духовно-нравственной культуры и, во-вторых, внедрение в общественное сознание горцев имперского мировоззрения Российского государства, прогрессивной русской, а через нее и европейской и мировой культуры. В результате все сложнейшие процессы духовно-мировоззренческого порядка, порожденные в осетинской действительности противоречивым XIX веком, в корне преобразовали национальную «самость», и этнонациональное бытие осетин, кардинально изменили их образ жиз-

ни и образ мыслей. В частности развиваются и формируются те виды духовной и культурной деятельности, в которых мир этно-национальной действительности осетин предстает как мир исключительно человеческий. То есть как мир человеческой чувственности, субъективности. Понятие Ирондзинад и порожденные им духовность, нравственность и философское мировоззрение целостно, системно несут в себе такой сущностный потенциал. Мысль просветителей о субстанциональной общности деятельности и духовно-нравственной сферы объясняет сущность и своеобразие кардинальных изменений, происходящих в течение XIX века в этническом мировоззрении осетин, качественно преобразивших его.

При этом осознание просветителями необходимости выявления фундаментальной связи духовно-нравственного мира с реалиями социально-исторической действительности актуализирует исследование качественного своеобразия диалектики их философского мировоззрения и Ирондзинада как его доминанты.

Глава 2.

ОСЕТИНСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ И ИХ РОЛЬ В ФИЛОСОФИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ЦЕЛОМ И ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЧАСТНОСТИ

Социально-экономические и культурные условия для возникновения в Осетии просвещения созрели в 60-70-х гг. XIX в. и далее развивались в 80-90-х годах. Общественно-политическая и философская мысль в Осетии постепенно становилась частью общероссийского идеологического процесса.

Национально-культурные особенности осетинского просветительства заключаются в том, что впервые оно ярко и четко сформировало идею личной свободы человека. Безусловно, в этом проявился антифеодальный пафос просветительских идей.

Осетинские просветители стали на путь культурного самоопределения, и, погружаясь в свои национальные истоки, признавали благотворное воздействие иных культур.

По мысли горских просветителей, необходимо было соединить достижения европеизирующейся русской культуры с традиционным строем жизни северокавказцев с тем, чтобы его творчески преобразовать. Как писал А. Гассиев, «От русского общества требовалось дать направление, разумный исход богатым нравственным и умственным силам горцем, направить их к деятельности среди мирной человеческой гражданственности... На нем лежал долг воспитать горские племена».¹⁰

Складывается новый образ жизни и мышления. В народной сфере обостряется стремление к знанию. Формируется новое художественное самосознание нового типа культуры. Утверждается такой общий дух культурной и духовной жизни, когда люди начинают осознавать, что главная причина человеческих бед и общественного зла заключается в невежестве, предрассудках и суеверии. И вместе с тем приходит понимание, что в образовании, в науке, в свободе мысли как раз

прокладывается путь культурного и социального прогресса. Сами же идеи общественного равенства и личной свободы, меняющие мировоззренческие, ценностные, нравственные основы и созидающие новые условия жизни, новые идеалы и ценности, ведут, конечно же, к новому этапу пробуждения личного самосознания.

Данный тип культуры породил новое мировоззрение эпохи, отразившееся в просветительской идеологии и революционном по духу движении, т. е. антифеодальном по содержанию и революционном по духу.

Радикальные изменения происходили на уровне всех сфер общественного сознания: формировалась философия как наука, и складывался новый тип этнического мировоззрения, ценности которого заключаются в новизне содержания Ирондзинада, явившегося доминантой осетинского философского сознания.

Пришло острое осознание того, что идея свободы мысли, слова, печати, художественного творчества – самая важная культурная идея эпохи, философия исторического времени. Так, новый тип культуры принес с собой осознание самодостаточности личности, как субъекта и объекта собственно осетинской философии. В целом был завершен переход к новому типу культуры, который видел «свет» в знаниях, науке, искусстве. И складывались новые экономические и политические условия становления культуры формирующегося буржуазного общества.

Большую роль в развитии сознания осетин, как существенной части их культурного мироотношения к реальной действительности, сыграло просветительство. У истоков осетинского просветительства стоял Иван Ялгузидзе (Габараев). Родился он в 1775 г. в селе Залда Джавского ущелья Южной Осетии в семье священника.

И. Ялгузидзе создал осетинскую письменность на основе грузинской графики, составил первый осетинский букварь

в 1821 г. Еще ранее, в 1811 г., он перевел с грузинского языка роман «Тариели», что, конечно же, способствовало развитию его литературного дарования и становлению поэтического мастерства будущего автора поэмы «Алгузиани». Он переводил также на осетинский язык церковные книги и обращения к народу, который с энтузиазмом поддерживал все его культурные начинания. В рапортах высокопоставленным чиновникам И. Ялгузидзе писал о жестоком угнетении трудового народа, гневно обличал бесчинства князей Мачабели и Эристави, которые всячески притесняли своих крестьян. Он понимал природу сословно-классового антагонизма в обществе, одобрял суть борьбы, происходящей между крестьянами и помещиками. Большую роль сыграл И. Ялгузидзе в становлении народного образования в Осетии. Он понимал, что народ имеет будущее, если будет просвещаться, а потому с таким усердием добивался издания «нескольких букварей», «дабы сим продолжить их (осетин – Р. Ф.) путь к образованию». Вот что он пишет в предисловии к Евангелию на осетинском языке: «Меня, по рождению и по происхождению осетина, маленьким мальчиком привел царь Грузии Ираклий II и отдал учиться с тем намерением, чтобы со временем [я] вам, соотечественникам-осетинам, чем-нибудь полезен. Я тоже по мере своих сил старался учиться, и слегка приоткрылись слабые глаза моего молодого ума, вследствие чего в самой незначительной степени стал понимать грамоту на грузинском языке и узнал, что народ, не имеющий книги [письменности], лишен правильного понимания, не знает как следует самого себя».¹¹

«Так я по мере сил трудился над тем, чтобы вы, мои единокровные осетины, не оставались без книг [письменности], и теперь молюсь и умоляю всех, чтобы в дальнейшем вы сами и ваши дети из рода в род все более просвещались умом».¹²

Деятельность И. Ялгузидзе как просветителя имела большое значение для развития осетинской культуры и способствовала приобщению осетин к русской и грузинской культу-

рам. Он верил в то, что Россия обеспечит его народу благоприятные условия для хозяйственного и культурного развития.

Мировоззрение и эстетические взгляды И. Ялгузидзе сформировались при дворе грузинских царей Ираклия и Георгия, т. е. в русле грузинской «книжнической традиции», ведь он вырос в грузинской культурно-литературной среде. Автор поэмы хорошо знал грузинское священное писание, грамматику и философию, русский язык и русскую культуру.

В начале XIX в. он стал очевидцем вражды между крестьянами и помещиками. Он активно работал для культурного развития народа, стремился укрепить его национальное самосознание. И, безусловно, он внес значительную лепту в развитие эстетического и художественного сознания осетин в первой половине XIX в., ознаменовавшего крутой поворот в их духовном становлении.

Итак, к закату феодализма начинает, хотя и медленно, противоречиво, складываться творческая интеллигенция, положившая начало профессиональному искусству. Постепенно укрепляясь в народе, сознательное стремление к свободе сильно влияло не только на его социально-политическое, но и на культурное и духовно-нравственное развитие.

Просветители, патриотически-настроенные, ясно осознали, что горцы социально-экономически отстали, что нет у них современных основ цивилизации и культуры, т. е. письменности, светских школ, зато существуют феодальная иерархия и родоплеменные пережитки, от которых, по их глубочайшему убеждению, необходимо избавляться.

Засучив рукава, первые горские просветители начали изучать язык, историю, этнографию, фольклор, создавать национальную литературу. Они по мере сил стремились пропагандировать и внедрять европейские ценности хозяйственной культуры, обусловленные их новым взглядом на труд, собственность, богатство. Они пытались внушить своим соотечественникам мысль о том, что труд – это великое благо, опре-

деляющее нравственное достоинство человека, т. е. обращали внимание горцев на общественную значимость труда, ремесла, торговли. Просветители пропагандировали новую этику труда как источника благополучия общества. Новая этика в корне отличалась от старой, привычной горцам еще с первобытных времен, утверждающей «полезный» характер военных походов, оправдывающий грабежи менее сильных племен и народов.

Просветители понимали характер новой эпохи, предъявляющей свои требования к морали и нравственности. Они в полной мере осознавали необходимость формирования нового мышления, хозяйственно-экономической этики и психологии. Словом, они осознали необходимость образования и просвещения масс. И первые просветители свою историческую роль прекрасно сыграли, они явились своеобразными миссионерами. В 1798 г. епископ Гайоз Токаев издает первую печатную книгу на осетинском языке на основе церковно-славянской графики. В 1821 г. первый осетинский просветитель И. Ялгузидзе создал алфавит осетинского языка и перевел церковную книгу с грузинского на осетинский язык.

Итак, в первой половине XIX века происходит очень важный процесс формирования и налаживания политических, экономических и культурных связей Кавказа и России. Тогда же появляются первые просветители, такие как Г. Токаев, И. Ялгузидзе, – т. е. представители феодалов, получившие образование в российских учебных заведениях и, безусловно, имеющих прорусскую ориентацию. Конечно же, они были «государственниками», убежденными в том, что Россия защищает благо горцев. И они много сил приложили к тому, чтобы склонить горцев к идее сближения с Россией, в чем они и видели условие спасения родного народа из пут темноты, невежества и нищеты. Словом, во многом они способствовали политико-административному утверждению власти России на Северном Кавказе.

Процесс вхождения горца в водоворот капиталистического развития России затронул экономику и быт горских народов. Шла безжалостная перестройка их традиционного уклада жизни, хозяйственной культуры, быта, сознания, ломка вековых этических представлений и норм, освященных традицией. Пореформенный период в истории осетин породил сложные и противоречивые сдвиги в хозяйственном укладе, в быту, сознании и психологии. И разум народа был обращен к осмыслению и решению этих новых для горцев явлений действительности. Поэтому все вопросы экономики и политики, этики и психологии, культуры и быта, национальных отношений и будущности народа повседневно тревожили народ. Среди прогрессивных деятелей Осетии второй половины XIX в. значительной личностью был **Инал Кануков**, оставивший заметный след в истории своего народа и в приобщении его к передовой русской культуре.

Важнейшее место в творчестве писателя занимает тема социально-экономического и духовного порабощения народа. Его занимают такие актуальные вопросы, как переселение части осетин в Турцию, специфика развития капитализма в Осетии. Он ведет активную борьбу против вредных обычаев и традиций, за эмансипацию женщин и т. д. Так, И. Кануков с горечью писал: «...за какие бы стороны народной жизни мы не взяли, всюду во главе нашей некультурности и отсталости, в различного рода неудачах и бедствиях – низкий уровень знаний стоит всегда на первом плане» и становится «...непреодолимою преградой на пути самых благих начинаний».¹³ В своих очерках «В осетинском ауле», «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев», «Заметки горца», «Амрхан», «Горцы-переселенцы» и др. И. Кануков отразил жизнь пореформенной Осетии, показал специфику развития капитализма в осетинской деревне. Здесь же он проводит мысль о том, что единственный путь к освобождению осетин от вековой отсталости, к развитию экономики края заключа-

ется в скорейшем приобщении народа к общеевропейской цивилизации. «Против могущественного напора цивилизации, – писал он, – не устоят никакие традиции страны. И, слава богу, что цивилизация забросила к нам луч свой; наконец, мы видим и железную дорогу; свист локомотива оглушает нас, мирных граждан, и напоминает нам ежедневно, что и мы присоединились к семье цивилизованной Европы».¹⁴ Наметившийся прогрессивный путь развития Осетии он считал «неизбежным следствием водворения мира на Кавказе», результатом присоединения Осетии к России.

Как истинный просветитель, И. Кануков считал, что нравственное совершенствование личности, просвещение народа, подъем его культуры могут решить все социальные проблемы.

Заметное место в общественной мысли Осетии занимал **А. Ардасенов** (1852-1917 гг.). Научные интересы Ардасенова были разнообразны. Он писал об экологии, о климате, геологии, горной флоре и почвах, лесоводстве и садоводстве, разведении искусственных трав и овощей, болезнях леса и винограда, многопольных севооборотах, молочном скотоводстве и кукурузе, кустарных промыслах. Но все же, главное для него были вопросы борьбы с социальной несправедливостью, что отразилось даже в его псевдониме ВНЛ – Вера, Надежда, Любовь. В своих работах «Проделки «Несменяемого», «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» и др. Ардасенов дает анализ разложения сельской общины, становления капиталистических отношений в деревне, зарождения кулачества. Он раскритиковал народнические идеи о вечности крестьянской общины и социальной однородности крестьянства. Он анализирует особенности кулачества. «Нужно сказать, – писал Ардасенов, – что кулачество на туземной почве приобрело... приемы настолько совершенные, что им могут позавидовать российские загребастые лапы первой пробы...»¹⁵

Пристально он изучал такой важный вопрос, как земельный, и видел причину земельного голода в горах в антинарод-

ной политике царизма. Он также поставил вопрос о рынке, как непременном элементе развития капитализма. На примерах и фактах он показал, что рыночные отношения в Осетии развиваются так же, как и в России, что горец становится все более зависимым от рынка, что определяет особенности его мировоззрения.

Он понимал, насколько важны коренные социально-экономические изменения в жизни общества. Ардасенов писал: «Мы живем как раз на рубеже старых порядков, должныствующих отойти в вечность, и новых, наступающих на смену всему старому. Но всякий порядок вещей – одинаково в мире физическом и нравственном – следовательно, и наш строй... как бы он плох ни был, в какую бы ветхость не пришел, имеет свойства сохранять свое состояние и свою тенденцию. Нужна посторонняя сила, чтобы сломить эту косность, этот консерватизм вещей. Новые храмы строятся на развалинах старых. Нельзя новые идеи и новые начала жизни припиливать в виде заплаток к старым изношенным платьям. Только путем борьбы и неустанной смены одних явлений, идей и форм другими возникает прогресс.»¹⁶

В истории общественно-философской мысли в Осетии видное место занимает Афанасий Гассиев – философ, ученый, педагог и общественно-политический деятель.

Еще будучи студентом Киевской духовной академии, А. Гассиев писал работы по вопросам религии и философии, в которых проявились его идеалистические взгляды. Критикуя основы ислама, он одобрительно отзывался о догматах христианской морали.

Исследуя вопросы происхождения ислама, А. Гассиев мыслит исторически. Так, причинами возникновения ислама он считал: «... а) упадок религиозной жизни между арабами, заменившейся грубым идолослужением; б) внутреннее стремление разрозненных арабских племен к единству, для достижения которого ислам представлялся наилучшим средством; в) недо-

статок единства религиозной жизни и религиозного понимания среди христианских общин на Востоке, глубокий упадок политического духа и особенно военной системы в Греции, Риме и Персии. Вызвав арабов на борьбу «во имя веры», ислам этим самым возбудил в них скрытые племенные силы, развил дух прозелитизма и затем, позднее, дух исследования по отношению к данным истории и существу новой веры. Как «услугой вере» арабы воспользовались и сокровищами научного знания Греции и Рима, которые, к чести их сказать, сообщили новым племенам Европы».¹⁷

«Деятельность А. Гассиева, явившаяся важным этапом в духовной жизни осетинского народа, оказала большое влияние на развитие общественного сознания народа. Выступление А. Гассиева, как и других просветителей Осетии, против экономического и духовного порабощения народа способствовало созданию условий для проникновения в сознание осетинского народа научно-материалистических и революционно-демократических, позднее и марксистских идей»,¹⁸ – отмечает З. Цховребов.

Осетинские просветители пытались осмыслить основные закономерности исторического процесса, приобщаясь к прогрессивным общественно- философским идеям России. Развитие капиталистических отношений, классовое расслоение и взаимоотношения классов, их место и роль в национально-освободительной борьбе, духовное развитие и формирование национального самосознания народа – вот вопросы, которые ставились представителями осетинской общественно-философской мысли в конце XIX – начале XX в. Итак, осетинские просветители И. Кануков, А. Ардасенов, А. Гассиев, Г. Цаголов и др. внесли большой вклад в формирование демократических тенденций в общественном сознании народа, в развитие его эстетического сознания.

Значение духовно-нравственной и философской культуры эпохи в том, что новое мировосприятие мира и человека вы-

двигает новые образы и темы и новые формы их воплощения. Так осуществляется просветительская идеология в осетинской литературе. При этом тенденции культурного развития эпохи выражаются в национально-своеобразной и исторически конкретной форме. Новый образ жизни и мышления создавал новый тип духовно-нравственной и философской культуры, новое художественное видение, которое и меняло социально-исторические и идеологические установки и представления эпохи.

Расширялся круг образованных людей, складывалась национальная прогрессивно-философски мыслящая интеллигенция. Усиливались связи с Россией и русской культурой. Расширялся культурный обмен с другими народами. Ардонская духовная семинария сыграла огромную роль в просвещении осетинского народа. Была она открыта в 1887-1888 г. по определению Сената, одобрявшего просьбу духовенства, сначала как училище, затем преобразована была в семинарию. В ней успешно готовились священнослужители и учителя в церковно-приходские школы. Программа семинарии была по тем временам довольно обширной. Семинаристы изучали такие общеобразовательные предметы, как география, алгебра, история древнего мира и средних веков, история русской классической литературы, русский язык, психологию, логику. Она имела богатейшую библиотеку, насчитывающую сотни томов по разным направлениям знаний. Старшеклассники должны были читать «Этику» Аристотеля, «Критику чистого разума» Канта, «Трактат о человеческой природе» Юма, «Беседы о любви» Платона, «Этику» Спинозы и т. д. Постоянно выписывались такие журналы, как «Нива», «Родина» «Задушевное слово» и др. Не случайно выпускники семинарии составили особую когорту осетинской интеллигенции, посвятившую себя приобщению осетин к мировой культуре, просвещению родного народа. Среди них такие поэты и писатели, как Иван Джанаев (Нигер), Цомак Гадиев,

Гино Бараков, Газак Тогузов (Илас Арнигон), Арсен Коцоев, Георгий Малиев, Андрей Гулуев.

Одним из первых выпускников семинарии был **Х. Цомаев** (1875-1937).

Став редактором журнала, Х. Цомаев приложил много сил для того, чтобы он стал значительным явлением в культурной жизни Осетии. В нем появились новые рубрики и разделы, письма в редакцию, новости, а также стали публиковаться художественные произведения: очерки, стихотворения, рассказы, драматургические произведения Алихана Токаева, Сека Гадиева, Иласа Арнигона, Давида Короева. В №1 за 1915 г. опубликовано стихотворение самого редактора «Хаст» («Война»), рассказ о юной Нине – просветительнице Грузии, стихотворение «Пророк Исая» и др. В мартовском номере публикуется «Слово о Коста» Х. Цомаева, посвященное 10-летию со дня смерти великого поэта. В нем выражена искренняя любовь к Коста, понимание его роли в культурной и духовной жизни народа. Такое же отношение к Сека Гадиеву выражает он в некрологе о нем. Эстетическая программа Х. Цомаева раскрывается и в статье его об осетинском языке, орфографии и стилистике, публиковавшейся из номера в номер. Она является вкладом и в развитие осетинской философской мысли, ибо идеи, выраженные в ней, очень четко связывают особенности и законы функционирования языка с вековой мудростью народа, его духовным и нравственным опытом. По мысли автора, в языке нет ничего случайного и поверхностного: все в нем имеет свою логику и закономерности, которые невозможно постичь без глубокого понимания как исторической жизни народа, так и его духовности, «самости». Такую своеобразную эстетику языка выдвинул еще в начале века священник Х. Цомаев. Много сил и энергии он отдавал переводческой деятельности. Все это также было продиктовано стремлением помочь своему народу как можно глубже приобщиться к великим достижениям мировой культуры. Он переводил произведения А. П. Чехова,

А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», «Песню о Буревестнике» М. Горького, «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Переводы сделаны настолько мастерски, что до сих пор остаются непревзойденными. В них удивительно четко сохранены дух и идеи оригиналов, поразительно естественно зазвучали голоса героев их на чуждом им осетинском языке. Занимаясь переводческой деятельностью, он стремился способствовать развитию осетинской словесности. И это ему вполне удавалось: формирующаяся национальная словесность обогащалась новой образностью, новой системой художественной изобразительности, что было очень важно и для формирования эстетического сознания эпохи.

Осетинские просветители стали на путь культурного самоопределения, и, погружаясь в свои национальные истоки, признавали благотворное воздействие иных культур, в частности, русской.

Новый тип культуры породил новое мировоззрение эпохи, отразившееся в просветительском содержании и революционном по духу движении, антифеодальном по содержанию. Пришло острое осознание того, что идея свободы мысли, слова, печати, художественного творчества – самая важная культурная идея эпохи.

Важнейшее значение осетинского просветительства в истории социальной культуры осетин заключается в том, что представители его сформировали новую, объективную концепцию истории. Они пошли не по пути «комплиментарного» восприятия национальной истории, т. е. идеализированного восприятия прошлого народа, основанного на мифах, а предложили объективную историю (историю как коллективную биографию, как коллективный портрет той или иной исторической эпохи).

Конечно, формированию объективного рационального духовного кода способствовали и сущностные принципы осе-

тинского просветительства, составляющие фундаментальную базу его философии, этики, эстетики, культурологии.

В просветительской картине мира центральное место принадлежит человеку. Мировоззренческая содержательность учения осетинских просветителей о человеческой природе обнаруживается в самой постановке вопроса о сущности совершенного человека, разумного и чувствующего, гражданина и философа, способного к самосовершенствованию и гармонизирующему воздействию на природу и сограждан. Совершенный человек – набор родовых качеств, абстрагированных от сословных характеристик и индивидуальных особенностей, – утверждается как должное, как цель нравственного совершенствования и общественного воспитания. Вместе с тем в этике осетинского Просвещения прослеживается тенденция к историко-национальной конкретизации представлений о человеческой природе. При этом предметом особого внимания становится единство индивидуального и общественного на основе гуманистического понимания природы человека, естественно стремящегося к сохранению жизни, к свободе, гражданскому равенству, социальной активности, познанию и творчеству, что благотворно влияло на эволюцию нравственно-этического сознания общества.

Просветители сформировали свое четкое концептуальное представление о труде как не только об источнике материальных благ, необходимых человеку для выживания, для жизни.

Только труд, общественно-полезный, производительный, делает человека человеком, субъектом социально-исторического процесса, частью великого целого, – человечества, полагали они.

Только трудящийся человек освещает разумом и жизнь народа и жизнь государства, оставляет след в жизни человечества, т. к. меняет к лучшему и человека и жизнь в целом, обогащает ее гуманистический потенциал. Устремляет к добру направление исторического процесса.

Труд творит новый мир и нового человека с учетом требований мировоззренческих установок общества. И только трудящийся человек ведет ожесточенную борьбу со стихией зла, природной и социальной; в целом только он реализует социально-нравственную и творчески-преобразующую функцию человека в мире, в жизни, в обществе. И, конечно же, собственную гуманистическую природу, сознательно-созидательную природу человека.

Если человек прекратит трудиться, полагали они, он потеряет свое человеческое естество, одичает и погибнет, оставшись в плену исключительно диких природных инстинктов. Ведь исторически человек возник, выделился из животного состояния только благодаря развитию способности трудиться, трудовых навыков. То есть именно труд создал человека, сделал его существом социальным, творческим, мыслящим, чувствующим, страдающим, – т. е. способным ощутить всю многогранную прелесть и сложность бытия.

Только благодаря труду человек в процессе своей многотысячелетней эволюции получил свой прекрасный современный облик, научился мечтать, творить; приобрел способность сопереживать себе подобным. Так же они думали, что в процессе труда человек обрел способность общения с себе подобными, открыл такое важное средство общения, как речь, – единственно человеческое достояние. Ведь в труде и благодаря труду человек приобрел способность сознания расчленять и соединять различные факты и явления, т. е. анализа и синтеза, что собственно породило познавательную, художественную, оценочную и морально-волевую практику человеческого сознания. Словом, согласно концепции просветителей, человек осознавая свое историческое назначение в труде и через труд, который дает ему возможность творить новый мир сознательно и целенаправленно. Однако, пока он не осознает данного своего исторического предназначения, человек действует стихийно и неразумно, хотя на самом деле он практически, по

логике своей объективной социально-исторической природы в процессе своей же трудовой деятельности реализует заложенные в нем способности. При этом ведет борьбу с животными инстинктами в себе. Человек, по их убеждению, прежде всего продукт социальных условий и обстоятельств своей жизни, воспитания и образования, которые и формируют его моральный облик. Обеспечивают победу разумно-гуманистического начала в человеческой душе, свободно-необходимого над стихийным началом. Во-вторых, всестороннее самосовершенствование человека, полагали они, есть стремление сформировать в себе четкое представление о том, что историческое предназначение его как существа социального преобразовывать, улучшать реальный мир, смягчая противоречие между бытием и долженствованием. Человек должен реализовывать свое человеческое призвание, бороться за совершенствование мира, не считаясь с жертвами; осуществлять в своей реальной жизнедеятельности моральный императив совести. При этом они видели смысл человеческого существования в свободной социально-гуманистической творчески-созидательной деятельности, которая по существу отличает человека от всех прочих животных. Они также думали, что сущность природы человека как совокупность общественных отношений составляет ее трудовая деятельность, трудовая практика.

Важнейший принцип гуманистически-нравственной жизни, по представлениям просветителей, заключается в стремлении достижения полной реализации всех заложенных в человеке способностей, высшая из которых – творчески-преобразовательная. Кроме того, высший долг человека – обогащение своей души нетленными гуманистическими ценностями. В целом мировоззренчески-нравственное совершенствование есть долг совести человека.

По убеждению просветителей, принципы человечности углублялись, обогащались в процессе общественно-исторического развития. Полная же реализация человеком своей твор-

ческой сущности составляет основу счастья в жизни, так же, как и осуществление им добра, т. е. важнейшей гуманистической цели.

Принцип же добра в мировоззренческой программе просветителей утверждал истину, правду, красоту. И подходили они к ним с точки зрения исторического назначения человека. Прежде всего, они говорили о необходимости творчества нового мира на основе истины, правды, красоты, добра. Ведь вся духовная жизнь человека органично связана с его творчески-преобразующей природой и ориентируется на реальное изменение мира, естественного и социального с учетом требований совести. И в этом – историческое предназначение человека на земле, полагали они.

В целом просветительство унаследовало идейное богатство духовности народа, ее содержание и принципы. Так, гуманность, человечность, доброта стали важнейшими понятиями этики просветителей. Также и требование доброжелательности, уважительности, почтительности, верности долгу и взаимности в отношениях между людьми. По существу эта программа провозглашалась целью нравственного совершенствования.

Итак, в XIX в. мир осетинского этнического сообщества стал меняться в связи с зарождением буржуазных отношений, развитием процесса общения и взаимодействия с другими народами, товарообмена.

И тогда же просветительское мировоззрение, исходя из той объективной абсолютной истины о том, что индивидуальный интерес ведет к всеобщему благу, к активизации безграничных потенциальных возможностей, заложенных в отдельном человеке, начало беспощадную борьбу за свободу и духовно-нравственное развитие человека, что и предопределило своеобразие философского сознания прогрессивно мыслящей части осетинского общества в XIX веке, специфику собственно осетинской философии.

В 70-е годы идеи русского революционного народничества овладели умами осетинского студенчества, за что многие молодые люди пострадали весьма ощутимо. Так, скажем, Идрис Шанаев, член тайного народнического кружка «нечаевцев», два года провел в Петропавловской крепости. Несмотря на столь тяжкие последствия, осетины-студенты не предавали народнические идеи. А. Ардасенов, член тайного кружка «чайкоцев», вернувшись на родину во Владикавказ, продолжал революционную работу. В 1875 г. во Владикавказе в народническом кружке активно сотрудничали: А. Ардасенов, Х. Тускаев, И. Шанаев, Дж. Шанаев, Годжиев, Е. Газданов, Айдаров и др.

Народники вели пропаганду нового образа мышления, идей равенства, т. е. осуществляли гражданское воспитание горского населения края.

Тогда же А. Ардасенов подчеркивал: «Нужно признать бесспорным, что приобщение края к современному строю и цивилизации... только обострило и еще более углубило материальную нужду крестьянского населения».¹⁹

Конечно же, просветители и народники видели и негативные стороны новых буржуазных отношений. Скажем, Г. Баев осознавал масштабы происходящих трансформаций народного бытия. «Культурность страны измеряется тем прогрессом, – писал он, – который сделало в области материальной и духовной жизни сельское население».²⁰

Г. Баев понимал, какую большую ответственность несет перед историей своего народа национальная интеллигенция, которая, по его мнению, только и может, если руководствуется интересами всего общества, «любовью к добрым традициям своего быта и к своим темным землякам, благодаря которой интеллигенция только и может выполнить свою великую миссию в деле приобщения народных масс к благам культурной жизни и в борьбе с отрицательными явлениями».²¹

Осетинские народники много сил и времени уделяли изучению истории, языка, обычаев и нравов горцев. Как отме-

чал М. О. Косвен, «Замечательную черту 90-х годов в истории этнографического изучения осетин составляет то, что почти всеми авторами этого десятилетия явились осетины, в частности, К.Л. Хетагуров, А. Г. Ардасенов, А. Г. Гатуев и Г. М. Цаголов...»²²

Народники, выступая против феодально-крепостнических отношений, полагали, что для горцев предпочтительнее не капиталистический путь развития, имея в виду, что развитие общества постепенно приведет к естественному «вживанию» горских крестьян в новые социально-экономические условия. Интеллигенцию же они рассматривали как самостоятельный слой социальной структуры общества, который имеет свои цели, мировоззрение и идеологию, направленную на индустриализацию и демократическое развитие политической жизни. Со своих идеологических позиций они критиковали капитализм, буржуазный образ жизни, роль денег в жизни буржуазного общества. Крестьянство же народники рассматривали как ведущую социальную силу. В целом же они вели поиски особого пути, развития, т. е. «человеченного капитализма».

Так, Г. Цаголов называл капитализм «лакейской цивилизацией», «чудовищем, не знающим пощады».²³

С болью в сердце Г. Баев писал: «Со всех сторон нагрянули на Кавказ иностранцы-капиталисты. Из великих богатств края коренное его население, русское и туземное увидит жалкие крохи и обратится в кабальный пролетариат...»²⁴ В тон ему отмечал и К. Хетагуров: «Именно деятельностью инациональной и национальной буржуазии масса народа доведена до полного нищества», разграбления «самыми бесчеловечными способами».²⁵

Осетинские народники пытались соединить традиционное и современное в осетинском бытии и сознании. То есть выступали за синтез традиционализма и модернизма. И это определяло суть их народнического философского сознания.

Признавая народ субъектом целостной социальной культуры, например, К. Хетагуров отмечал отношения солидарности, единства осетинского традиционного общества. Так, он заметил: «Зиу – лучший традиционный обычай взаимопомощи». В нем «каждый осетин от всей души откликается на нужду другого, не принимая во внимание ни родства, ни своих личных интересов». ²⁶ И не случайно. Горцы всегда «внимательно относились к своим бедным, больным, пострадавшим от стихийных разрушительных сил». ²⁷ Больше всего, конечно, поэта беспокоило то, что «промышленность на Кавказе... стоит на крайне низкой ступени развития», – а потому, по его мнению, – нужны меры «для развития производительных сил богатейшего в мире края». ²⁸

Итак, особый интерес в данном исследовании вызывают их мировоззренческие подходы и оценки и, конечно же, стремление осетинских просветителей адаптировать традиционные основы бытия народа к тем изменениям, которые нес грядущий капиталистический строй со своей рыночной экономикой и буржуазными отношениями.

Глава 3.

РОЛЬ КОСТА ХЕТАГУРОВА В СТАНОВЛЕНИИ ФИЛОСОФСКО-КРИТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В своем многогранном творчестве К.Л. Хетагуров отразил тяжелое положение жизни горцев, их стремление бороться против политики царизма и местных феодалов. При этом он свято верил в успех народной борьбы за свое освобождение. Так он писал:

Ночь близится к концу... Ристалища раздора,
Безумной храбрости, насилия, грабежа
Уже становится ареною позора,
Разврата, пошлости, бесчестья, кутежа...
Минуты сочтены, повсюду бьют тревогу...
Уж брезжит луч зари, играя на штыках...²⁹

К. Хетагуров умел точным словом анализировать общественно-политическую жизнь в горном крае и вызывать сочувствие к бедным, в конец ограбленным и униженным горцам.

О своей безмерной любви к родине поэт писал в стихотворении «Не верь, что я забыл родные наши горы»:

За вас отдам я жизнь... все помыслы и силы,
Всего себя лишь вам я посвятить готов...
Вы так мне дороги, так бесконечно милы,
Что сил нет выразить, что высказать нет слов. 30
О бедственном положении горца поэт писал:
Нет места тебе ни в горах,
Ни в наших привольных полях:
Не стой, не ходи, не работай!³¹

То же самое Коста с болью в сердце отмечает и в «Песне бедняка».

Остро обличает поэт царскую администрацию в поэме «Кому живется весело» с подзаголовком «Подража-

ние Н. А. Некрасову». В поэме автор создает образ Сеньки Людоедова, в котором легко узнается начальник Терской области генерал Каханов.

Ведь службу начал Сенечка
В заморской артиллерии,
Верхом на пушке, бедненький,
Поездил тридцать лет.
В нем лютость непомерная
Тогда уж обнаружилась,
Тогда уж в озлоблении
Он мог разгрызть ядро.³²

Коста работал в газете «Северный Кавказ» и превратил ее в центр, вокруг которого группировались прогрессивные силы всего Северного Кавказа. В 1901 г. в газете была опубликована рецензия на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Постоянно в газете помещались статьи и материалы о жизни горцев, о событиях в России и в горном крае. Поэт организовывал вечера, писал статьи, выступал с докладами на русском языке, стараясь донести до сознания русских информацию о бедственном положении своих земляков. Выступал Коста против либеральной печати Северного Кавказа, которая всячески искажала реальное положение вещей, прикрываясь ложью. Так, «Терские ведомости» он называл «Мерзкими ведомостями».

О подлых писаках, искажающих реальность, поэт писал:

Ты публицист уж признанный,
И «Ведомости Мерзкие»
Такого литератора
Не скоро залучат.
Букетом специфическим
И краской возмутительной
Газета Людоедова
Обязана тебе.
Ее передовицами
И письмами из-за моря

Ты кинул грязью в общество
И осквернил печать.³³

Поэт отмечал прогрессивную роль присоединения Осетии к России:

Но вот пришел из-за моря
В поля те первобытные
С литой стальной пушкой
Могучий богатырь.
Бессильные с охотою
Признали в нем заступника,
Надменных же он силою
Заставил бросить щит.
И рать свою несметную
Он поселил меж селами,
Чтоб между усмирненными
Порядок поддержать.³⁴

Коста гневно критикует проявления военно-полицейского произвола царской администрации на Северном Кавказе. Его настрою способствует и тот факт, что в 80-90-х годах XIX века углубляются классовые противоречия, усиливается классовая борьба в крае, и как следствие растет масштаб произвола администрации: передовых людей объявляют бунтовщиками, и начинаются репрессии против них. Многих сажают в тюрьму, многих ссылают в Сибирь или на остров Чечень, где особенно тяжелые условия жизни.

Конечно, Коста, будучи революционным демократом, оценивал все происходящее с позиции идеологии революционных демократов. Он приветствовал развитие капитализма в крае, защищал интересы рабочих, был идеологом революционного крестьянства.

В своем историко-этнографическом очерке «Особа» Коста исследует истоки происхождения классов и классовой борьбы в Осетии. При этом происхождение классов в Осетии на примере Нарской котловины он связывает с развитием социально-экономических условий. «Внутренними врагами», «отще-

пенцами» поэт называет представителей имущих классов. «Все добровольные и принужденные, единоличные и массовые выселения туземцев в Турцию, в Россию и в Сибирь были последствием самых нелепых доносов, тайной и открытой агитации этих «отщепенцев»... Втираясь посредником во все сношения туземцев со всеми государственными судебными административными учреждениями, эти «отщепенцы» развили в крае мздоимство в свою пользу до таких невероятных размеров, что никакой туземец и слышать теперь не хочет, чтобы русским законам можно было решить правильно даже самое пустое дело».³⁵

Национальным проблемам К. Хетагуров посвятил публицистические статьи «Накануне», «Насущные вопросы», «Владикавказские письма», «Неурядицы Северного Кавказа», стихотворение «Горе», «Алолай», поэму «Кому живется весело» и др.

Мы разбрелись, покидая отчизну, –
Скот разгоняет так бешеный зверь.
Где же ты, вождь наш? Для радостной жизни
Нас собери своим словом теперь.
Враг наш ликующий в бездну нас гонит,
Славы желая, бесславно мы мрем.
Родина-мать и рыдает и стонет...
Вождь наш, спеши к нам – мы к смерти идем.³⁶

Таковы вкратце общественно-политические взгляды Коста, занимающие в структуре его философского сознания значительное место.

...Коста Хетагуров впервые теоретически осознанно осмыслил и обобщил эстетические аспекты освоения национального мира осетинским народом.

Предметом эстетики Коста является весь мир его национальной действительности, рассматриваемый им с точки зрения подлинного гуманизма, т. е. с учетом того, как этот мир способствует приближению человека к его собственной природе.

В своей эстетической системе Коста сформулировал общие принципы эстетического освоения мира в любой сфере человеческой деятельности: в искусстве, в быту, в реальной жизнедеятельности. Конечно, в искусстве Коста продемонстрировал высшую сферу эстетического познания национального мира по законам красоты. В эпистолярном творчестве поэта отразились его представления об эстетическом смысле индивидуальности, скажем, в письмах к Анне Поповой и к Анне Цаликовой.

В своей просветительской деятельности поэт всемерно осуществлял эстетическое воспитание. В публицистике Коста сознательно выделил разные сферы эстетики: эстетику быта, эстетику внешности человека, эстетику экологической культуры и т. д. В художественном творчестве (живописи, поэзии, прозе, драматургии) Коста отразил национальные представления о возвышенном и низком, о прекрасном и безобразном, о трагическом и комическом как важнейших категориях эстетики в их глубинной соотнесенности с идеалом, вобравшим в себя народные представления о жизни, о человеке, о целях и лучших формах общественного развития, словом, выражающим народный мир и место в нем человека.

Осмысляя структуру эстетического, Коста задумывался о происхождении и способах функционирования эстетического. При этом он исходил из того, что субъект (человек или общество), воспринимая мир, переживает его. И содержание его интимных переживаний и составляет сущность эстетического. Итак, в системе эстетики поэта можно выделить несколько уровней его концепции эстетического:

- 1) эстетическое в природе;
- 2) эстетическое в человеке;
- 3) эстетическое в обществе;
- 4) эстетическое в искусстве как высшей форме освоения национального мира по законам красоты.

Итак, рассмотрим уровни эстетического. В частности эсте-

тику природы Коста. Учитывая сиротскую долю поэта, можно представить, как он с детства воспитывался в особо нежном и трогательном отношении с природой. И первые представления о формах эстетического, таких как возвышенное, прекрасное т. д., Коста получил именно от природы. Благодаря безупречной красоте родного края, Коста научился любить бесконечно Родину и как ее частицу – родной народ.

Во всем, что составляет личность Коста, активно проявляется, прежде всего, сущность его эстетического отношения к природе.

Она же, эта сущность эстетического отношения поэта к природе, заключается в том, что он рассматривает ее как ценность. И это составляет ядро его эстетического отношения к ней. В представлении Коста природа – такая же ценность духовной культуры родного народа, как и другие, ибо воспитывает и формирует в человеке его духовный нравственный стержень. И, значит: она бесценна.

Как видим, сущностная особенность эстетического отношения Коста к природе выступает как целостно-образная основа его мироотношения. Это его отношение ценностно, эмоционально-чувственно, духовно, личностно, универсально, эвристично. Эстетическое отношение Коста к природе активно-деятельно и противостоит отчуждению человека и природы. То есть гуманизирует человека, приближает его к его истинной природе. А потому эстетическое отношение поэта в этом смысле приобретает уже социальную функцию.

Природа для Коста – и храм, и мастерская, и любимый, родной дом, жизненно важное пространство его человеческого бытия, объект его человеческой жизнедеятельности. И вот, когда поэт не находит аксиологического, ценностного содержания эстетического отношения человека к природе, то это заставляет его страдать. С искренней сердечной болью пишет Коста в статье «До сих пор еще не решенный земельный вопрос»: «Все Алагирское ущелье до Мамисонского перевала уже

расхищено. Общество «Алагир» «Французское» и всевозможные анонимы захватили целые десятки верст. Когда-то вековые сосновые леса, краса Алагирского ущелья, вырублены дотла. Остались только одинокие сироты, спасшиеся от дикости людской на недоступных карнизах «чудо-великана»: тысячи брусьев, сброшенных с огромной крутизны в ущелье, не выдерживая такого падения, своими искалеченными «трусами» загромоздили дно ущелья русла реки Ардон. Больно до слез, какое множество леса гниет здесь без всякой пользы...³⁷

Особенность эстетического отношения Коста к природе в том, что заложенная в нем способность к эстетическому переживанию дает возможность ему не только улавливать, угадывать естественную гармонию природы, но и воссоздать, хранить и творить ее. Здесь поэт обогащает содержание понятия «гармония» в отношениях человека и природы как субъекта и объекта художественного творчества. И этим он тоже закладывает основы осетинской эстетики. В живописных работах Коста природа родного края предстает в своем удивительном качестве: она выступает как духовная ценность, а в структуре художественного мира произведения – как одно из главных действующих лиц. Так, Коста вводит в эстетику формирующегося осетинского профессионального искусства один из важнейших ее принципов – принцип ценностного анализа природы.

Второй важнейший принцип эстетики Коста – принцип единства человека и природы, ибо без него нет в мире гармонии и красоты. По представлению Коста, как человек немислим, не полон, не самодостаточен без родной природы, так и она мертва, не самодостаточна без него. Удивительны жанровые картины Коста. В картине «Дети-каменщики» художник поднимает тему безрадостного детства, непосильного труда на фоне прекрасной природы. Трудно видеть детей в их бедной одежде, с не по-детски умными и выразительными глазами на фоне другой природы, – настолько органичны и естественны,

реалистичны и природа, и маленькие герои картины. И прав был Махарбек Туганов, написав, что «это тот же «Додой» в живописи».

Третий принцип эстетики Коста – это принцип целостности природы и поразительной уникальности каждой человеческой индивидуальности. Как непревзойденный мастер портрета. Коста прослеживает уникальную неповторимость каждого человека из внутренней целостности природы, которая выразилась в индивидуальном характере конкретного человека. По мнению Коста, многообразие человеческого рода всегда проявляется в своем единичном выражении как конкретный индивидуальный характер. Но обуславливается человеческая индивидуальность природным началом и детерминирует социально-историческим фактором. Это уже четвертый принцип эстетики Коста. Эстетика природы Коста исходит из того, что природа как духовная ценность воспринимается только тем человеком, для которого жизнь вообще имеет смысл нравственный.

Потому что эстетическое отношение к природе, по представлению Коста, заложено в человеческой душе как важнейшая исконная духовная потребность. А значит грубое потребительски-прагматическое отношение человека к природе недопустимо, бесчеловечно.

II – уровень. Эстетическое в человеке Коста исследует, выделяя в нем разные начала: природное, социальное и духовное. Словом, те параметры, благодаря которым, по мысли Коста, обусловлена способность индивида к творческому восприятию и созиданию.

Эстетика человека Коста формируется с учетом следующих факторов.

1. Исторически обретение свободы человеком ставит остро проблему его индивидуализации. С присоединением Осетии к России горец получил большую свободу как субъект исторического творчества, исторического процесса. А потому такой

актуальной и становится индивидуальность человека в эстетике Коста.

2. Важным элементом эстетики Коста является высочайшая оценка личностного начала в человеке, его внутреннего мира, его созидательной деятельности. Человек становится основанием формирующегося профессионального искусства, новой культуры. Соответственно и эстетики, теоретически осмысляющей новое искусство и культуру.

3. Такие формы эстетического, как возвышенное, прекрасное, безобразное, трагическое, комическое, Коста творчески реализует под знаком индивидуальности, т. е. в основном применительно к человеку. Словом, в человеческой индивидуальности поэт выражает полноту конкретного содержания предмета своей эстетики.

4. В эстетике Коста индивидуальность человека заявляет о своей национальной самобытности, оставаясь в контексте социальных связей своей эпохи.

5. Эстетика Коста исследует человека в его единстве с миром (с природой, социумом, эпохой); в единстве с его деятельностью; в активных формах проявления его жизнедеятельности.

6. Проблемная направленность эстетики Коста, таким образом, заключается в актуальном осмыслении эстетической значимости индивидуальности в целом.

7. Эстетика Коста, как специфическая форма знания в личности, обогащает представления современного ему общества об индивидуальности человека, его опыта, воображения, вкуса.

8. Эстетика поэта, заинтересовавшись каждым жестом, словом, взглядом, переживанием индивидуального человека, сделала их объектом собственного исследования. В этом и выразилась традиция русской революционно демократической эстетики. И Коста таким образом реализовал свое понимание красоты как полноты жизни и неповторимости индивидуальности.

Коста, придавая большое значение эстетическому смыслу индивидуальности, понимал, что внутренняя сущность человека обязательно проявляется и в его внешнем облике. Этот важнейший эстетический принцип связи внутреннего мира человека с его внешностью, пятым по счету, Коста в полной мере реализовал в своих живописных работах, особенно в портретах. Но и в реальной жизни он выделял эстетику внешнего вида человека.

III – уровень. Эстетическое в социуме, по мысли Коста, обуславливает процесс гуманизации как сущности исторического прогресса. Большую ценность имеет идея исторического развития осетинского общества и осетинского искусства, которую выдвинул Коста как важнейшую тенденцию своей эпохи.

В контексте всего сказанного особое значение приобретает борьба Коста против феодальной замкнутости и деспотизма государственной власти, против крепостничества, духовной косности, т. е. всего того, что тормозит движение осетинской культуры по пути цивилизации и прогресса. В связи с этим Коста большое значение придавал эстетическому воспитанию народа, эстетике быта и организации досуга населения.

О стремлении Коста к осуществлению эстетического воспитания населения говорит его «Письмо в редакцию газеты «Казбек», где он пишет: «Кружок лиц, заинтересованных в достижении физического развития взрослых и детей путем рациональной постановки гимнастики, предполагающих, ввиду назревшей необходимости, основать во Владикавказе, по примеру других городов, гимнастическое общество».³⁸ Или же другое его «Открытое письмо любителям рисования и живописи», в котором поэт объявляет: «Многочисленные просьбы, обращенные ко мне любителями рисования и живописи, убедили меня в том, что во Владикавказе необходимо открыть класс рисования и живописи, для чего необходимо просторное помещение, и я надеюсь, что городская управа ответит нам

в одном из городских училищ просторный класс, чтобы открыть в нем общедоступный класс рисования и живописи».³⁹

Сферу быта Коста рассматривал пространство непродовольственной социальной жизни, в котором осуществляется очень важный процесс удовлетворения как материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, так и духовных потребностей в культуре, общении, отдыхе, развлечении. Коста понимал, какое большое влияние быт, как уклад повседневной жизни, сказывается на труд, общественную деятельность, настроение и поведение людей. Дифференцируя быт на общественный, городской, сельский, семейный, индивидуальный, поэт рассматривал структуру его с точки зрения соотношения материальных и духовных аспектов.

Историзм мышления Коста проявлялся и в том, что он понимал, что именно под влиянием социальных, географических условий у народа вырабатывается тот или иной комплекс традиций, обычаев, обрядов, органически связанных с жизнедеятельностью и повседневным бытом, что отразилось в его очерке «Особа». А потому такое большое значение придавал он общественным формам удовлетворения потребностей людей: сети бытовых предприятий, общедоступных библиотек и т. д. В них он видел цель не нивелировать потребности и вкусы людей, а стремление ликвидировать отставание быта горцев от современных требований. С большой благодарностью и любовью Коста относился к Варваре Григорьевне Шредерс, основательнице первой библиотеки во Владикавказе. Об организации же сети разных предприятий, призванных гуманизировать быт и бытие горцев, поэт специально пишет «Открытое письмо к осетинской интеллигенции», в котором замечает: «К величайшему прискорбию, до сих пор сбыт кустарных изделий остается таким же убыточным, как 50 лет тому назад».⁴⁰ И тут же в качестве важнейшей задачи предлагает: «Прежде всего, надо открыть во Владикавказе контору с магазином, куда бы население Владикавказского округа, а там, бог даст и все

население Терской области могло направлять все изделия своего кустарного производства».⁴¹

Такова вкратце эстетика социума у Коста и основные ее направления и функции.

IV-ый уровень – эстетика художественного творчества Коста.

Эстетические взгляды Коста – это выражение передовых демократических тенденций, которые возникали в осетинской национальной культуре второй половины XIX в.

Прежде всего, надо отметить, что искусство он рассматривал как средоточие всех эстетических проблем, во-первых, и, во-вторых, как социальный феномен, который активно влияет на ход общественного развития в целом. А потому и задачи искусства Коста рассматривал как практическое распространение реального просвещения, понимаемого им как процессуальное развитие мысли, т. е. разумного начала, и нравственности; как нравственно-духовное и индивидуальное развитие личности и общества в целом.

Коста выдвигал целую программу искусства, которая, с его точки зрения, призвана была определить место его как специфического, уникального явления в жизни современного ему общества со сложным комплексом стоящих перед ним первоочередных проблем. И цель его – научить общество размышлять о жизни, исследовать ее, стремиться к ее улучшению, к прогрессу.

В связи с этим Коста ставит на первое место воспитательную функцию искусства, определяющую его социальный статус. Соответственно перед ним возникает круг новых проблем. И, конечно же, проблема содержания искусства и методы, способы передачи этого содержания. Общественно полезное содержание и критикующий общественные недостатки метод – таковы принципы, из которых исходит Коста при определении требований к формирующемуся национальному искусству. Ибо только тогда, по убеждению

К.Хетагурова, оно есть не «роскошь» и не «забава» в жизни общества.

Далее Коста развивает свое понимание искусства. Способность искусства к правдивому воспроизведению жизни, убежден К. Хетагуров, – условие его общественной ценности и важный критерий собственно эстетического достоинства искусства.

В программе искусства поэта важная роль отводится познавательно- преобразующей возможности реалистического художественного творчества. Коста полагал, что искусство не только преобразует: но и, наравне с наукой и публицистикой, формирует общественное бытие и общественное сознание. По мысли Коста, искусство предлагает вначале общественному мнению новые мысли, мысли-задачи, которые со временем воздействуют на органы власти и государства. То есть верил, что с помощью более прогрессивных идей можно воздействовать на общественную жизнь. Отсюда злободневность и социальная активность искусства, – таково его понимание проблемы социальной функции искусства, занимающей в программе Коста ведущее место.

В понимании социальной природы и функций искусства Коста проявил близость к русским революционным демократам, к русской культуре в целом.

«Поэт вашего времени есть в тоже время и Мыслитель..., – подчеркивал Белинский. – Поэзия и философия уже не только не чуждаются друг друга, но беспрестанно подают друг другу руку, чтоб взаимно поддержать себя, и даже часто до того смешиваются друг с другом, что иное философские сочетание, прежде всего, назовете вы поэтическим, поэтическое философским». ⁴² Эту точку зрения в полной мере разделял и Коста Хетагуров как истинный революционный демократ.

В философии истории Коста придерживался идеи исторического прогресса, источник которого он видел в развитии индивидуального и общественного сознания, выдвигающего все

новые идеи и представления о жизни, о человеке, о культуре. При этом национальное рассматривал как форму выражения общечеловеческого.

Эстетическая теория Коста на практике вела к оригинальной и успешной попытке обосновать принципы осетинского реалистического искусства. Специфику же искусства поэт определял как форму «мышления в образах», которая ничуть не ниже логического мышления, – утверждал он, вопреки теории Гегеля.

Коста впервые выдвинул в осетинском профессиональном искусстве принцип историзма, в соответствии с которым остро осознается необходимость связи искусства с социальными потребностями общественной жизни. И соответственно он отверг идею «искусства для искусства» изначально.

В концепции реализма Коста большое место занимает и трактовка художественного образа как органического единства общего и индивидуального и ее роли в процесс создания реалистического характера.

Коста же выдвинул принцип народности искусства как отражения особенностей осетин и национального характера, выражения его интересов и потребностей духовного развития.

Коста выработал представления о гармонии внешнего и внутреннего, которая является условием красоты человека. Цельности человеческой личности, величия его души, высокой нравственно-духовной культуры, – своеобразного идеала душевного благородства человека. Это легко просматривается в любом художественном произведении Коста, и в живописи, и в поэзии, и в прозе, и в драматургии, и в публицистике, в письмах поэта.

Национальная действительность, национальное бытие предстает у него как основной предмет искусства. Отсюда особая ценность творчества Коста: в нем явления национальной действительности осмыслены эстетически, т. е. в их конкретном, общечеловеческом и общенациональном значении.

И так рождается важнейшее качество творчества поэта: художественность, которая и формирует специфику искусства – художественный образ. Природа искусства Коста диктует необходимость проникновения в него философских, этических, социально-политических идей, которые, однако же не подменяют собой эстетического. То есть, существует своя диалектика связи искусства и других форм общественного сознания формирующая искусство Коста.

Для Коста реальные эстетические свойства и особенности явлений национальной действительности и составляют основу его художественного образа. Так проявляется специфика художественного освоения Коста природой и общественным содержанием национальной действительности. И здесь надо искать корни и своеобразие художественного образа Коста, природу социально-функциональной широты и масштабности художественности поэта.

Критический пафос Коста-публициста сконцентрировался на отрицании реакционного в жизни общества и созидании нового национального искусства.

В поэзии, прозе, драматургии Коста, в его живописи, в театральной деятельности его особенно ярко проявились эстетические взгляды поэта.

Проживая с 1885 по 1891 год во Владикавказе, Коста самозабвенно отдается художественному творчеству и создает лучшие свои картины. В те все годы он много сил отдаст организации местных художественных сил, устраивает первую во Владикавказе выставку картин, проводит и художественно оформляет благотворительные вечера с постановкой живых картин. Тогда же работал Коста и художником-декоратором в городском театре, проявил выдающиеся способности на этом поприще. Успешно выполнял он по заказу местной церкви и иконописные работы.

Удивительны жанровые картины Коста, пейзажи, портреты, рисунки. В них он выразил огромную любовь к родине, к

природе родного края. Коста ярко отразил быт народа в таких полотнах, как «Гонка араки», «За водой». Удивительны своей жизненностью, глубоким реализмом портреты К. Жукаевой, А. Поповой, автопортрет; пейзажи «Природный мост», «Тебердинское ущелье», «Перевал Зикара». Коста выступал с развернутой эстетической системой, хорошо зная материал искусства, его историческое своеобразие, выявляя универсальное в эстетическом восприятии выразительных форм. Ведь он воспринимал искусство как саму жизнь в ее ключевых символах. А потому в художественной концепции мира, которую поэт создал, была заключена какая-то завершенная структура бытия, в которой отразились определенно установленные отношения между человеком и действительностью.

Коста формировал свои представления о красоте, развивая осетинскую эстетику изнутри, т. е. осмысляя реальные процессы искусства. Так он выделил собственный предмет эстетики, т. е. нашел ее междисциплинарный характер.

Коста внес столько нового в осетинскую культуру, что наследие его вполне дает возможность осмыслить ученым-исследователям такие понятия, как «художественная» и «эстетическая ментальность» поэта и ввести их в научный оборот. Это поможет открыть новые грани выдающегося таланта гениального поэта и художника, театрального и культурного деятеля своей эпохи.

К. Хетагуров философски относится к бытию как объективной реальности и четко различал в нем различные уровни: 1) материально-предметную реальность, 2) объективно-идеальное бытие, куда он относил ценности культуры, 3) бытие личности. Подобная философия бытия у Коста сложилась в атмосфере научного и культурного подъема в результате присоединения Осетии к России и тех духовных процессов, которые были присущи сложному историческому этапу конца XIX и начала XX в. В свою очередь эта философия бытия Коста Хетагурова оказала огромное влияние на целую эпоху наци-

онального развития, – нравственного, культурного, – осетин и свете новых идей своего времени, ярко выразив духовную сущность и самобытную содержательность общественного сознания.

Коста предъявил высочайшие требования к формирующемуся профессиональному искусству: художественной литературе, изобразительному искусству, театральному искусству. И определил его основные функции и задачи, исходя из специфики его природы и сущности. Это социальная функция, социальная значимость искусства Коста, страстно мечтавший видеть свой народ в ряду цивилизованных народов мира, и посвятивший свою жизнь без остатка тому, чтобы помочь ему «дорогу к свободе проложить», выделял в ценностях национального духа, национального сознания, национального характера и культуры в целом общечеловеческую сущность, исторически и социально обусловленную. В своих мировоззренческих установках, в теоретических подходах, которые безусловно были – иначе бы он не был основоположником профессионального искусства Осетии, – в своем художественном творчестве Коста заложил общие принципы эстетического освоения действительности. И в своем же художественном творчестве он практически оформил и закрепил эти принципы, а профессиональное искусство представил как специфическую сферу человеческой деятельности по освоению мира по законам красоты. Вообще человеческое бытие, существование социума в представлении Коста-гуманиста это и есть освоение мира по законам красоты, а история человеческой личности или человеческого общества – это все более многогранное освоение мира, происходящее по законам красоты. В этом как раз и заключена сущность его гуманизма.

Воспитанный в традициях русской революционно-демократической эстетики, Коста приступил к художественному творчеству, уже не интуитивно, а теоретически постигнув законы эстетики, теоретически осмыслив и обобщив художе-

ственную практику. И это помогло ему совершить огромный творческий подвиг – заложить основы осетинского профессионального искусства: художественной литературы, изобразительного искусства.

Прежде всего, эстетические взгляды Коста, сложившиеся в стройную систему, помогли сформировать определенную художественную концепцию мира. Целостная система эстетических принципов Коста трансформирована в его художественных образах.

Мировоззрение же Коста формировалась в процессе всей его жизнедеятельности, в процессе его активного отношения к жизни.

Во многом разделяя мировоззрение русских революционных демократов, Коста своеобразно отбирает жизненный материал и проявляет своеобразное видение мира. И тут очень четко проявляется его эстетическая система. Как большой художник, Коста не только творит, но и осмысляет законы творчества, формулирует эстетические законы. Задав определенные эстетические нормы, надо заметить, очень высокие даже по теперешним нашим представлениям, Коста совершил еще один культурологический и патриотический подвиг: он поднял уровень эстетического сознания потребителей своего искусства (читателей, зрителей) на новую высоту, он заставил их задуматься о том, о чем они раньше не думали, прочувствовать то, что прежде не чувствовали.

Реализовав столь высокие эстетические критерии в своем художественном творчестве, Коста формировал эстетический вкус, который доставлял высшее духовное переживание, т. е. эстетическое наслаждение. При этом Коста, безусловно, гуманизировал и эмансипировал общественное сознание, воспитывал у публики новое отношение к жизни и к миру, формировал новую картину мира. А последователей его творчества – художественно образовывал: учил творить.

Коста постоянно решал вопрос о сущности искусства, его

закономерностях, о специфике литературы, театра, живописи, о специфике художественного образа, художественного метода. Но, решая эти вопросы, он не мог не думать о природе прекрасного, возвышенного, трагического, комического. Конечно, он решал эти вопросы в русле традиций русской революционно-демократической эстетики.

Социологический подход к искусству дал возможность Коста рассматривать искусство с точки зрения общих у него с другими формами познания, особенностей. Но помимо этого, Коста поставил и проблему анализа художественного творчества, предусматривающего установление закономерностей, присущих искусству в его специфических внутривидовых границах. И именно так, т. е. в комплексе двух подходов, его эстетические взгляды принимают форму целостной и завершенной теории, глубоко проникают в сущность художественного отражения действительности.

При этом, конечно же, основа его эстетики – его понимание реализма и художественной типизации. Проблема специфики художественной формы познания, проблема соотношения в искусстве пользы и красоты.

Формы художественного повествования Коста рассматривает как более доступную для масс, более наглядную, чем наука. И в то же время оно способно, по мысли Коста, воплощать в себе огромные пласты народной жизни, что не дано другим формам общественного сознания. То есть он четко определял у искусства собственный предмет, различал разделение сфер интересов и возможностей искусства и науки при исследовании специфики данного предмета. Это художественное отражение жизни народа и изучение тайн природы, в том числе и природы человека.

Коста ценность искусства определял в зависимости от того, в какой мере оно отвечает духовным и практическим нуждам народа. То есть, он переносит центр тяжести художественного отражения жизни на малопривлекательные, но необходимые

обществу факты и явления. Путь же эволюции видел в процессе постепенного усложнения, т. е. в движении от усвоения обществом элементарных норм к более совершенным формам общественного бытия.

В своем непосредственном художественном творчестве Коста проявил себя как великий творец красоты и в искусстве. Таким образом, он показал свое полное понимание природы красоты. Понимание же проблем реализма и художественного творчества в целом Коста Хетагурова сформулировано в теоретических положениях.

В письме к Ю. А. Цаликовой от 17 июля 1899 г. поэт пишет по поводу выхода сборника «Галабу»: «В «Галабу» действительно много детского лепета, и я очень удивляюсь Гаппо, как он, такой витиеватый присяжный поверенный (с 4 июля), не имеет никакого понятия о простых технических требованиях стихосложению. Можно быть каким угодно бессодержательным декадентом, но стих должен быть сложен по правилам, выработанным веками, – иначе это не стих... Я не говорю о рифме, – она имеет второстепенное значение, хотя и является главным техническим затруднением для поэтов при разработке серьезной темы... У него же в «Галабу» ничего нет – ни техники, ни рифмы, ни даже сколько-нибудь осмысленной идеи. Чепуха ужаснейшая! Печатать и распространять такую галиматью – это значит извращать... смысл и цели изящной литературы и вкусы жаждущих ее иронов... По-моему, лучше еще 100 лет не печатать ничего, чем распространять такую дребедень...»⁴³

Коста заложил основы теории отдельных видов национального искусства: поэзии, живописи и т. д. И через это решал и общеэстетические проблемы тоже. То есть, он ставил осетинское искусствознание на научную основу. Заложил основу истории отдельных видов искусства. С Коста начинается осмысленная тенденция распада теории искусства на теорию его отдельных видов. С него же начинается развитие про-

фессионализма как способности или возможности наиболее полного и целостного отражения национального мира.

Еще обучаясь в Ставропольской гимназии, Коста изучал тайны поэзии, специфику классического стихосложения. Это дало ему возможность заложить основы осетинского стихосложения, а осетинский язык осмыслить как важнейший строительный материал и во многом выявить его эстетику. Приступив к работе в области живописи, Коста вынужден был обратиться к современной ему науке (анатомии, геометрии) и он поступил в Академию художеств. Здесь он, используя теорию живописной перспективы русской школы, сформировал основы осетинской живописи.

Коста также заложил основы осетинской литературно-художественной критики.

Об эстетических взглядах Коста выразительно свидетельствует его отзыв об Александре Кубалове и его поэме «Æфхæрдты Хæсанæ». «Кубалова, – пишет он, к сожалению, я не знаю, – видел его только раза два. Судя по его «Афхардты Хасана», я не вижу в нем тихой вдумчивости в смысл и цель жизни и поэзии. И это не потому, что он еще молод, – нет!.. Даже по детским опытам особенности можно видеть ясно», насколько он «поверхностен или вдумчив и глубоко восприимчив». ⁴⁴ Хетагурову не понравилась позиция автора, т. е. «смысл и цель жизни и поэзии» сказателя патриархального крестьянства, слепого Бибо в преддверии рождения буржуазных отношений. Отзыв, данный Коста в сентябре 1899 г. в Херсонской ссылке, явно выражал эстетическую платформу революционного демократа уже создавшего свои лучшие произведения, ставшие шедеврами революционно-демократического искусства, обогатив осетинскую действительность и сознание забитых горцев новыми идеалами.

В письме же к Г. В. Баеву от 19 июля 1899 г. он пишет: «Если я пишу то или иное слово так, а не иначе, то я пишу сознательно, я над ним долго ломал голову и не хочу ни тебе, ни кому

бы то ни было позволить изменить их без моего ведома, бездоказательно, и тем более в стихотворении, где не должно быть ни одного лишнего звука или недостатка в нем и где каждая буква занимает рассчитанное заранее место. Стихотворение не газетная заметка, которую какой-нибудь трусливый и невежественный редактор может коверкать...»⁴⁵ и далее добавляет очень важный момент, определяющий важнейший принцип его творчества в формирующейся литературно-художественной критике: «Я пишу то, что я уже не в силах сдержать в моем наболевшем сердце...»⁴⁶

Во многом Коста продолжил традиции фольклорного художественного мышления осетин и русской классической эстетики. А потому в основу эстетических и художественных исканий своих поставил живого, реального человека и его природу. Так родилась картина «Святая Нина», поэма «Фатима», «Ирон фандыр».

То есть, ориентируя рождающееся искусство на определенные светские формы, Коста утверждал красоту чувственно воспринимаемой действительности; соответственно и разрабатывал новые способы и средства для восприятия ее богатства и многообразия. И здесь при изучении и интерпретации религиозной и другой тематики культуры он чувствовал потребность в теоретическом осмыслении эстетических проблем (возвышенного – низкого, прекрасного – безобразного, трагического – комического), ведь он формировал концептуальные основы своей и осетинской эстетики в целом тоже.

Итак, Коста определил в целом художественно-эстетический тип последующего культурного развития осетинского народа и по сегодняшний день тоже. У Коста сформировалась очень цельная эстетическая картина мира, в которой каждый составляющий ее структуру элемент, будь то природа, человек, социум, – занимает только ему отведенное место и играет свою роль в общей концепции мироздания поэта. И только

в общем созвучии всех составляющих реализуется в полной мере важнейшее эстетическое свойство действительности – красота как гармония в мире.

...В эстетике К.Л. Хетагурова доминирующей является категория прекрасного. При этом природу и сущность прекрасного Коста определяет своеобразно. В его представлении концептуально прекрасное – прежде всего, высокая духовность, которая облагораживает наш несовершенный объективный мир. То есть, в понимании Хетагурова, суть прекрасного приобретает социальную, нравственно-этическую ценность и значение.

Главным инструментом в трактовке категории прекрасного поэт избрал, естественно, художественный образ, который выступает как высшая форма освоения мира по законам красоты. У Коста художественный образ приобретает качественную характеристику. Во-первых, это формальный аспект – совершенство формы, во-вторых, это содержательный аспект – глубину мысли; в-третьих, это высочайшее мастерство (поэт мастерски владел художественно-изобразительными средствами), в-четвертых, это масштабность и значительность художественной и философской концепций.

То есть в художественных образах К.Л. Хетагуров формирует свой идеал красоты, выявляет идеальную меру человеческой души, соотносит ее свойства с социальными и нравственно-этическими нормами современного ему общества. И поскольку художественный образ – это единство мысли и чувства, рационального и эмоционального, то поэт через конкретно чувственную природу частных явлений делает широкие художественные обобщения. При этом исходит из своей главной творческой и философской установки: прекрасное – это, прежде всего, высокая духовность. По концепции К.Л. Хетагурова, только духовный опыт указывает путь, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга. Только он может подсказать, что подлинно главное и ценное в жизни.

Дать человеку те ориентиры, ради которых стоит жить, бороться и умирать.

Только этот внутренний индивидуальный духовный опыт делает человека полноценной личностью с подлинно гуманистическим характером, со способностью духовно творить, т. е. наполнять духовным содержанием общественную жизнь, а также понятия, как свобода, семья, родина, государство, наука и искусство.

Духовность, по мысли поэта, вбирает в себя все грани жизни человека. Что же касается содержания духовных процессов, нравственных ценностей, то они тоже входят в духовность человека. Все эти аспекты духовной жизни, ее содержания, фиксируются в художественном образе у поэта не просто в своем мозаичном многообразии, а в органическом единстве, взаимосвязи, целостности.

К.Л. Хетагуров полно выразил национальную «самость», обращаясь к глубинам духа своего народа, к тем глубинам, которые заложили века всенародного труда и страданий. Коста имел ведущее его духовное начало. Именно оно дало ему возможность подняться на ту высоту, с которой перед ним открылся всечеловеческий духовный горизонт, позволивший Коста воскликнуть:

Весь мир – мой храм, любовь – моя святыня, Вселенная – отечество мое.

Согласно концепции К.Л. Хетагурова, для истинного патриотизма характерна не простая приверженность к внешней обстановке и к формальным признакам быта, но любовь к духу, скрывающемуся в них, к духу, который он создал и выстрадал. То есть важно не внешнее, а внутреннее, не видимость, а сокровенная сущность. «Эти... «дикари», – писал Коста Хетагуров, – сумели сохранить такие традиции, какими может гордиться лучший европеец. Рыцарская неприкосновенность чести, святость долга, верность данному слову и многое другое до того присущи каждому туземцу, что с ними следовало бы считаться всем...»⁴⁷

Своеобразна в эстетике поэта и концепция совести: прежде всего, она рассматривается им как мера внутренней свободы. Ибо, по его глубокому убеждению, человеку легче было бы постичь закон внутренней свободы, если бы он чаще прислушивался к «голосу совести». Ведь человек, переживая это душевное состояние, реализует внутреннюю духовную свободу, и у него невольно открываются глаза на его подлинную природу. Он сам становится духовно свободным и сильным, способным на самые прекрасные поступки и деяния. Человек, переживший акт совести, завоевывает себе доступ в сферу, где долг не тяжел, где инстинкт смиряется духом, где живут любовь и добро.

Таким образом, совесть в эстетике и этике К.Л. Хетагурова – одно из чудеснейших свойств человеческой природы.

Это самая мощная духовная сила, которая раскрывается в нас как наша собственная глубочайшая сущность. То, на что указывает нам наша совесть, к чему она ведет, всегда нравственно-совершенное.

...Публицистика Коста представляет собой качественно определенную систему информации, многогранное, внутренне целостное явление, обнаруживающее в себе органическую связь всех видов литературы. Предназначение ее в том, чтобы в сложной и изменчивой текущей жизни современного поэта общества путем ее правдивого отображения помочь осмыслить и оценить факты и явления с определенных социально-политических позиций. И, соответственно, воздействовать на социального субъекта (личность или общество в целом) в сложившейся ситуации. Направить и организовать деятельность данного субъекта на конкретное решение социально-классовых задач.

Публицистика Коста имеет сложную внутреннюю структуру. Каждое публицистическое произведение имеет две подструктуры: логико-понятийную и эмоционально-образную, выполняющие вместе собственно-информационную и цен-

ностно-ориентационную функцию. В данных сложных структурах скрыт глубинный смысл и этико-политическая цель, которая успешно трансформировалась, благодаря мастерству автора, в определенную, организационно-воспитательную задачу. Если бы одна из этих подструктур вдруг распалась, конкретное произведение бы из сферы публицистики перешло в смежную область: науку или искусство. То есть, это особый тип художественного познания мира.

По форме, содержанию и строению публицистика Коста близка к обыденному сознанию. Только информация, которую она содержит, пропущена сквозь сито научных и идеологических теорий, мировоззренческих и философских позиций самого передового класса, самых прогрессивных идеалов своей эпохи. Отсюда ее существенные качества: достоверность и ценностная ориентация.

Диалектическое единство логического и образного начал в публицистике Коста прослеживается буквально во всех ее жанрах. Конечно же, в каждом конкретном случае соотношение их различно. В тех, которые ближе к научной статье, преобладает научная строгость, в тех, что ближе к искусству – художественная образность. Но исходная точка во всех публицистических произведениях Коста – единство и взаимосвязь двух форм познания: логической и чувственной. О наболевшем поэт любил говорить открыто, громко, «разумным языком критики» (К.Маркс), конечно же, и полным страсти языком самой жизни.

В этой диалектической противоречивости двух существенных начал и следует искать природу эстетического в публицистике Коста и выявление эстетических возможностей отдельных его публицистических произведений.

Публицистика Коста решает свои творческие задачи, сближаясь одновременно с наукой об обществе и искусством, являясь переходной формой между наукой, идеологией и искусством.

Коста значительно расширил границы эстетического освоения национальной действительности, обогатил опыт самой осетинской эстетической мысли. В сфере его публицистики проявилось это многообразно. В частности, в стремлении сделать документальное отражение образным, придать факту, информации художественность, добиться красоты подачи материала. Таков здесь процесс обогащения эстетических средств освоения действительности. Для Коста эстетическим содержанием публицистики становится выразительность документа, факта, явления. И добивается он наивысшей выразительности в результате эстетической субъективации отражаемого объекта.

При этом роль автора усложнилась. Если писатель обычно в ценностной структуре своего творчества делает упор на общечеловеческие ценности, на исследование наличия или отсутствия его в конкретно-историческом проявлении, то в публицистическом творчестве Коста шел своим путем: в общечеловеческих ценностях выявляя конкретный классовый смысл и содержание; в общечеловеческом потоке событий и явлений осмысляя единичную судьбу частного человека. Единство документального и художественного, синтетическое по своей природе, и создает в данном смысловом контексте образность публицистики Коста и вырастает в художественное качество.

Жизненный факт, проходя через авторское ценностное сознание Коста, проходит сложную трансформацию. С помощью отдельных штрихов, сцен эпизодов, портретов, воплощенных в своеобразном сюжетном сцеплении, вдруг трансформируют самые абстрактные понятия в абсолютно зримые, обретающие художественную «плоть и кровь» образы. Так жизненная их достоверность становится совершенно очевидной.

Мастерство Коста-публициста в том, что он находит тему, выбирает наиболее подходящий жанр, строит стройную систему логических доказательств, дает образное представление об изображаемом объекте, разрабатывает композиционное

построение, подбирает средства художественной выразительности. То есть автор ищет адекватную форму выражения для того или иного конкретного содержания: так формируется его публицистическое искусство.

Эстетико-аксиологический подход к изучению публицистического наследия Коста позволяет судить об эстетической ценности этого наследия, о роли его в развитии эстетического сознания народа, в целом национальной культуры. О связи истины и красоты в творчестве поэта.

В публицистике Коста истина и красота органически взаимосвязаны, взаимообусловлены. Это основной принцип публицистического творчества поэта.

Природа публицистической информации Коста объективна, т. е. в основе публицистического выступления поэта всегда лежит реальный жизненный факт, пропущенный через мировоззренчески-идеологическую и научно-художественную «призму» авторского ценностного сознания и прошедший его своеобразную интерпретацию.

Публицистический факт в данном случае имеет объективное содержание, т. е. отражает конкретное событие, социальное движение. Но содержит в себе и субъективный элемент: Коста всегда выступает с позиций революционно-демократического мировоззрения. При этом талант его такой мощной силы, что эстетическое восприятие того или иного публицистического факта его только усиливается, хотя автор и верен закону меры. Эффект при этом получается очень сильный: воспроизведение жизни в публицистике Коста, как и во всем его творчестве, приобретает гораздо больший масштаб, чем реальный факт в самой действительности. А дело в том, что Коста сообщает читателю истину, руководствуясь законами красоты, т. е., придавая факту классово-идеологическую направленность при осмыслении, достигает и эмоциональной выразительности и заразительности.

Коста не просто правдиво передает конкретный объектив-

ный факт, он в своей позиции всегда предельно доказателен, способен к широким обобщениям, умеет вести общественно значимую полемику, словом, решает важные пропагандистские задачи, которые ставит перед собой. То есть, Коста в полной мере умеет прочувствовать и изобразить жизненную правду явлений. Он ищет особую образность на стыке документального и художественного, в синтезе которого и формируется жизненная правдивость идей, характеров и ситуаций публицистики Коста.

Публицист конечно же, оперирует избирательным видом типизации. Он ищет те факты действительности, в которых есть определенные обобщения личности, в которой сфокусированы общественно значимые черты.

Информационные жанры публицистики Коста имеют большой арсенал средств для образного воплощения действительности, для усиления эмоционального воздействия на читателей, для создания образов, вызывающих различные эстетические чувства: прекрасного, возвышенного, комического и т. д.

Репортажи Коста, как формы зримого отражения и осмысления события, динамично и образно раскрывают факт через непосредственное восприятие автора-очевидца, создавая для читателя эффект присутствия. При этом наряду с документально-точным изображением факта обязательно присутствует и художественно-образное, эмоционально насыщенное.

В заметках же Коста превалирует и своеобразная стилистическая окраска, особенно сатирический элемент в критических материалах или с легким юмором в некоторых заметках.

Более богатыми эстетическими возможностями отличаются аналитические жанры публицистики Коста, в которых автор осмысляет общее как выражение совокупности отдельных фактов и явлений.

Такие публицистические статьи Коста, как «Неурядицы Северного Кавказа», очерк «Особа», очень близки к науч-

ным. В них автор проявляет научно-исторический подход к событиям прошлого осетинского народа и современной действительности. В них автор проявляет эстетику политически острой актуальной диалектической и полемической мысли. Во-первых, в них обязательно присутствует эстетический идеал долженствования, т. е. представления о том, какой должна быть жизнь человеческая в абсолюте, т. е. в формах проявления абсолютной свободы, если бы она была вообще возможна. То есть наряду с красотой идеи в статьях присутствует и искусство авторского размышления и обобщения, во-вторых. В-третьих, особая динамика движения мысли. В-четвертых, форма ее воплощения.

Словом, для эстетики публицистических статей и очерков Коста характерно органическое единство рационального и эмоционального, логического и образного.

Важной чертой эстетики публицистических произведений Коста является органическое единство выразительности и изобразительности. Публицист активно и творчески использует языковые средства не только для выражения мысли, но и с целью эмоционально-образной передачи впечатлений, а в целом – для успешной художественной типизации.

Заслуга Коста в том, что он повысил уровень использования эстетических возможностей изобразительных средств, широко применил реалистические сравнения, остро и метко отразившие особенности национальной и социальной действительности. Использовал и другие средства усиления экспрессивно-эмоциональной стороны языка: метафоры, эпитеты, аллегории, гиперболы, иронию, поэтические фигуры языка.

Публицистика Коста выполняла сложные задачи: во-первых, информировала о событиях общественной жизни, обо всем, что важно для общества; во-вторых, не просто информировала, но и оказывала воздействие на ориентацию в сложной социальной действительности, оценивая социальные явления

бытия национального, регионального, стремясь направить и организовать разные силы и их деятельность на решение определенных социально-классовых задач.

Поэтому сущностную структуру публицистики Коста, пропущенной через нравственно-эстетическое его сознание и составляет социально-политическую ценностную ориентацию. Сущностная же структура социально-политических ценностей в публицистике Коста реализуется через: а) структуру информации, организованную в формы, близкие обыденному сознанию конца XIX в. (жанры: заметка, репортаж, фельетон, аналитическая статья, очерк); б) систему нравственно-эстетических ценностей, слитых и с информацией. Словом, в публицистике Коста, в ее внутренней структуре органически присутствует эстетическая оценка, имеющая собственную структуру. Это: 1) эстетические свойства отображаемого объекта; 2) эстетические свойства нравственно-идеологических ценностей самого автора-субъекта; 3) эстетические свойства, рожденные в результате единства в публицистике Коста объективного факта и его оценки.

Эстетическая же ценность публицистики Коста определяется его органической связью с объективной действительностью. Эстетическое совершенство публицистических произведений поэта отмечается внутренней гармонией формы и содержания, рационального и чувственного, логического и образного. Конечно же, огромное влияние оказала и сама личность Коста, его мировоззрение, социальный опыт. Заслуга его в том, что он эстетизировал публицистику и в то же время поднял осетинскую эстетическую мысль на качественно более высокий уровень. Он своей публицистикой помогал народу осознать глубину и важность своего эстетического сознания, художественные и эстетические потребности. С этой целью Коста преобразовал всю систему искусств, вернее, создал эту систему искусств, в которой большое и заслуженное место занимает и эстетика.

Итак, Коста Хетагуров, как основоположник осетинской литературы, фактически сформировал своей просветительской деятельностью, мировоззрением, творчеством философско-критическое направление осетинского литературного процесса всерьез и надолго: традиции его сильны в осетинской литературе и сейчас, в XXI веке.

Глава 4. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕ- СКАЯ ОБСТАНОВКА В ОСЕТИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1900-1917 гг.)

Еще в 80-е годы XIX века зарождается рабочее движение в Осетии.

В середине 90-х годов рабочее движение в России вступило в новое качество: оно соединилось с социализмом, что на практике означало, что рабочие стали выдвигать не только экономические требования, но и политические. При этом рабочее движение попало под влияние «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», который создал Ленин. Вскоре идеи Союза захлестнули и доведенных до отчаяния рабочих Садонского рудника, решившихся на забастовку в октябре 1897 г.

В тяжелое положение попали и крестьяне, замученные постоянными повинностями и налогами, тогда как тагаурские алдары, дигорские баделята, юнкера, урядники освободились от налогов.

6 мая 1905 г. рабочие Владикавказа и Садона объявили под руководством социал-демократов всеобщую забастовку. Крестьяне присоединились к ним и громили лавки, магазины, склады.

Итак, «национальный вопрос стал одним из основных факторов революционной ситуации, складывающейся на рубеже XIX-XX вв. Обострению этого запутанного вопроса способствовала политика Николая II – необоснованное стремление к диктаторским полномочиям в национальных окраинах, что выражалось в массивной русификации и унификации системы управления нерусскими народами, в т. ч. и осетинами».⁴⁸

Дала о себе знать и «запутанная земельная проблема». А потому «необходимость замены самодержавия правовым го-

сударством, обязательность решения национального вопроса и ликвидация помещичьего землевладения были очевидными. Однако жесткая, консервативная политическая система Российской империи в силу различных обстоятельств не смогла сделать объективные социально-политические прогнозы своей перспективы в целом. Это стало одной из главных причин будущей обвальной децентрализации, трагедии российских народов и краха государственности России».⁴⁹

Так, в начале XX в. Осетия встретила начало империализма и вступила в водоворот мирового товарного обращения, вследствие чего ломаются остатки старинной осетинской патриархальной замкнутости. При этом создаются фабрики и заводы, рождаются разные формы капиталистической организации и промышленности, в сфере банковского кредита, обмена и т. д.

При этом подъем промышленности порождал хищническое отношение к горнорудным богатствам края. В начале XX в. в Осетии растет добыча цветных металлов. В крае работают общества и компании: «Терское горнопромышленное общество», «Горно-химическое общество Алагир», «Кавказская ртуть» и т. д.

Все это вызвало возмущение осетинской интеллигенции. Так, Е. Бритаев считал, что надо «избавить народ от проклятого ига царской власти».⁵⁰ А в вопросах государственного устройства Осетии требовал «широкого» местного самоуправления,⁵¹ т. е. создание таких условий власти, «которая допускала бы самих иронов к устройению своей судьбы».⁵²

Также и Ц. Гадиев в 1906 г. писал: «Мы уже не можем жить по-прежнему, мы больше не в состоянии терпеть наши мучения и страдания... Массы поняли, что власть одних над другими не является велением небес, и поднялись на борьбу, кто пером, а кто и делом».⁵³

В 1905 г. в с. Ардон состоялся съезд осетинской интеллигенции, вынесший резолюцию революционного характера:

она требовала присоединения к российской социал-демократии. Надо заметить, что революционные кружки во Владикавказе появились уже в 1902-1903 гг., а Владикавказская группа РСДРП была создана в 1904 г. и сразу же развернула революционную агитацию.

Развитию революционных настроений способствовало начало русско-японской войны в 1904-1905 гг.

В 1904-1905 гг. в Северной Осетии активизируется революционное движение, распространяются листовки о бессмысленности русско-японской войны: «Народ и война», «К мобилизуемым» и т. д.

С острыми публицистическими статьями выступали К.Л. Хетагуров (в конце XIX в.), Г.М. Цаголов, Г.И. Дзасохов, А. А. Гассиев, Е. Ц. Бритаев, Ц. С. Гадиев и др. Развитие капиталистических отношений в годы первой мировой войны (1914-1917 гг.) вело к усилению социальной дифференциации осетинского крестьянства, населения вообще.

В результате распространяется такое явление, как отходничество, т. е. уход крестьян на заработки на Бакинские нефтепромыслы, Садонский рудник, в города России, на Дальний восток, в Северную Америку. Все это, конечно же, итог имущественного расслоения и обнищания населения.

Первая мировая война (1914-1917 гг.) внесла большие изменения в жизнь осетин, которые сформировали: пехотную (пешую) бригаду, два осетинских конных полка, которые воевали в составе «дикой дивизии», впоследствии преобразованной в «туземный корпус».⁵⁴

Большое влияние на развитие культурного процесса в России имели статьи С. М. Кирова о Толстом, Достоевском, Островском, Некрасове, Салтыкове-Щедрине, Тургеневе. Все это формировало вкусы осетинских читателей. Значителен его вклад и в развитие театрального искусства Осетии. Он внимательно и заинтересованно следил за репертуаром Владикавказского театра, за ростом мастерства актеров, формировани-

ем их мировоззрения, разумеется, выполняя поручение своей партии. В развитии этико-эстетической мысли общества С. М. Киров ориентировался на утверждение принципов реализма и гражданственности, борьбы против декадентских тенденций.

Тогда же продолжал трудиться Г. М. Цаголов, который поднимал насущные проблемы жизни горцев: земельный вопрос, налоговую политику, правовое положение горских народов, нужды просвещения горского населения и другие. Он резко критиковал пороки самодержавия, называя буржуазную цивилизацию «лакейской», колониальную политику царизма, деятельность торгово-ростовщического капитала, наличие патриархальных пережитков (калым, поминки, кровную месть и др.), перенаселенность горных ущелий с их суровыми природными условиями, т. е. все то, что усугубляло тяжесть положения горцев. В статье «Культурное движение среди осетин»⁵⁵ Г. Цаголов призывал осетинскую интеллигенцию задуматься над вопросом о смысле жизни, над тем, кому она служит? Утверждения о том, что она работает «для родины, для народа, для Осетии», – признак аморфности ее политических идеалов, полагал он, ведь «родина, народ, Осетия» – нечто туманное, расплывчатое, неясное, трудно осязаемое. Ведь в этой родине, в этом народе, в этой самой Осетии... в настоящее время благополучно существуют группы с самыми противоположными интересами». А потому интеллигенция должна встать на защиту интересов народа. Словом, Г. Цаголов требовал революционной ломки социальных устоев «края беспросветной нужды».⁵⁶ В стихотворении «На могиле Коста Хетагурова» он писал:

Вокруг редет мгла... Руси порабощенной
Зарю счастливых дней грядущее сулит...

Г. М. Цаголов боролся за всеобщее образование, выступал за открытие новых светских школ и очагов культуры, за обучение детей на родном языке, при этом подчеркивая и прогрессивное значение русского языка, необходимость глубокого изучения его в осетинской школе.

В начале века активно выступал и А. Гассиев. В рукописи сохранились его работы: «Осетинская грамматика, критически и сравнительно обработанная», «Этимологический словарь осетинского языка с пословицами, идиомами и сравнительно-филологическими замечаниями», «Задачи устройства быта сельского населения на Кавказе» и др.

Продолжал работать и Г. Б. (И.) Дзасохов. Он окончил церковно-приходскую школу, Ардонскую семинарию и Казанскую духовную академию. Вернувшись в 1905 г. на родину, Дзасохов был вовлечен в водоворот революционных событий, стал редактором первой во Владикавказе социал-демократической газеты «Искра» – органа меньшевистского Терско-Дагестанского комитета РСДРП. Но вскоре Дзасохов был арестован, осужден и отправлен в ссылку. Поражение революции 1905-1907 гг. вызвало в нем растерянность и пошатнуло веру в возможность освобождения горцев. Проблемы школьного образования затронуты в таких его статьях, как «О женской учительской школе Осетии», «О просвещении инородцев», «О конечной цели воспитания и образования», «Школа и жизнь», «Заветы Пирогова-педагога», «О просвещении мусульманского населения», «Среднее образование среди горцев» и др.

В деле просвещения народа и становления его национального самосознания большую роль сыграл Х. А. Уруймагов. Будучи учителем, он был последовательным сторонником идей демократической общественно-педагогической мысли России; сторонником народной школы, свободной от «религиозных, сословных и государственных» ограничений и предрассудков, ведь цель ее – «всестороннее гармоническое развитие всех способностей человека».⁵⁷ В своих публицистических статьях: «Школьное дело в Осетии», «Как христиановцы лишлись школы», «Учебники в осетинских школах», «О значении осетинских школ в сельскохозяйственном отношении», «Начальная школа в Осетии» и др. Х. Уруймагов пропагандировал высокое назначение осетинской школы, утверждал ее великую

роль в формировании духовности и нравственности народа. Он считал, что «школа должна преследовать исключительно цели культурного подъема населения, а отнюдь не стремление к ассимиляции, искоренению тех или иных этнографических особенностей населения».⁵⁸ Не приемля идей ассимиляции и потери осетинами своей культурно-эстетической самобытности, он в то же время выступал за повседневное приобщение горцев к русской культуре. «Мы, осетины, давно вошедшие в состав культурной семьи русского общества, пользующиеся плодами русской цивилизации, ясно осознаем, где спасение нашего народа. Это – образование на русском языке, важность которого... всем нам очевидна»,⁵⁹ – писал он. При этом Х. Уруймагов отдавал себе отчет в том, какую колоссальную работу нужно выполнить, чтобы создать почву, «благоприятную для умственной жизни народа и духовного его развития». А потому и вопрос о народном образовании, как он полагал, «есть самый важный, ведь в его разрешении лежит создание тех условий, от которых зависит успех всякого народа на пути прогрессивного движения».⁶⁰

Уже во второй половине XIX века в осетинской культуре появились фигуры ренессансного типа – энциклопедически развитые, воплотившие в себе основные тенденции культурно-исторического развития. Такие, как К. Хетагуров, М. Туганов, – творческие индивидуальности «возрожденческого» типа, составившие единую культурную эпоху, целостный культурный стиль национальной жизни. Они во многом определили внутреннюю логику развития осетинской культуры, духовности, нравственности.

В конце XIX – начале XX в. сформировался новый качественный этап в осетинской культуре как относительно самостоятельной системе. Относительная самостоятельность различных сфер культуры (музыки, изобразительного искусства, поэзии, публицистики, театра и т. д.) проявилась и в осознании собственной специфики, своего языка, и в формирова-

нии форм нового синтеза (театра, например), и в концептуализации понятия «творчества», и в представлениях о свободе творчества, ответственности творческой индивидуальности. А понимание критериев творчества шло из области художественной культуры и религии, философии, нравственности, политики, идеологии, социологии и вело к самой социальной практике, т. е. к реальной жизни. Свою роль сыграло, конечно, и переосмысление традиций русской демократической общественной мысли, послужившей благодатной почвой для новых форм культурного синтеза, как в центре России, так и в национальных окраинах. Суть понятия «творчества» вбирала в себя много компонентов: искусство (как индивидуальное творчество), философию, мораль (как способ существования творческого разума) и социальность (реальность). Разумеется, целостный стиль культуры, как и всей духовности, нравственности на рубеже XIX и XX в., в начале XX в. во многом был детерминирован спецификой национально-этнического философского сознания и его доминантной – Ирондзинадом буржуазного типа как этнического мировоззрения осетин.

Тенденции же пересмотреть ценности прошлого, выработать новый подход к культуре, к жизни порождали острые противоречия, внутреннее напряжение культурно-исторической эпохи и вели к формированию новой системы ценностей. Коста Хетагуров воспринимал творчество как духовное обновление, как культурно-нравственный переворот. В начале XX века Цомак Гадиев и его современники и единомышленники, также понимали творчество как культурно-нравственный переворот, отменяющий старые художественные формы, рождающий новые, доселе невиданные. Они и восприняли революцию как очищающую грозу, водопад, сметающий на своем пути все старое, отмирающее.

...Стремление создать газету на осетинском языке зародилось в среде интеллигенции еще в XIX в. Так, в 1891 г. священник А. Гатуев обратился к архиерею с просьбой раз-

решить выпускать при «Терских ведомостях» прибавочного листка на родном языке, в котором предполагалось печатать: 1) объявление святого апостола; 2) краткое поучение народу; 3) суеверия и предрассудки у осетин; 4) устные народные осетинские произведения; 5) переводные стихи и другие произведения.⁶¹

В 1901 г. Цаголов публикует в газете «Терские ведомости» статью «Осетинское издательское общество»,⁶² где определяет проблемы, цели и задачи общества и приходит к выводу, что целесообразно издавать не только осетинскую газету, но и научно-популярную литературу, т. к. часть населения Осетии крайне невежественна и нуждается в просвещении. «Тьма незнания здесь царит издревле. Нужна усиленная работа, чтобы рассеять эту тьму», – писал он. Конечно, многое делает школа, которая «должна быть путеводной звездой и для издательского общества. Какой сильный удар в этом отношении может нанести издательское общество, издав ряд научно-популярных сочинений по разным отраслям знаний: естествознанию, внести в дымную и убогую саклю осетина эти маленькие брошюрки в 3-5 копеек стоимостью». Очень важной задачей издательского общества Г. Цаголов считал, создание «в Осетии читателя, который любил бы книгу настолько, чтобы мог отдать за нее какой-нибудь пятак».

В 1905 г. Баев опять ходатайствует перед заместителем Кавказа о разрешении осетинской еженедельной газеты во Владикавказе. Получив отказ, местная интеллигенция образовала издательское общество, которое намеревалось иметь свой печатный орган. Общество было названо «Ир» («Осетия») и первое его заседание прошло 1 октября 1905 г. Было избрано правление в составе: писателя А. Кубалова, учителя Х. Уруймагова, врача Дз. Газданова, адвокатов А. Канукова, Д. Шанаева. Г. Баева и др. Председателем правления стал Д. Шанаев, секретарем А. Кубалов.⁶³ Устав общества был разработан в декабре 1905 г.⁶⁴ Но вскоре «по распоряжению начальника Терской об-

ласти устав 1905 г. был изъят и деятельность общества приостановлена».⁶⁵

В январе 1906 г. А. С. Бутаев, член общества «Ир», решил издать газету на родном языке под названием «Фидиуаг» («Глашатай»), но опять получил отказ.

Осетинская интеллигенция с большой надеждой думала о будущей газете на родном языке. «Первая газета!.. – Писал Ц. Гадиев. – Нужен был опыт, умение подойти к еще непочатому делу, нужен был сплоченный состав сотрудников, желавших работать без оплаты. Нужны были хоть незначительные организационные средства, нужен был авторитет... Был один человек, который обладал и опытом, и авторитетом, вокруг имени которого могли бы объединиться многие и многие, имя которого могло бы, наконец, стянуть средства и силы. Этот человек был Коста Хетагуров, но он умер ранней весной этого года. Однако жизнь повелительно ставила на очередь вопрос об издании осетинской газеты».⁶⁶ Уже был избран редакционный коллектив, который ожидал разрешения местных властей и состоял из двух групп. Наконец-то в апреле 1906 г. А. Бутаев добился разрешения издавать осетинскую газету «Фидиуаг»,⁶⁷ тогда же был назначен официальный цензор – коллежский секретарь Д. С. Газданов.⁶⁸ Но газета стала называться не «Фидиуаг», как предполагалось, а «Ирон газет».⁶⁹ Редактором ее стал А. С. Бутаев. 23 июля 1906 г. вышел первый номер газеты. «Газету, свою газету, – все чаще и явственнее раздавалось в осетинских селах и аулах. – Вспоминал Ц. Гадиев. – Это сознавалось большинством интеллигенции и частью служащих и рабочих-осетин... Поздно вечером, в субботу, 22 июля набор уже был закончен и сверстан...

Перед типографией собралась изрядная группа людей, ожидавших выхода газеты...».⁷⁰ В передовой статье первого номера отмечалось: «Издавать газету нелегко, но чувствуя ее острую необходимость для непросвещенного народа, для которого она может стать лекарством жизни, мы будем ее изда-

вать по мере своих возможностей. И мы не должны отставать от развитых ученых народностей. Наш народ любит книгу, любит школу. Осетинская газета для нашего народа должна стать настоящей школой для всех...»⁷¹ То есть газета с первого номера четко определила свои культурно-просветительские задачи.

Однако газета просуществовала всего 29 дней – с 23 июля по 20 августа. За это время вышло всего 9 номеров. Вот что сообщала газета «Терек»: «Закрытие первой осетинской газеты, вызвавшей у населения громадный интерес к современной культурной жизни с ее новыми требованиями и запросами, произвело на всю Осетию удручающее впечатление. С нетерпением ожидается выход новой осетинской газеты. В осетинских селениях, где газеты расходились в большом количестве, подписная плата собиралась группами лиц в складчину и выписывались они на имя одного грамотного человека, который по получении номера спешил на «нихас», садился в «круг лиц», уплативших за газету и других, и громко принимался за чтение. Теперь на осетинских «нихасах» только и слышится: «Когда же к нам придет наша газета?»⁷² Газета сыграла роль народной трибуны, давала возможность интеллигенции высказать свои взгляды и свое видение проблем времени.

Осенью 1906 г. было утверждено осетинское издательское общество «Ир», председателем которого стал Д. Шанаев, а членами правления – А. Кубалов, Х. Уруймагов, Д. Дзадзиев, Г. Газданов, А. Кануков. 18 ноября 1906 г. на своем втором заседании общество постановило издавать осетинскую газету «Ироныхас». Однако она не вышла, т. к. область перешла на военное положение. Первым осетинским журналом был «Зонд» («Знание»), вышедший в 1907 г. Его издавали А. Кануков – редактор, С. Гадиев, Х. Уруймагов, Р. Кочисова и др. Журнал призван был решать культурно-просветительские задачи. В нем печатались стихотворения Коста Хетагурова, рассказ С. Гадиева «Азау», пьеса Р. Кочисовой «Наш пристав сошел с ума», перевод бас-

ни Крылова «Ворона и лисица». После второго номера он был закрыт за «крамольный» характер. Следующим стал журнал «Афсир» («Колос»), основанный в 1910 г. Редактировал его писатель Арсен Коцоев. Просуществовал он также недолго, с 14 февраля по 18 апреля 1910 г. В нем печатались рассказы, фельетоны и карикатуры А. Коцоева, критиковались вредные осетинские обычаи: кровная месть, калым, разорительные поминки и т. д. После закрытия «Афсира» стал выходить журнал «Чырыстон цард» («Христианская жизнь»), в котором печатались стихи, статьи и очерки таких писателей, как А. Токаев, С. Гадиев, Д. Короев и др. Он просуществовал несколько дольше: с 1911 по 1917 г. Последним дооктябрьским журналом стал «Хуры тын» («Луч солнца»), вышедший в Петербурге в 1912 г. Редактором его был Е. Бритаев, а работали в нем Д. Короев, С. Гадиев и др. На страницах журнала поднимались такие важные проблемы, как вопросы развития осетинского языка и культуры. Однако после третьего номера он прекратил свое существование. Тем не менее, периодическая печать сыграла свою большую роль в дальнейшем развитии осетинской этики и эстетики.

Итак, как мы уже отмечали, этико-эстетический идеал имеет национальное своеобразие. Любой народ формирует свои специфические, присущие только ему представления о добре и зле, прекрасном, возвышенном, трагическом, комическом и безобразном в жизни. Анализ конкретных жизненно важных проблем, этических и эстетических категорий, воплощенных в художественных произведениях осетинских писателей и поэтов исследуемого нами периода, дает возможность полнее раскрыть их этические и литературно-эстетические взгляды. Уже в конце XIX в. обостренный интерес вызывают в общественном сознании такие фундаментальные философские и этико-эстетические понятия, как проблемы разума и любви в человеческой жизни, каноничность традиций. В связи с этим как раз осмыслились творческими людьми вопросы о худо-

жественном методе, особенностях восприятия искусства, реализации на практике этических и эстетических категорий. Словом, закладывались основы этики, эстетики и литературоведения, теории литературы, искусствознания. В среде интеллигенции утвердилось представление о школе, библиотеке, музее как социальных институтах культурной преемственности, а о письменности – как главном ее инструменте, средстве передачи опыта от поколения к поколению. Происходил в конце XIX – начале XX в. сложный историко-художественный процесс, в котором осетинская культура формировалась как системная целостность, приобретала подлинные черты общенационального развития. Объективно продолжалось культурно-национальное строительство.

В развитии осетинской художественной литературы и рождении будущего литературоведения определенную направляюще-ориентирующую роль сыграла концепция изображения горского национального характера в произведениях просветителей.

Литература обогатила формирующееся художественное сознание мощным влиянием русской культуры, которое продолжается и по сегодняшний день. Культурно-исторический процесс органично связан с именем К.Л. Хетагурова, основоположника осетинской литературы, осетинского литературного языка, как мы уже подчеркивали. Итак, искусство и литературу он рассматривал как сферу сосредоточия всех нравственных, художественных и эстетических проблем, во-первых, и, во-вторых, как социальный феномен, который активно влияет на ход общественного развития в целом. А потому и задачи литературы и искусства Коста рассматривал как практическое распространение реального просвещения, как нравственно-духовное и индивидуальное развитие личности и общества в целом.

Коста также заложил основы осетинской литературно-художественной критики. В дальнейшем на протяжении всей

истории осетинского литературоведения, даже и по сей день, фундаментальный подход Коста к пониманию многих основополагающих понятий и принципов литературы и искусства, продолжают только развиваться, не теряя ни своей актуальности, ни своей остроты.

Большую роль в зарождении осетинского литературоведения внес Гаппо Баев, как мы уже отмечали в предыдущих главах. Он писал критико-биографические статьи о Коста Хетагурове, Александре Кубалове, Георгии Цаголове и Цоцко Амбалове. В них ярко проявились его эстетические взгляды.

Надо заметить, что в начале XX в. складывалась не простая социально-историческая ситуация. И тому были свои причины: идеология марксизма проникала в общественное сознание горцев. Вскоре грянула и первая русская революция. Вместе с тем успешно развивалась осетинская литература. Нелегко складывались судьбы талантливых писателей Ц. Гадиева, Е. Бритаева, Г. Баракова, А. Токаева, Нигера (И. В. Джанаева), Г. Малиева, С. Баграева, Ч. Беджызаты, С. Кулаева и др. Тем не менее, весьма активной была литературно-культурная жизнь во Владикавказе. Формировались творческие коллективы: «Владикавказский кружок любителей драмы и музыки» (1917), «Осетинское историко-филологическое общество» (1919). Первые самодеятельные драматические кружки (1904-1905) сыграли значительную роль в пропаганде пьес Е. Бритаева, Д. Короева, Р. Кочисовой и др., в постановке переводов произведений Лермонтова, Островского, Гаршина, Вересаева, Казбеги, Андерсена, Гогобашвили, Цагарели и др.

Уже к началу XX в. осетинская культура восприняла традиции русской культуры, что способствовала диалектике и динамике связи национального и общечеловеческого. Искусство рассматривалось как средство познания и отражения действительности и художественно-эстетического, нравственного воспитания масс. Отсюда необходимость утверждения принципов народности и самобытности искусства, проблема

связи художника с народом, изображения роли личности в искусстве, соотношения национального и общечеловеческого в искусстве и др.

Так, осетинское искусство развивалось, совершенствовалось, формировались этические и литературно-эстетические взгляды, представления и концепции. При этом важнейшей задачей литературы и искусства являлось пробуждение народного самосознания, воспитания гуманизма, патриотизма и гражданственности, пропаганда идей просвещения, прогресса и свободы. Конечно, на становление подобных взглядов влияли литературно-эстетические принципы осетинских писателей и прогрессивная этическая и эстетическая мысль народов России. В основе их этики и эстетики легли базисные положения просветительского искусства, в частности, решение проблемы гуманизма в искусстве, специфика раскрытия духовного мира личности, духовной культуры народа, глубины души человека.

Важную роль сыграли демократические газеты и журналы в формировании мировоззрения представителей осетинской культуры. На их страницах разрабатывались вопросы о сущности искусства, о его роли в жизни общества, в духовной деятельности людей, его специфике.

Рождалось представление о назначении искусства – его служении народу, о том, что оно должно быть доступно широким слоям населения; что оно должно достоверно и правдиво отражать духовное богатство народа, должно преобразовывать взгляды, мысли и чувства человека, – т. е. активно участвовать в преобразовании мира в лучшую сторону, в сторону прогресса. Рост самосознания народа под влиянием искусства стал своеобразным условием выхода из тяжелого положения глухой отсталости. В определенной мере помогло посмотреть объективно на историю, дать верную оценку культурным ценностям своего народа. То есть искусство уже расценивается как активная преобразующая сила, способная вдохновить че-

ловека, обогатить его душу и тем самым действительно влиять на процессы, происходящие в обществе в столь сложную эпоху. Тем самым признавалось общественное и благотворное воспитательное значение национального искусства, его миссия художественного освоения мира, которая по мере накопления эстетических ценностей только усиливается, давая возможность широким массам созидать, заниматься творческой деятельностью. Таким образом, активно утверждалась сама мысль о тесной связи искусства с жизнью; о том, что оно является отражением человеческого духа.

Анализируя такой вид искусства, как музыка, в частности, народные песни, М. Туганов отмечал их специфические особенности. Исходя из конкретной истории народа, он подчеркивал, что народная музыка является видом искусства, выражающим идеи, дух народа, его мысли, чувства, побуждения и мечты. М. Туганов также отмечал, что она в полной мере отражает психологию народа, его художественную мощь и восприятие красоты, величие. Важно, что он подходил к пониманию сущности искусства с позиций историзма, классовости и народности, его специфики – с научных позиций. С его точки зрения, специфика искусства укладывается в схему: объективная действительность – художник (творец) – его художественное произведение – человек, воспринимающий искусство. Сформулированные им важнейшие положения об искусстве являются ценными как для эстетической мысли начала XX в., так и в формировании эстетических взглядов творцов последующих поколений.

Художники мысли и чувства свои передают посредством образов, полагал он. При этом литератор эти образы создает словами, художник – красками, музыкант – звуками. Стало быть, в способе выражения смысла души, образа он видит отличительную особенность одного вида искусства от другого.

Искусство, выражая духовную сущность народа, его этическое и эстетическое сознание, национальный дух, рассматри-

валось как одна из форм общественно-философского сознания.

Весьма популярным видом искусства стал театр, который был своеобразным общественным институтом, способствовавшим более глубокому познанию действительности, отражению многогранной жизни общества и воспитанию художественно-эстетических вкусов масс, росту самосознания народа.

Борьба с безобразным и низменным, что было в жизни общества, поставила искусство Осетии начала XX в. в ряд передового искусства России. Главный же вопрос осетинской этической и эстетической мысли был вопрос о сущности этического и эстетического сознания, об этическом и эстетическом отношении искусства к действительности. Само же искусство воспринято было как сложная форма общественно-эстетического сознания. Очевидной была связь искусства с жизнью общества. При рассмотрении проблем искусства главным принципом стал принцип научного анализа, историзма. Словом, осетинская духовно-нравственная и философская культура в конце XIX – начале XX в. пережила в своем развитии новый качественный этап. Именно в этот период сформировалась относительная самостоятельность различных сфер культур. Пришло осознание важности и реальности собственной специфики, своей эстетики, своей этики, своего языка в музыке, изобразительном искусстве, поэзии, публицистике и т. д. Тогда же осуществлялись попытки рождения такой формы нового синтеза искусств, как театр.

Научная мысль в Осетии начала складываться во второй половине XIX в. под благотворным влиянием русских ученых В. Ф. Миллера, М. Ковалевского, Д. Лаврова и др., пробудивших глубокий интерес к исторической судьбе родного народа в изменившихся социально-политических и экономических обстоятельствах в передовой части осетинской интеллигенции. Они по существу изменили общественное сознание эпохи, не-

измеримо обогатив его. Продолжая глубокие аналитические традиции историко-этнографического исследования, заложенные в очерке «Особа» К.Л. Хетагурова, создают свои труды по вопросам экономики и культуры Осетии такие публицисты, как А. А. Гассиев, М.К. Гарданов, Г. М. Цаголов, Г. Б. Дзасохов и др. Большой интерес представляют книга М. Гарданова «Социально-экономические очерки (Современная Северная Осетия)», 1908 г.) и книга Г. Цаголова «Край беспросветной нужды» (1912 г.), в которых используются статистические методы анализа и на большом фактическом материале сделаны серьезные научные обобщения. В то же время закладываются основы научного литературоведения, в котором четко просматриваются особенности народного нравственно-этического сознания. Так, Г. Дзасохов пишет статьи о творчестве Коста Хетагурова, дает анализ произведений многих русских писателей, особо подчеркивая их нравственно-этические искания. В 1903 г. Баев публикует свой очерк «Осетинский дивизион», посвященный исследованию боевого пути дивизиона в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. В том же году вышла книга Л. Н. Кодзаева «Древние осетины и Осетия», которая, однако, уже тогда передовой интеллигенцией не была воспринята как научная история народа. Через 10 лет, в 1913 г. увидела свет «История Осетии» («Иры истори») Ваню Темирханова, явившаяся свободным пересказом некоторых исторических событий с довольно субъективной их трактовкой автором. Она, конечно, тоже не могла отвечать насущным потребностям передовой интеллигенции в области научного знания, знания истории, культуры, фольклора, этнографии.

В начале XX в. на развитие общественной мысли в Осетии свое заметное влияние оказывали идеи русского революционно-освободительного и социал-демократического движения. Идеи марксизма-ленинизма особенно активно принимали в освободительное движение осетинского народа с 1905 г., что связано было с началом первой русской революции. На рост

классового и национального самосознания осетин влияли и революционно-демократические традиции Коста Хетагурова, которые молодое поколение интеллигенции продолжало в новых исторических условиях. Однако же и это поколение, как и старшее, руководствовалось такими моральными и идейно-политическими факторами, как любовь к Родине, верность интересам трудящихся, самоотверженность в борьбе за свободу и счастье родного народа, приверженность принципам патриотизма и пролетарского интернационализма, стремление создать подлинно народную, демократическую культуру. Это молодое поколение уже ориентировалось на теорию марксизма. Более того, как верно отмечал М. С. Тотоев, «...передовая осетинская интеллигенция, знакомая уже с марксистской литературой, в общественном движении, в революционно-освободительной борьбе играла более активную и более действенную роль, чем интеллигенция второй половины XIX в. Ее представители не только вдохновляли и возглавляли революционную, классовую борьбу рабочих и трудового крестьянства края, но и всей литературно-публицистической деятельностью способствовали дальнейшему развитию в Северной Осетии общественно-политической мысли, включая в это понятие и марксистскую мысль».⁷³ Это существенно определило и некоторую новизну в развитии философской мысли и национальной культуры. Пришли в движение дремавшие прежде духовные и интеллектуальные силы народа, что способствовало формированию самобытного характера культуры, которая жадно впитывала в себя опыт и традиции более прогрессивной русской культуры. Это закладывало основу для формирования марксистско-ленинской философии в Осетии. Первым переводчиком «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса на осетинский язык явился активный деятель одного из владикавказских социал-демократических кружков Б. А. Туганов. Выходец из благородных дигорских баделят (феодалов), сын генерал-майора, он учился во Вла-

дикавказской прогимназии, затем окончил Ставропольскую гимназию. Порвав со своим классом и перейдя на сторону народа, усердно изучал экономические и юридические науки, философию, художественную литературу; сам пробовал писать. Взявшись за перевод «Манифеста», Б. Туганов стремился ознакомить трудящихся осетин с его идеями, помочь народу осознать свои классовые интересы. К переводу он приступил в 1906 г., но не закончил его, т. к. был арестован.

Этические и философские взгляды Б. Туганова базировались на его мировоззренческих принципах. Так, он утверждал право личности на социальную свободу, на достойную жизнь, равенство женщины и мужчины, утверждая новое понимание народных представлений о прекрасном и возвышенном, благородном и низменном, трагическом и комическом, о добре и зле.

Во Владикавказе возникли любительские театральные, музыкальные, художественные кружки. Любительскими спектаклями руководил выдающийся русский режиссер Е. Б. Вахтангов.

Осетинский кружок любителей театрального искусства поставил спектакли на осетинском и русском языках: драму «Хазби» Е. Бритаева, оперетку «Фаризат» А. Кубалова, «Дети гор» Д. Кусова, «Осетины в России» Хубаева.⁷⁴ Как отмечали «Терские ведомости», по содержанию и «по количеству действующих лиц» драма «Хазби» превосходят «все, что доселе появлялось в этом роде на осетинском языке».⁷⁵ В постановках участвовали Коста Хетагуров и Евгений Вахтангов. Спектакли ставились в благотворительных целях, для созидания фонда по изданию газеты на осетинском языке, для оказания помощи осетинской молодежи, обучающейся в России, а также для общегородских нужд.

На постановки осетинского театрального Кружка собирались не только городские осетины, съезжались и сельские жители. И постановки сопровождались осетинскими танца-

ми, а со временем, впоследствии когда среди зрителей появились грузины, русские, армяне и другие горожане, спектакли завершались декламацией стихотворений, лотереей-аллегри, «летучей» почтой, европейскими танцами, другими современными формами городской культуры. К 1913 г. во Владикавказе работало уже четыре библиотеки: общественная, Пушкинская, читальни на Базарной площади и за Чугунным мостом. Содержались они в основном на средства общности, т. к. от Городской думы получали всего лишь небольшие субсидии.

Культурно-просветительские, научные, театральные, литературно-художественные и спортивные общества составляли группу, которая чаще всего носила массовый светский и межэтнический характер. Пропагандируя образование, светский образ жизни и культурный досуг, эти общества способствовали развитию искусства, моральных представлений, научного мировоззрения и расширению кругозора.

Философское сознание осетин и его доминанта, т. е. этническое мировоззрение, – это своеобразное отражение объективного мира, необходимый аспект общественной практики людей, в процессе чувственно-предметной деятельности.

В результате чувственно-предметной деятельности в человеческом сознании к началу XX века происходят сложные процессы, свидетельствующие о качественной эволюции человеческой природы, об обогащении человеческой сущности. Углубляются представления горца об окружающем мире. Соответственно у него появляются мысли и чувства реальной действительности, восприятия и представления о конкретных предметах, определенное отношение к миру вне себя. Следовательно, появляется потребность как-то выразить это отношение. И, этническое сознание, человеческое воображение в процессе социальной практики находят эти средства, способы. Это художественная культура, художественный образ, который проявляется в разных формах: и в танце, и в песне, и

в слове. При этом «материальные» средства выражения содержания художественного образа разные: звук, движение, слово. Еще в первобытно-синкретическом сознании алан-осетин, как мы уже отмечали, они объединяются, образуя сложный синтез, рождающий ритуал, ритуальное действие. Скажем, **цоппай** у тела убитого молнией члена рода.

Конечно же, каждое средство имеет определенные функции. Это информативная, оценочная, познавательная, ведь конкретный человек давал знать о себе, о каком-то частном факте, происшедшем с ним, о своем чувстве.

Воспитательная же функция заключалась в передаче опыта из поколения в поколение, что обеспечивало формирование новых членов этнического коллектива, сообщества.

Философская мысль осетин, возникнув в процессе исторического развития общества, имеет относительную самостоятельность, свои особенности и формирует свои законы. И тут необходимо использовать конкретно-исторический подход к нему как квинтэссенции общественного сознания, как явлению определенной эпохи и реального общества. С ее помощью можно постичь эти законы, определить место и роль философии в жизнедеятельности осетинского народа, осмыслить онтологические, фундаментально-бытийные закономерности жизненного процесса, который определяет особенности отражения ею действительности и производства идеального, т. е. художественного образа, духовно-нравственной и художественной культуры в целом. Понять всю сложность и богатство самой структуры общественного сознания. Философское мировоззрение осетин выполняет важную функцию в процессе духовного освоения действительности осетинским народом.

Необходимо также учитывать, во-первых, объективный характер общественной потребности в качественной эволюции философского мировоззрения, во-вторых, его назначение и функциональную роль в жизни этнического общества.

Общественная потребность в эволюции философских идей проявляется в стремлении сохранить социально значимую, необходимую жизнедеятельность народа. Это очень важный, существенный момент в методологическом и теоретическом понимании и трактовке сути философского сознания осетин, в частности, на рубеже XIX-XX веков, а особенно в начале XX века, когда резко обострилась общественно-политическая ситуация.

Философское сознание имеет свои особенности: активность и историзм в отражении действительности, диалектику чувственного и логического, индивидуального и социального, когда в духовно-нравственной и художественной культуре, в искусстве, являющихся основной формой отражения этнического сознания наряду с другими компонентами – объектами духовной жизни (обычаями, традициями и т. д.), повседневным бытием субъекта (человеком, этносом-народом-нацией), – проявляется вся сущность социального бытия, весь человеческий опыт всех поколений осетин, живших на земле когда-либо. Определяющим же фактором философского сознания к началу XX века становятся идеи гуманизма, нравственного и духовного воспитания каждого члена общества. И это не случайно. В сфере философского сознания происходит логическое становление многих морально-этических представлений, взглядов, идей.

Отношения, порождаемые философским сознанием, имеют двойственный характер. С одной стороны, это отношение объекта (действительности) и субъекта (человека), с другой – это отношения между людьми, складывающиеся на основе определенного отношения человека к действительности. Они чаще выступают как связь личности и общества.

Природа же этих связей заключается в отношении человека к объективным условиям его реального бытия, вернее, к условиям деятельности и реальному утверждению своих творческих способностей, наслаждение плодами своей деятельно-

сти. Культура в целом – это наследственная память поколений. Культура, в частности, философская культура, ее работа, это активное преобразование окружающего человека мира. Историзм же народного бытия выражается в наследственной памяти поколений: без нее нет истории, нет развития, нет прогресса в сознании человеческого общества.

Каковы же уровни жизнедеятельности, которые, – с одной стороны, формируют философскую культуру, а с другой – отражаются в ней? Во-первых, это событийно-переживаемый уровень. Как правило, отбираются и закрепляются жизненные ситуации, отражающие взаимоотношения между обществом и миром, явлениями и связанными с ними мыслями и чувствами, важными для нормального функционирования этнического сообщества. Благодаря этому уровню общество сохранилось в историко-реалистической конкретности, т. е. в своей предметной деятельности и в соответствующем мироощущении. Во-вторых, это уровень гармонизации человека и среды. Общество подходит к человеку со своей мерой красоты, добра, силы и мощи, которые признаны обогатить потенциал этнического сообщества. В-третьих, уровень творческой активности, который раскрывает высшие человеческие способности, талант человека, служащий воле и целям общества: талант, который может созидать «вторую природу», т. е. производить то, чего нет в природе и что более соответствует эстетическим потребностям общества.

Таким образом, человек утверждает себя всегда и везде как создатель ценностей: материальных (создавал украшения, орудия труда, жилище, одежду), духовных (придумывал танец, песню, сказку). В осетинской культуре как в механизме отражения универсальности человеческой природы эти уровни неразрывны в любую историческую эпоху.

Итак, передача жизнедеятельности обусловлена общественной потребностью, и происходит она теми способами, которые этническое сообщество осетин сформировало в

процессе своего исторического развития и накопило в форме культурных ценностей: эпических сказаний, песен, танцев, обрядов и т. д.

Культура, в т. ч. философская, – одно из мощнейших средств в борьбе за существование общества. Поэтому она всегда является неотъемлемой частью человеческой истории и общества. Зарождается вместе с ним, переносит все перипетии судьбы народа и развивается вместе с ним, конечно, в разных формах (у осетин – в формах предфилософии, т. е. мифологии, нартского эпоса, в форме народной мудрости и собственно философии). Отсюда функционально-социологическое значение национальной философской культуры, суть которой – объединение людей и отражение жизни общества в ту или иную историческую эпоху.

В духовной атмосфере осетинского общества при необычайно высокой требовательности к социальной и нравственной сущности человека, с точки зрения интересов этноса сложились основные эстетические и художественные представления, тесно связанные с философско-этической мыслью и художественно-эстетической, культурной практикой.

Поэтому, философская культурная традиция на рубеже веков XIX и XX в. бережно хранила старые идеи, представления, идеалы и т. д., – в формах художественного мышления, творчески реализовывающихся в танце, песне, мелодии, эпических сказаниях, легенде, сказке. И именно культурной традиции мы обязаны тем, что сохранился богатейший осетинский фольклор, эпос, народное красноречие, мелодия, танец, песня, язык, костюм, кухня и т. д.

Осетинский народ имеет древние корни. И в духовной культуре он также прошел свой путь, суть которого заключается, прежде всего, в накоплении опыта и в стремлении к новым историческим реалиям той или иной эпохи. При этом самобытный характер этого пути определялся многими объ-

ективными факторами, в том числе и спецификой развития философского мировоззрения осетин.

На каждом этапе развития духовной культуры, в русле которого формировалось и философское сознание, своеобразно проявлялось действие диалектического закона отрицания. Так, оно проходило проверку временем и самоутверждалось. А вместе с ним формировался духовно-нравственный и культурный облик народа, его философское мировоззрение. В общем же русле идет развитие и осетинских духовно-нравственных и культурных традиций, что ярко проявляется как в обычаях, обрядах, так и в разных формах народного творчества: в словесном искусстве, танце, музыке и т. д. Закрепляется в национальном характере, в общественной психологии осетин, в его этическом мировоззрении.

Культурный мир определенным образом влиял и на идеалы, что наглядно просматривается в сфере действия философского мировоззрения. И поэтому, чтобы создать целостную картину этнического мира осетин, надо обратиться к философской культуре, в рамках которой формировался своеобразный облик этнического мира осетин. Значит, в воссоздании модели развития осетинской философской культуры начала XX века нужно исходить из того, что есть определенная философско-этническая доминанта, пронизывающая собой десятилетиями, столетиями всю культуру, которая формировала ее качественную сущность в смысловой, идейно-образной специфике и ментальности. И это, безусловно, Ирондзинад, как национально-этническое мировоззрение, явившееся фундаментальной базой осетинской материальной, духовной и художественной культуры. И он во многом обусловил качественную специфику и осетинской философии в начале XX века, определившей характер всей художественной культуры осетин, в т. ч. и осетинской литературы.

Глава 5. **ПРОЦЕСС ФИЛОСОФИЗАЦИИ** **СОДЕРЖАНИЯ ОСЕТИНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ** **КУЛЬТУРЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

При осмыслении сущности культуры как объекта философии надо иметь в виду следующее: во-первых, культура осетин и их предков существовала в разных эпохах, т. е. представляет собой сквозное доминирующее явление в истории. Во-вторых, источником ее всегда является человеческая деятельность во всех формах. В-третьих, культура имеет системный характер, а значит, при ее изучении необходимо придерживаться целостного подхода. В-четвертых, основным объектом ее является человек, а потому исследовать ее надо в тесной связи с таким социально-историческим феноменом, как человек.

Культура – сфера деятельности, включающая в себя все то, что творит человек, осваивая окружающий мир. Она объединяет в целостно-организованную систему всю духовную жизнь общества и нации. В этой системе отдельные срезы или пласты духовной жизни – это феноменальные явления национальной культуры. В результате человеческой деятельности производятся либо материальные, либо духовные ценности. Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, способов их создания и использования, передача от одного поколения к другому. К духовной культуре относятся: наука, уровень образования населения, искусство, нравственные нормы поведения людей, владение ими логикой мышления и богатством языка, уровень развития материальных и духовных потребностей и интересов людей, религия и т. д. Конечно, национальная культура «материализуется» в «вещной» форме: книгах, картинах, кино, архитектурных сооружениях, скульптурах и т. д. Все это «осваивается» новым поколением и только так становится культурой, т. е. сокровищем всего богатства национального духа вкупе с живым разумом. Исход-

ная форма, ее «первоисточник» – человеческий творческий труд, его результаты и способы реализации.

Культура – это реализованное мышление, воля и чувства всех предшествующих поколений этноса. Она не зависит от сознания отдельных людей. Жизнь человека и общества протекает только в рамках конкретной национальной культуры. Каждый человек и поколение начинают жить, осваивая мир материальных и духовных ценностей своей среды, своей нации. В процессе усвоения уже созданной культуры формируются способности, знания, человеческие чувства и умения. История, таким образом, есть передача достижений человеческой культуры от одного поколения к другому. То есть, как человек создает культуру, так и она создает его. Это основной закон человеческой жизни. Культура – не пассивный сундук, хранящий национальные ценности, а прогресс творческого их использования для облагораживания и совершенствования бытия. Культура – это, во-первых, результат творческой деятельности всего этноса. Во-вторых, исторически сформировавшиеся способы труда и, в-третьих, приемы поведения человека, манера общения, т. е. этикет, способы проявления чувств, приемы и уровень мышления.

В формировании этнической картины мира, отражающейся в национальной культуре как в зеркале, активно участвуют соответственно разные факторы: ценности, тип цивилизации, характер культуры, т. е. массовая ли культура или элитарная и т. д. Ценности – это определение конкретного объекта материальной и духовной реальности, высвечивающее его положительное или отрицательное значение для человека и человечества. Реальные явления и вещи не только познаются и воспринимаются нами, но и оцениваются, вызывая в нас определенные чувства: удовольствия, неудовольствия, и составляет то, что называется вкусом («хорошее», «плохое», «приятное», «прекрасное» и т. д.). То есть вещь в наших глазах имеет определенную ценность не только из-за своих объективных

свойств, но и по нашему отношению к ней, в котором выражаются и наши вкусы. Словом, ценность – это субъективно-объективная реальность. В понятие ценности входит и общественная сущность бытия культуры, ведь ценность обязательно присутствует в условиях общественной жизни личности и выполняет определенную функцию во взаимодействии индивида с обществом и природой.

Отношение человека к миру всегда оценочно. Наша оценка мира может быть объективной, прогрессивной или субъективной, ложной, реакционной. То есть в нашем мировоззрении научное познание мира и ценностное отношение к нему находятся в неразрывном единстве. Так, понятия «ценность» и «культура» взаимосвязаны.

Художественная культура – это совокупный продукт и способ художественно-эстетической деятельности людей. Понятие «художественная культура» включает в себя все отрасли художественно-эстетической деятельности: словесную, театральную, музыкальную, изобразительную и т. д., а также и все процессы, связанные с созданием, хранением, распространением, восприятием, оценкой, изучением художественных произведений. И, конечно же, воспитание художников, публицистов, критиков, искусствоведов.

Характер и уровень развития художественной культуры зависят от социально-экономических условий жизни общества и нации в целом. В XIX – начале XX века у осетин успешно развивались разные виды искусства. Среди них: одно из древнейших – прикладное искусство, включающее в себя предметы быта, созданные по законам красоты. Эти предметы не только полезны, но и красивы, имеют свой стиль и художественный образ, выражающие их назначение и содержащие в себе обобщенную информацию о типе жизни и мирозерцании народа-творца и социально-исторической эпохе. Оно глубоко национально и рождается из обычаев, привычек, верований; формируясь в повседневном быту и деятельности, ведь

невозможно же жить без мебели, костюма, таких предметов прикладного искусства, как посуда и т. д. И в них в полной мере осуществлен принцип единства практической функции и красоты.

В рамках прикладного искусства успешно развивалось ювелирное дело, архитектура как искусство целесообразной постройки жилья, зданий, приобретающей принятый в XX столетии эстетический вид. Это искусство также созидание действительности по законам красоты, которое удовлетворяет потребности человека своей эпохи в жилье. То есть она создавала утилитарно-художественный мир с учетом потребностей человека, как духовных, культурно-цивилизированных, так и материальных.

Архитектура в XIX в. и в начале XX в. в Осетии стремилась иметь какой-то оригинальный облик, в результате чего осетинская столица Владикавказ, например, получила замечательный подарок: историческую часть города с неповторимо своеобразными памятниками градостроительства и чудо – Александровский проспект (ныне проспект Мира). В ней выражена определенная философская концепция мира и человека в нем, безусловно, этническая картина мира. То есть своеобразно отразились национально-этнические представления человека о себе самом и о мире и эпохе, в которую он жил и созидал.

В XIX – начале XX века успешно развивалось и декоративное искусство осетин, функция которого – художественно-эстетическое оформление созданной человеком «второй природы»: зданий, улиц, дворов, дорог, городов, поселков, сел. Оно проявляется в повседневной жизни и быту в виде того же оконного стекла, дверной ручки, светильника и т. д. То есть это искусство украшения, выражения человеческих чувств, стремлений и замыслов, активно использовалось горцами, формируя стиль своей эпохи, ее порой противоречивый характер.

Большого развития достигли живопись и графика. Живопись, как изображение картин реального национального мира, созданных творческим воображением осетинских художников, раскрывала многообразие и богатство жизни, роль человеческого, субъективного начала в ней.

Составной частью многогранной культуры народа стал театр, художественно осваивающий мир национальной действительности через драматическое действие, осуществляемое актерами на глазах у публики. Искусство это, синтетическое по сути, активно использующее живопись, музыку, хореографию, архитектуру в виде декораций, – весьма любимо северокавказцами. Генетически театральное искусство уходит корнями в древность к первобытным обрядам, тотемическим пляскам, к использованию обрядов с употреблением костюмов, масок и т. д. А народные формы театра использовались даже в просветительских целях и как средство социальной, классовой борьбы в начале XX в.

Успешно развивалась и музыка, которая в древности выполняла лишь утилитарную роль: ритуально-суггестивную. Затем имитировала напев, ритм рабочих движений, выполняя функцию звукового общения. Основа музыки составляют ритм и гармония, которые, соединяясь, дают мелодию. Музыкальный образ отражал существенные процессы жизни народа. Полны скорби и вдохновения, вековых страданий и исторического оптимизма героические песни, а народные мелодии отражают как нельзя лучше представления горцев о прекрасном и своеобразном, возвышенном и низменном, о добре и зле, о трагическом и комическом.

Особенную роль в духовно-нравственном становлении и культурном развитии осетин в XIX – начале XX в. сыграла художественная литература. Сила ее в том, что она эстетически осваивала мир национальной действительности в художественном слове. Предметом же ее стало все национальное бытие в многообразии его конкретного проявления: вся ду-

ховная жизнь личности и общества, реальность человеческих чувств и стремлений.

Когда художественное слово пребывало в устной форме, оно, как и музыка, хореография, театр, нуждалось в исполнительском искусстве, т. е. в сказителях, но с появлением письменности исполнительские формы художественного слова (фольклор) не исчезли, а выделились в самостоятельные формы искусства. Вернее, они-то были еще и в древности; художественная литература от них дистанцировалась с появлением письменности, что означает вступление народа на следующую ступень культурно-эстетического развития.

Для становления литературы очень важен был принцип историзма, ведь исторически менялась действительность, которую она отражала, и художественные средства, приемы и формы, которыми она оперировала; мировоззрение, позиции и идеалы ее творцов. То есть литература подвижная, открытая для дальнейшего развития художественная система.

Развитие национальной литературы на протяжении XIX – начала XX в. – это процесс диалектического взаимодействия преемственности и новаторства, постоянного и изменчивого. При этом постоянными в ней оставались: тема и предмет ее – жизнь человека в ее глубинной соотнесенности с природным началом, жизнь народа в этом сложном, противоречивом мире, т. е. человек, природа и общество в многообразии своих взаимосвязей. Жизнь и смерть, счастье человека, были идеалом национальной литературы на всех этапах ее развития.

Художественное слово было «строительным материалом» для литературного образа. Образность же заключается в самой природе национального языка, вобравшего в себя весь духовно-жизненный, социально-исторический опыт народа-творца.

В XIX – начале XX в. пришло осознание важности национальной художественной культуры как неотъемлемой органической части мировой художественной культуры. Постепенно

формируется бережное отношение к национальной художественной культуре как уникальной системе, в которой специфически проявляется этика всепобеждающей любви к жизни, изначально присущей человеческой природе, отражается совершенно оригинальная этническая картина мира.

Происходил в конце XIX- начале XX в. сложный историко-художественный процесс, в котором осетинская культура формировалась как системная целостность, приобретала подлинные черты общенационального развития. Объективно продолжалось культурно-национальное строительство, у истоков которого стояли такие культурные деятели, как Павел Генцауров и Гайоз (Гай), осуществившие перевод первой осетинской книги «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания» и ее выход в свет в 1798 г.; Иван Ялгузидзе, создавший первый осетинский букварь в 1821 г.; А. Шегрен, автор «Осетинской грамматики» на основе русской графики; Даниил Чонкадзе и Василий Цораев, собравшие известные «Осетинские тексты», изданные в Петербурге в 1868 г. акад. А. Шифнером, переводчики церковных книг Г. Мжедлов, С. Жускаев, А. Колиев и др.

Формирование осетинской интеллигенции во второй половине XIX в. привело к росту русскоязычной осетинской книжной литературы. Особенно активизировался данный процесс в 70-х гг. и связан он был с именами таких культурных деятелей, как Б. Гуржибеков, А. Ардасенов, И. Шанаев, Др. Сохиев, Дж. Шанаев, Б. Гатиев, А. Гассиев и др. В развитии осетинской художественной литературы и рождении будущего литературоведения определенную направляюще-ориентирующую роль сыграла концепция изображения горского национального характера в произведениях писателей-семидесятников.

Литература же 80-90-х гг. обогатила формирующееся художественное сознание мощным влиянием русской культуры, которое продолжается и по сегодняшний день. Культурно-исторический процесс 80-90-х гг. связан с именами В. Ф. Мил-

лера, Х. Уруймагова, Г. Баева, Г. Цаголова, И. Канукова и др. На эти годы приходится пора активной творческой деятельности К.Л. Хетагурова, основоположника осетинской литературы, осетинского литературного языка, изобразительного искусства.

Прежде всего, надо отметить, что искусство и литературу он рассматривал как сферу сосредоточия всех художественных и эстетических проблем, во-первых, и, во-вторых, как социальный феномен, который активно влияет на ход общественного развития в целом. А потому и задачи литературы и искусства Коста рассматривал как практическое распространение реального просвещения, понимаемого им как процессуальное развитие мысли, т. е. разумного начала и нравственности; как нравственно-духовное и индивидуальное развитие личности и общества в целом.

В своем непосредственном художественном творчестве Коста проявил себя как великий творец красоты в искусстве. Таким образом, он показал свое полное понимание природы красоты. Понимание же проблем реализма и художественного творчества в целом Коста Хетагуровым сформировано в его теоретических эстетических положениях.

Итак, эстетическое-онтологическая сущность, имеющая свою основу в философском сознании, в фундаментальных принципах этно-онтологической картины мира осетин в XIX – начале XX века.

Сущность философского сознания в осетинском этно-национальном мироощущении и художественной культуре соответственно, – проявляется в его особой энергопорождающей способности, стимулирующей и во многом даже организующей духовно-нравственные и эмоционально-чувственные ориентации жизнедеятельности субъекта-творца, т. е. народа.

В целом, философское сознание, отраженное в культуре, – важнейший компонент духовности осетин. А эстетическое в структуре философского сознания – это целостное многоу-

ровневое образование, обладающее сложной структурой. Ведь эстетика – это наука о чувственном познании.

История эстетики как части философии складывается с отражения процесса очеловечивания окружающего мира этно-национальной действительности, которые начинаются с восприятия эстетического, обнаруживаемого субъектом в окружающем мире. И это становится началом смутного познания в процессе постепенного, исторически последовательного «поумнения» и духовно-нравственного обогащения субъекта осетинской философии и его части – эстетики.

Художник, создавая произведение искусства, одухотворяет предмет, подвергаемый обработке, вступает с ним в отношения «очеловечивания- опредмечивания», в результате объект становится носителем эстетической и художественной ценности, способной оказывать эстетическое воздействие на реципиента и – получает статус произведения искусства. Общность относимых к искусству объектов при этом состоит в их повышенной духовной, смысловой, содержательной насыщенности.

Так субъективное и объективное «переливаются» друг в друга. А эстетическое предстает перед нами как процесс, и его процессуальность выражается простой схемой: объективно-эстетическое – субъективно-эстетическое – объективно-эстетическое.

В конце XIX – начале XX века, когда осетинская имплицитная (скрытая) эстетика переросла в эксплицитную, т. е. теоретическую, научную, четко было осознанно, что целостность человека, всеохватность, всесторонность, гармоничность его исторического развития невозможны без эстетического как части философии. Ведь человек возвысился над животными, т. к. смог осознанно действовать, накапливать и передавать новым поколениям (как историческую эстафету) свой опыт чувственного и эмоционального переживания, осмысления с целью совершенствования человека и его жизнь.

К 1913 г. во Владикавказе работало уже четыре библиотеки: общественная, Пушкинская, читальни на Базарной площади и за Чугунным мостом. Содержались они в основном на средства общественности, т. к. от Городской думы получали всего лишь небольшие субсидии. Культурно-просветительские, научные, театральные, литературно-художественные и спортивные общества составляли группу, которая чаще всего носила массовый светский и межэтнический характер. Пропагандируя образование, светский образ жизни и культурный досуг, эти общества способствовали развитию искусства, научного мировоззрения и расширению кругозора людей.

И, безусловно, философия как одна из важнейших сфер общественного сознания сыграла значительную роль в становлении и развитии осетинской литературы в XIX – начале XX века.

Значительную роль в развитии этического, эстетического и художественного сознания осетин сыграл фольклор. В осетинской жизни произошли большие изменения, которые существенным образом отразились на эстетике фольклора. Так, в устном народном творчестве осетин выявляется стремление осмыслить социальную значимость новых явлений в горской действительности. И, конечно же, поиски новых идейно-художественных, эстетических средств для их осмысления.

Если главным объектом художественного изображения в устном народном творчестве осетин первой половины XIX в. была судьба отдельной личности, то во второй половине того же столетия фольклор художественно осмысляет жизнь и судьбу социальных групп населения или целого класса. Рост национального и культурного самосознания народа ведет к рождению новых фольклорных тем, образов и идейно-эстетических принципов. Утверждается своеобразный «фольклорный реализм». Острую социальную направленность получают новые песни, сказки, поговорки и пословицы о кулаке и батраке, о попе и мулле, об адвокате и судах и т. д. Все настойчивее

звучат в фольклоре идеи социальной справедливости, классовой борьбы трудового крестьянства против угнетателей – алдаров, кулаков и представителей царской администрации, сельских старшин, приставов, урядников, попов, мулл и т. д.

Находясь в сложном отношении к действительности, ходу истории народа, общественной практике в целом народное искусство выполняет специфические, незаменимые функции, неся определенную социальную миссию, оно соединяет в себе практические и эстетико-духовные функции. Оно украшает человека и его быт, является органическим элементом народных праздников, ритуалов. Для народа, живущего в условиях угнетения, это известная сфера и знак единства, творческой силы и способностей. Многократно повторяясь и варьируя, эти элементы укрепляют в сознании человека убеждение в целесообразности формы для человека.

Профессиональная художественная культура, сформировавшаяся у осетин в буржуазную эпоху, т. е. в XIX веке, уже с самого своего зарождения буквально впитала в себя философское сознание общества.

Произведения искусства своеобразно интерпретируют философские, политические, нравственные идеи этнического мировоззрения, диктуют особые формы человеческого отношения к миру и его выражения. Сущностью эстетического отношения и способом выражения этой сущности является очень важная категория – художественный образ. Специфику искусства как формы общественного сознания составляет конкретно-чувственное, образное отражение реальной действительности, реализующееся в произведениях искусства. Предмет искусства отражает человеческую жизнь, разнообразные отношения людей к миру и к себе самому, их мысли и чувства, всю их социальную сущность. В искусстве буржуазной эпохи свое яркое воплощение получило этническое мировоззрение осетин, в частности, такие его доминанты, как нормы общественной формации и социального устройства

общества. Художественный образ решает здесь очень важную творческую задачу: вписывает искусственную предметно-пространственную форму в контекст реального мира, помогая ей стать частью этого мифа. Благодаря художественному образу, предварительно осуществляется субъективное отражение объективного мира в сознании творца-зодчего. Но в материально-предметном воплощении субъективного отражения в сознании художника проявляется определенная традиционная основа, традиционное начало, и, прежде всего, в художественной выразительности.

Культурный контекст эпохи, т. е. жизнь, образ мыслей и чувств, – и дает реальную возможность людям строить свои повседневные отношения с миром, с природой, конечно же, с учетом и исторического прошлого. Фольклор, искусство, этнокультура дают богатейшую информацию о социально обусловленном поведении людей, об их житейских навыках, о характере отношений, которые между ними складываются; о связи разных поколений, разных эпох. Словом оно сохраняет информацию, которая образует важную часть коллективной памяти этноса, его мировоззрения. Творцов, их создавших, безусловно, глубоко волновали сокровенные тайны жизни, бесконечного пространства и безграничного времени. Озабоченные проблемой разгадки бытия, они строили свою повседневную жизнь, полную реальных проблем и материальных невзгод.

Словом, в конце XIX – начале XX веков в результате революционных событий наступил перелом в общественной жизни народа, давший сильный импульс росту самосознания нации. Революционные преобразования способствовали развитию литературы и искусства, выдвинули на первый план такие узловые проблемы, как сущность и назначение искусства, проблемы красоты человека и красоты природы, эстетического идеала, нравственности и морали, обучения и воспитания, эмансипации женщины.

Решение этих жгучих проблем было вызвано поступательным ходом развития культурной жизни народа, потребностями революционной эпохи. Появились определенные предпосылки для развития литературы, музыки, живописи, театрального искусства, для организации печати на родном языке. Формирование и становление многих видов искусства послужили отправной точкой для развития теоретических положений об искусстве, возникновения дискуссии о сущности и назначении искусства, в частности, искусства осетинского народа.

На каждом этапе своего развития философско-этическая и литературно-эстетическая мысль народа поднималась на новую высоту. Своего высшего развития она достигла в конце XIX – начале XX вв. Ярким свидетельством этого является творчество таких крупных писателей, как Сека Гадиев, Коста Хетагуров и др. В формировании философско-этических и литературно-эстетических взглядов осетинских писателей, передовых представителей культуры своего времени существенную роль сыграли объективные факторы. Литературно-эстетические и философско-этические взгляды писателей на сущность искусства формировались, прежде всего, на основе тысячелетней художественно-эстетической культуры родного народа – философско-этических и эстетических идей осетинских просветителей XIX и начала XX вв.

Прогрессивные идеи В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Г. В. Плеханова дали импульс формированию, становлению, развитию эстетической мысли осетин.

Передовые литературно-эстетические взгляды, теоретические положения русских революционных демократов были восприняты передовыми осетинскими писателями-мыслителями, явились для них подспорьем при разработке многих актуальных проблем искусства своего времени. Именно они рассматривали сущность искусства в тесной связи с проблемами

самой жизни – социальными, эстетическими и этическими идеалами общества.

По их мнению, искусство должно находиться в органической связи с передовыми общественными идеалами эпохи, взглядами и идеалами прогрессивных представителей, с идеалами, направленными на преобразование жизни на земле.

Таким образом, видные писатели, представители осетинской эстетической мысли, занимающиеся проблемами искусства родного народа, выдвигая идеи о специфических особенностях искусства, опирались на передовые достижения, комплекс научных знаний, выработанных всем прогрессивным человечеством, способствуя процессу философизации художественной культуры осетин.

Глава 6.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОСЕТИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ, СФОРМИРОВАВШИЕ СУЩНОСТНО- СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТНЫЕ СТРУКТУРЫ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Итак, формирование буржуазных отношений в осетинской действительности имело поистине фундаментальное значение для дальнейшего развития осетинской философии, т. к. способствовало становлению осетинской нации, – качественно нового этапа в этнической эволюции осетинского народа.

На арену истории вышла новая реальность – общество и человек этнический в единстве бытия, человек и мир человека, представляющий собой систему бесконечных взаимосвязей и взаимодействий. Ведь человек и его этнический мир – это нечто уникальное, имманентно единое и единственное, мир бесконечной сложности, вечных сомнений и альтернатив. Более того, мир этнического неисчерпаем и глубок, непрерывно развивается, опираясь на свободный, творческий «пассионарный» импульс человека, что обуславливает исключительную сложность его познания.

Новые ресурсы этнического бытия, его субстанциональные основания и духовно ментальные особенности и выступили фундаментальной основой, базисом становления осетинской философии в XIX – начале XX века. И, безусловно, осетинская литература отразила ярко и образно философский потенциал общества, общественного бытия человека. В разных жанрах глубокому анализу подвергались философские проблемы: структура общества, социальные общности, семья, гражданское общество, народ, классы, общественные отношения, собственность, власть, мораль, духовность, человек в потоке исторического времени, человек и мир и т. д. Более того, в процессе становления ее сущностно-содержательных и

идеологических константных структур участвовали основные сферы и направления осетинской философии.

6.1. Философская антропология

Проблема человека – одна из основных в философии. Еще Протагор охарактеризовал человека как меру всех вещей. И это стало одним из основных мировоззренческих и методологических принципов науки и философии вообще. Философский образ человека складывался постепенно. Философский подход к человеку предполагает выявление его сущности, конкретно-исторической детерминации форм его активности, раскрытие различных форм его бытия. Философия выявляет место человека в мире и его отношение к миру, анализирует вопрос о том, чем человек может стать, каково в нем соотношение биологического и социального, что такое человек как личность, какова структура личности, в чем суть социально-психологических типов личности и т. п. Специфика философского круга проблем, связанных с человеком, сложилась сразу же в просветительском сознании. Это основные концептуальные представления о человеке как в осетинской мифологии, нартском эпосе, в народной мудрости, так и в собственно осетинской философии: логика в осмыслении проблем человека в осетинской философской традиции порождает цепь преемственных связей между мифологией, нартским эпосом и народной мудростью, являющихся, на наш взгляд, предфилософией осетин.

Во многом это обусловлено, – конечно, помимо объективных факторов, закономерностей и логики развития самого философского сознания осетин, и тем, что проявления человеческой сущности многообразны: это и разум, и воля, и характер, и эмоции, и, конечно, труд, общение как социальный процесс. Как показывает исторический опыт, труд – сущностный, основной признак человека. В труде человек постоянно

изменяет условия своего существования, преобразуя их в соответствии со своими постоянно развивающимися потребностями, создает мир материальной и духовной культуры, которая творится человеком в той же мере, в какой сам человек формируется культурой.

Философия познания человека сформировала особый метод познания, согласно которому человек сам одновременно является и субъектом, и объектом познания. Так, исторически сформировались четыре измерения сущности человека: биологический, психический, социальный и политический. Биологическое выражается в генетических явлениях, в нервно-мозговых и других процессах; психическое – во внутреннем душевно-духовном мире человека (его сознательные и бессознательные процессы, воля, переживания, память, характер, темперамент и т. д.).

Конечно, человек – существо разумное. Мышление его – это сложноорганизованный биопсихосоциальный феномен, наполнение которого составляет соединение психического и социального, причем такое, в котором социальное выступает как психическое в содружестве с эмоционально-интеллектуально-волевой сферой.

В целом человек – это воплощенный дух и одухотворенная телесность, существо, обладающее разумом, субъект труда и социальных отношений и общения с помощью речи. Биологическое начало определяет индивидуально-неповторимые особенности людей: набор генов, получаемых от родителей, уникален. Он несет информацию, предопределяющую развёртывание свойственных лишь данному человеку признаков: особенности темперамента, характера, черты лица и вообще весь телесный облик. Человек – целостное единство биологического, психического и социального уровней, формирующихся из двух начал: природного и социального, наследственного и приобретенного.

Характер отношений человека и общества складывался

исторически. Богатство и сложность социального содержания личности обусловлены многообразием ее связей с общественным целым, степенью аккумуляции и преломления в своем сознании и деятельности различных сфер жизни общества. Вот почему уровень развития личности есть показатель уровня развития общества и наоборот. Индивид как особая единичная ценность есть единичная, неповторимая частица социальной общности. То есть это – проявление человека в его отдельности и неповторимости. Индивид как особая единичная цельность характеризуется рядом свойств: целостностью морфологической и психофизической организации, устойчивостью во взаимодействии со средой, активностью. Понятие индивида есть лишь первое условие обозначения предметной области исследования человека, содержащее возможности дальнейшей конкретизации с указанием его качественной специфики в понятиях личности и индивидуальности.

В осетинском философском сознании еще со времен просветительства большое внимание уделялось не только сущности человека, но и процессу существования человека. Поэтому социальная ориентация осетинской общественной мысли (как и, впрочем, русской) очевидна. И не случайно: осетинская философия – это философия жизни, далекая от схоластики и абстрактных схем. Философия осетин всегда проявляла и проявляет заботу о насущных проблемах человеческого существования в сфере материальной, политической, религиозной, этической, духовной жизни человека. Также очевидна доступность ее идей, связь ее с художественной литературой, публицистикой, в которых в результате формируется новый взгляд на человека и его место в мире.

Идея личности – сущностная характеристика человека. Личность – индивидуальное средоточие и выражение общественных отношений и функций людей, субъект познания и преобразования мира, прав и обязанностей, этических, эстетических и всех иных социальных норм. Личность – это со-

вокупность трех ее основных составляющих: биогенетических задатков, воздействия социальных факторов (среда, условия, нормы, регулятивы) и ее психосоциального ядра – Я. А что такое Я? Это интегральное ядро духовного мира человека, его регулятивный центр, который определяет чувства: собственного достоинства, долга, ответственности, совести, нравственно-эстетических принципов и т. д. Это мера цельности человека. Конечно, в истории философской мысли постепенно формируется идея личностной уникальности человека. Индивидуальность – это неделимость, единство, целостность, бесконечность; с головы до ног, от первого до последнего атома, насквозь, повсюду Я – индивидуальное существо.

XIX век в истории духовной жизни осетинского общества уникален тем, что именно тогда, т. е. в период становления капитализма, начинается борьба за свободу личности, против иерархической сословной системы. Сначала требование свободы личности сводилось главным образом к требованию свободы мысли. Затем оно переросло в требование гражданской и политической свободы, свободы частной инициативы.

Особенности философской антропологии осетин в буржуазную эпоху можно рассмотреть, анализируя творчество выдающегося осетинского поэта и мыслителя К.Л. Хетагурова. Воспитанный в традициях русской революционно-демократической этики и эстетики, Коста приступил к художественному творчеству, уже не интуитивно, а теоретически постигнув законы этики и эстетики, теоретически осмыслив и обобщив художественную практику. И это помогло ему совершить огромный творческий подвиг – заложить основы осетинского профессионального искусства: художественной литературы, изобразительного искусства. Прежде всего, этические и эстетические взгляды Коста, сложившиеся в стройную систему, помогли сформировать определенную этическую картину мира. Целостная система этических и эстетических принципов Коста трансформирована в его художественных образах.

Мировоззрение же Коста формировалось в процессе всей его жизнедеятельности, в процессе его активного отношения к жизни. Во многом разделяя мировоззрение русских революционных демократов, Коста своеобразно отбирает жизненный материал и проявляет своеобразное видение мира. И тут очень четко проявляются его этическая и эстетическая система. Как большой художник, Коста не только творит, но и осмысляет законы творчества, формулирует эстетические законы. Задав определенные этико-эстетические нормы, надо заметить, очень высокие. Согласно его концепции, духовностью обладает каждый человек, как носитель социального опыта. И тут проявляется важная особенность отношений «человек-общество». Человек не просто часть общества, ведь в нем ассимилированы огромные пласты социального опыта, благодаря тому, что этот опыт существует как духовная жизнь отдельного человека. И только в этом опыте, по мысли Коста, он может постичь, что такое любовь, добро, красота, истина и сформировать свои собственные ценности. Услышать в себе самом голос совести, постигнуть, что такое честь, достоинство, благородство.

Самым глубоким и могучим источником духовного опыта в философско-эстетическом сознании К.Л. Хетагурова является любовь. Поэтому такое большое место в творчестве поэта занимает это удивительное, жизнеутверждающее чувство. Проанализировав его эстетическую и этическую концепцию, приходим к выводу, что в представлении Хетагурова сущность человека во многом определяется его способностью любить. Ею же обусловлены его поступки, поведение, характер, сама судьба человека. Там, где начинается любовь, так кончается безразличие, вялость, экстенсивность. Человек собирается и сосредотачивается, его внимание и интерес концентрируется на одном объекте, на любимом; здесь он становится интенсивным. Душа его начинает, как бы накаляться и гореть. Любимое содержание – будь то человек или музыка или любимые

горы, – становится живым, реальным центром души, важнейшим в жизни, главным предметом ее.

Чувства и воображение любящего сердца доходят иногда до того, что человек действительно проявляет полное самоотречение: любимый предмет оказывается для него выше его самого. Он становится для него живым центром его жизни, которому он служит, нисколько этим не унижаясь, и приносит многое ему в жертву. Он совершает единственное, что для него в такой ситуации естественно и неизбежно делать. Такова природа и сущность любви, концепция любви в эстетике К.Л. Хетагурова.

Концептуальны представления К.Л. Хетагурова о патриотизме, о чувстве, также формирующее эстетическое понятие прекрасного. Прежде всего, по его представлению, чувство патриотизма не лишает человека самостоятельности. Конечно, самостоятельность – обычный, данный индивиду от природы способ бытия. Но наряду с ним сохраняется и могучее содружество людей, в котором формируется национальная духовная культура. В нем, в этом содруестве, все достояние нашей родины: и духовное, и материальное. И оно общее для всех и каждого. Именно оно порождает чувство родины. А это чувство делает великое дело в человеческом сердце: душевное одиночество отходит на задний план и уступает место духовному единству людей. Такова, по концепции поэта, идея родной нации. Человек же лишенный ее, обречен на духовное сиротство. Обретение ее – величайший акт жизненного самоопределения. У каждого, как следует из концепции философско-мировоззренческой концепции Хетагурова, должно быть острое ощущение, что иметь родину и свою национальность – это великое счастье, а утрата их – величайшее горе и что тоска по ней естественна и необходима для нормального состояния человеческой души.

Акт совести, в отличие от всякого формального закона, имеет в виду не общее, присущее всем людям, а индивидуаль-

ное состояние одного человека. Он не уравнивает людей, а напротив, индивидуализирует каждую человеческую личность и ведет каждого к реализации всего доброго и прекрасного, благородного, что ему доступно.

Словом, этико-эстетический идеал, как философское мировоззрение Хетагурова явился чувственным выражением тенденций и закономерностей развития действительности, вернее, осетинского общества второй половины XIX в.

Хетагуров рассматривал природу, природное начало как условие цельности человека и окружающего его мира, как основу идеального совершенства.

Идеал непостижим, и природа, изначально призванная быть условием идеального совершенства или условием цельности и целостности человека и окружающего его мира, не становится такой, ибо социальный строй, социальные отношения мешают природе человека полностью реализоваться.

Для Хетагурова идеал содержательно несет в себе представление об итоговом совершенстве индивида как представителя рода человеческого.

Идеал включает в себя осознание поэтом того, что человек и есть самоцель своей жизнедеятельности. То есть Хетагуров отразил в художественных образах свое представление об идеале как высшей норме человеческого совершенства. Прежде всего, это совершенство реально, если человек способен жить во имя людей, для народа и видеть в этом высшее для себя благо.

В художественной антропологии Хетагурова важнейшую роль играет философское осмысление жизни и философская трактовка смысла жизни.

Человек на фоне всего остального мира выделяется только благодаря своему разуму и чувствам. Значит, эволюция человека – это, прежде всего, нравственно-эстетическое совершенствование мира, процесс становления его красоты, добра и справедливости – приходит к выводу поэт. А если так, то

очень важно, по мнению Хетагурова, каков сам человек и что он несет миру.

И это вполне естественно для мироощущения Хетагурова, ведь самый высокий идеал достойной человеческой жизни для него – борьба за счастье родного народа.

Своеобразно также формирование этико-эстетического идеала в творчестве поэта. Так, Хетагуров представление об идеале связывает с понятиями долга и ответственности. Скажем, Фатима, героиня поэмы «Фатима», предпочла чувству любви чувство долга.

К. Хетагуров четко определил свое социальное кредо. Остро воспринимая происходящее вокруг, он живо откликнулся на него своим творчеством, яркой публицистикой. При этом проявлял острое неприятие и резкое осуждение социального неравенства и гнета, негативное восприятие «высшего света». Поэт твердо полагал, что счастье человека не в богатстве и не в чинах. А в его отношении к человеку, к его деятельности. Вообще четко в творчестве Коста проявлялась его мировоззренческая установка: труд, практическая деятельность как важнейшее занятие человека на земле, должны быть основаны на осознании человеком и реализации своих природных способностей с целью достижения в труде личного счастья и общественной пользы. Эту идею поэт вложил в художественном образе положительного героя – Ибрагима в поэме «Фатима».

Поэт убежден, что самоопределение человека проявляется прежде всего в избрании той или иной деятельности как способа жить, и что это есть его естественное право, с которым человек рождается. И общество, по его глубокому убеждению, должно обязательно способствовать соблюдению этого естественного права каждого своего члена. И это является гарантией того, что все люди могут свободно избирать род своей деятельности и образ жизни. На основе такого выбора может только достичь человек полной самореализации в жизни.

Словом, это мысль о естественном праве человека, которое только и позволяет ему отождествлять истинную жизнь с чистой совестью. А поэтому, по мысли Коста, истинным критерием жизни являются честность, совестливость, которые хотя бы уже поэтому становятся самой большой ценностью.

Коста искал фундаментальные, онтологические основы, которые бы помогли человеку быть свободным, ибо он понимал, что стремление к свободе, к вольности – врожденное человеческое качество. Поэта возмущало реальное состояние безземельного горского крестьянства, положение которого иначе как ужасным, бедственным нельзя назвать. И это притом, полагал Коста, что все люди равны перед богом.

По убеждению Коста, человек должен постоянно обогащать и развивать свою собственную человеческую природу, сотворенную Богом. В представлении Коста, как и всех осетинских просветителей, человек – сам по себе – универсальная социально-нравственная цель процесса самовоспитания и общественного развития, исторического прогресса.

...Как гениальный художник слова, К.Л. Хетагуров схватывает в явлении самое существенное, самое характерное, и, отталкиваясь от его конкретно-чувственной природы, обобщает, создает свою концепцию мира и человека, формирует собственную художественную антропологию. При этом важнейшей категорией в эстетике поэта является идеал, вобравший в себя народные представления о жизни, о человеке, о целях и лучших формах общественного развития, – словом, выражающий народный взгляд на мир и место в нем человека.

Хетагуров использует эстетический идеал как образец, норму, определяющую способ поведения человека во всех сложных жизненных ситуациях. Более того, как всеобщую форму человеческой жизнедеятельности и, разумеется, во всех сферах общественной жизни: социальной, политической, нравственной, эстетической и т. д.

Эстетический идеал Хетагурова отражает объективные тенденции развития реального мира.

Для Хетагурова идеал содержательно несет в себе представление об итоговом совершенстве индивида как представителя рода человеческого. Идеал включает в себя осознание поэтом того, что человек и есть самоцель своей жизнедеятельности. То есть Хетагуров отразил в художественных образах свое представление об идеале как высшей норме человеческого совершенства. Прежде всего, это совершенство реально, если человек способен жить во имя людей, для народа и видеть в этом высшее для себя благо.

В художественной антропологии Хетагурова важнейшую роль играет философское осмысление жизни и философская трактовка смысла жизни.

Человек на фоне всего остального мира выделяется только благодаря своему разуму и чувствам. Значит эволюция человека – это, прежде всего, эстетическое совершенствование мира, процесс становления его красоты, – приходит к выводу поэт.

А если так, то очень важно, по мнению Хетагурова, каков сам человек и что он несет миру.

И это вполне естественно для мироощущения Хетагурова, ведь самый высокий идеал достойной человеческой жизни для него – борьба за счастье родного народа.

Так, Хетагуров, благодаря своему мастерству, сумел развить в осетинской литературе реалистическую концепцию красоты, связав в своей эстетике идеал с типизацией и отражением жизненной правды, с социальными идеями свободы, равенства и братства. Отсюда и своеобразие его эстетического идеала, важнейшей сутью которого становится борьба за счастье народа. В то же время поэт трактует красоту как меру гармоничности, истинности бытия. А красота – это ни что иное, как жизнь праведная, честная, трудовая, та, которую творят чистыми мозолистыми руками.

Такова философская антропология в осетинской литера-

туре, развивающаяся и впоследствии в русле традиций Коста Хетагурова.

6.2. Понимание народа как субъекта истории

Осетинские просветители осознали, что народ в целом – созидательная сила истории. В целом можно сказать, что сутью их философских взглядов на историю родного народа (а значит и предметом осетинской историософии в буржуазную эпоху) было представление о всемирно-историческом движении осетинского народа как единого целого; о принципах и законах, которые формируют и управляют этим объективным движением; о причинах, которые определяют и обуславливают различные социальные события (революции, войны и т. д.).

Народ, в представлении осетинской интеллигенции в XIX- начале XX века, тот субъект исторического развития, кто трудится и живет за счет своего труда. Однако это – неоднородный феномен: он имеет сложную структуру. Тем не менее народ – не простая сумма отдельных людей, а единое целое, система, образуемая конкретным обществом, множеством семей, людей, судьбы которых нераздельно связаны с судьбами народа.

Народ, как системная целостность, наполняет жизненным содержанием семью, индивида, конечно, в определенной, т. е. конкретной национальной форме. Эта форма представлена для осетин, скажем, именно составляющими, такими, как этническое мировоззрение (Ирондзинад), осетинский язык, менталитет, национальное сознание и самосознание, склад обычаев, Агъдау как нравственно-этический кодекс национального бытия, – т. е. все то, что позиционирует неповторимую, оригинальную, таинственную душу осетинского народа.

Конечно, в обыденном сознании в XIX-начале XX века понятие «народ» носило некий негативный налет в своем существенном значении. Так, думали многие, масса «простого люда»

создана для выполнения тяжелой, грязной работы, «элиту» же общества составляли «господа». Такое отношение можно объяснить следствием субъективной ценности различных видов общественной деятельности: физической и умственной, факты разделения труда и соответственной социальной дифференциации общества.

Так в буржуазную эпоху у осетин сформировался конкретно-исторический подход к понятию «народ».

В целом, просветители четко осознавали, что народ реально представляет те силы, которые способствуют прогрессивному развитию общества. То есть это сила, которая благодаря своему труду, обеспечивает бытие общества и реально двигает его вперед. Он же создает и совершенствует орудия труда, передает свои навыки и знания, в т. ч., конечно, и свое мировоззрение (Ирондзинад) как важнейшую этническую ценность, следующим поколениям, вступающим в жизнь.

Осетинские просветители осознали абсолютную ценность труда, утверждая в своем многогранном творчестве, что труд – великое, благородное дело, которое определяет прогресс как смысл истории и судьбы народа, общества, индивида.

Кроме того, в сознании просветителей как наиболее передовой и образованной части осетинского общества в буржуазную эпоху утвердилось представление о том, что народ и есть творец-созидатель и бесценный, ревностный хранитель культурных и духовных ценностей, в т. ч. идей исторического прогресса, порожденных ходом развития общества.

Прогрессивная осетинская интеллигенция знала, что именно народ еще в доисторические времена добыл огонь, распознавал лекарственные растения, изобрел каменные, деревянные, металлические орудия, ловушки для зверей, лук, стрелы и т. д. То есть по крупицам накапливал драгоценный опыт жизни. Вспомним, с какой любовью и настойчивостью М. С. Туганов, еще в студенческие годы, приезжая из Петербурга на каникулы, участвовал в раскопках Кобанских мо-

гильников. Он, как и другие просветители, понимал, что осетинский язык – также величайшее творение народного гения, без которого не было бы ни уникальной осетинской культуры, которая в современной культурологии еще недостаточно оценена, ни осетинского общества. М. С. Туганов понимал, что в истории искусства Осетии раскрывается удивительная картина мира его творца-народа. Восхищался художник и величайшими поэтическими образами, созданными народной фантазией. Поэтому он так бережно относился в своих исследованиях к осетинской мифологии, танцам, художественной резьбе, вышивке, живописи, архитектуре, сценическому искусству, ораторскому искусству.

Осетинские просветители понимали, какую великую силу имеет народное мнение. А потому целью, содержанием своей политической борьбы, политической истории эпохи они сделали непрерывную борьбу за просвещение народа, стремясь подготовить его к борьбе трудящихся за свои права и свое освобождение.

Они, безусловно, осознали, что народ – главная движущая сила всех социальных революций; что народ решает вопросы о жизни и свободе наций и с оружием в руках становится в час нужды на защиту родины.

6.3. Осознание философии права как истинной ценности в общественной жизни

Осетинская философия формировалась как единство диалектики, логики и теории познания. Еще в рамках народной мудрости формировались основные понятия, национальные традиции, складывалось обычное право, регламентирующее поведение человека в обществе, нравственное состояние человека. Издревле в общественном сознании возникал вопрос: в чем свобода человека? В первобытную эпоху – в добросовестном выполнении воли родового коллектива, т. е. в реализации

своей роли как части единого коллектива. В этом ведь право и обязанность члена родоплеменного коллектива. Позднее, в феодальном обществе тоже.

Однако уже в буржуазную эпоху с потрясением основ национального бытия осетин меняется многое в сознании и самосознании народа. И, конечно же, зарождаются правовые идеи философии права. Разумеется, большую роль в этом процессе сыграли осетинские просветители, сознание которых формировалось под мощным влиянием русской революционно-демократической идеологии. Весьма популярной в российском общественно-демократическом мировоззрении была гегелевская философия права. Просветители в своем художественном, публицистическом и эпистолярном творчестве боролись за права, честь и достоинство закабаленных горцев, которых беспощадно угнетали как представители царской власти на Кавказе, так и местные феодалы. Но в процессе этой отчаянной борьбы они формировали и подлинную философию права.

Сама идея **права**, по их мнению, тесно связана с такими понятиями, как закон, власть, необходимость принуждения, наказания и идея государственности. **Право** появилось вследствие необходимости ограничения произвола, различных антиобщественных явлений. Они также понимали, что действующее право порождает законы, суть которых отражают обычаи, ставшие нормой в данном конкретном обществе.

Право и закон, конечно же, тесно связаны с принятым в обществе чувством порядка и сознания общества, т. е. его нравственными принципами.

Право, таким образом, по их представлениям, представляет собой социальные нормы, определяющие границы поведения человека и принятые в рамках той или иной государственности. Как определил Гегель, «Веление права по своему основному определению – лишь запрет».⁷⁶ А. В. Соловьев отметил, что подчинение человека обществу естественно согласовано с

нравственным началом, которое не приносит в жертву общему частное, а объединяет их. При этом, как полагал философ, жертвуя обществу свою неограниченную и недействительную свободу, индивид получает гарантию своей разумной свободы, т. е. это то же, что получить «живую собаку в обмен на мертвого льва».⁷⁷ Происходит это по **всеобщей воле**. «Если бы воля не была всеобщей, то не существовало бы никаких действительных законов, ничего, что могло бы действительно обязывать всех. Каждый мог бы поступать, как ему заблагорассудится, и не обращал бы внимания на своеволие других».

Закон, согласно представлениям просветителей, – это общепризнанное и безличное, объективное, т. е. независимое от конкретного индивида, определение права, т. е. понятие о должном, определяющем соответствие между частной свободой и благом целого. **Закон** отличается следующими признаками: публичностью (если постановление не обнародовано, не опубликовано, то оно и не имеет силы всеобщей обязательности), конкретностью, реальной применяемостью, т. е. возможностью его исполнения (с последним признаком связана идея «санкции», т. е. угрозы принудительно-карательных мер).

Конечно, полагали просветители, природе человека соответствует **моральность**. Но она, скажем, в первобытном обществе все же ограничена. Значит, чтобы обеспечить нормальное существование общества и индивида, необходимы некие принудительные меры, т. е. закон, принудительная обязательность которого отличает правовые нормы от нравственных норм. Поэтому система правовых отношений распространяется на все данные конкретного общества.

То есть право есть необходимое условие реализации свободы всех граждан. Согласно ему, человек обязан ограничивать свою свободу реальным фактом свободы других. Оно же есть выражение идеи свободы, в тоталитарных обществах место права заменяет произвол, т. е. так называемая политическая целесообразность: это помогает тирану расправляться с поли-

тическими противниками. Только подлинное право способно избавить общество от такого беззакония.

Постигли они и другую истину, а именно, что в государстве действуют конкретные юридические нормы, выражающие волю власти и направленные на соблюдение справедливого общественного порядка.

Вместе с тем права предполагают и **обязанности**. (Обязанности без права есть рабство. А права без обязанностей – анархия). И это естественно. Ведь воля и обязанность переходят друг в друга. Как отмечал Гегель, права отца семейства над членами семьи тут же и предусматривают его обязанности по отношению к тем же членам его семьи.⁷⁸ Понимали просветители важность и другой категории: справедливости.

Справедливость – исторически и социально приобретенное качество души. Как добродетель, справедливость относится к сфере этики. Но справедливость также выражает и отношение к другим. И в таком качестве она входит и в предмет политики, полагали они.

В целом, конечно, особенности осетинской ментальности определяют и своеобразие осетинской философии права. Дело в том, что осетинская философия актуализировала всегда, и даже сейчас, в XXI в, «практическую» философию права, нежели «теоретическую» философию, т. к. для нее всегда наиболее важными и актуальными были проблемы сущности и существования человека. И это определяло антропологическую ее сущность, делало ее подлинной философией жизни. Поэтому просветители не уходили от решения сложнейших социально-политических и правовых вопросов.

Национальной особенностью осетинской философии является ее чуткая обращенность к человеку. В решении проблем человека у нее – давние традиции, идущие еще из предфилософии, т. е. из недр народной мудрости. Просветительство усилило еще больше внимание к человеку, его разуму, внутреннему миру, стремлению к свободе и сча-

стью. Уже просветители задумывались: что есть средство, а что цель – человек или государство? Закладывая основы осетинской философии права, они ставили вопросы о том, какие философские основы, ценности действительно отвечают насущным нуждам людей и соответственно являются общечеловеческими, а какие являются следствием социально-политического, экономического, административного, правового порядка? Какие из них во благо человеку, а какие на горе? Что составляет величие, целостность и социально-политический престиж государства, если единое сердце его граждан сохраняется ценой их жизни? И что, в конце концов, выше и важнее: величие государства, «общественный идеал» или жизнь конкретного человека? Все эти вопросы волновали сознание осетинских просветителей и заставляли их формировать свою этническую философию права. И сложности перед ними на этом пути возникали постоянно. Так, внутренняя противоположность в осетинской философии права, сохраняющаяся вплоть до 20-х годов XX века, обусловлена была постоянным противопоставлением «естественного права», «обычного права» «положительному праву», государственному праву, – сначала Российской империи в XIX – начале XX вв., а затем советского государства. В 30-х годах XX века это противопоставление, ставшее «водоразделом» в общественном сознании осетин, «сошло на нет» в пользу государственного закона с его верными социально-политическими характеристиками, с его силой в нравственных, культурно-исторических ориентациях, с его истинным выражением справедливости. Долго еще осетинский народ проявлял «антилегализм», «непринятие» права. И не случайно. Ведь иногда и в Российской империи использовали, по отношению к забитым горцам, как порождение силы и произвола, забывая о том, что право – это, прежде всего, есть выражение справедливости и свободы. Это то, что вдохновляло на подвиг и на борьбу

таких, как Чермен Тлаттаты, вынужденного отстаивать не только свои материальные интересы (т. е. участок земли – единственный источник существования для его семьи), но и свое человеческое достоинство, свое право быть членом общества.

Коста Хетагуров сыграл значительную роль в становлении философии права осетин.

Позитивизм оказал сильное влияние на философское сознание Коста Хетагурова и его последователей, т. е. просветителей, определив, с одной стороны, социологический характер его философии права, с другой – психологический характер философии права поэта и его единомышленников. При этом отличительной особенностью методологии его исследования права является учет, прежде всего, причинно-следственных связей; во-вторых, предпочтение описательности, опирающейся на эмпирику, на эмпирическое знание. Все это говорит о том, что Коста в философии права интересовали не догматы права, а ее социальное воплощение. В целом концепция права Коста не является формально-догматической, т. е. она – не абстрактная система нормативных предписаний, идущих от власти и власть имущих, а важнейший компонент комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных социальных явлений; социальная структура, обеспечивающая определенный порядок в обществе и призванная гармонизировать отношения в нем. Коста при формировании системы своих воззрений в сфере философии права активно и творчески использует сравнительный анализ и исторический методы анализа проблем права и государства.

Конечно, Коста проявил интерес к теории факторов, приступая к поиску господствующего начала в общественной жизни. Избегая абстрактности в понимании и трактовке правовых отношений, Коста стремился придать им конкретно-исторический характер, определяя в качестве объекта своего исследования определенного человека, определенные факты.

Это помогало ему сформировать четкие и научно обоснованные представления об основах человеческого общежития, о гуманистических формах социального бытия.

Словом, Коста был на пороге открытия идеи правового государства.

Заслуга Коста в формировании осетинской философии права заключается также и в том, что он расценивал право как экстраполяцию психологического фактора, как функцию психики. Так, Коста полагал, что содержанием эмоционально-психических явлений права является остроосознанное переживание долга того или иного субъекта перед другим, себе подобным. Это переживание, по мнению К. Хетагурова, позволяет решить фундаментальную дилемму права: «могу и хочу» и «надо» в сфере справедливости и гуманизма.

Таким образом, норма права в результате переживания, в представлениях Коста, приобретает императивно-атрибутивный характер. И он-то и определяет взаимосвязи возможности и обязанности, возможности и действительности. В результате глубокого анализа бедственного положения осетинского крестьянства, основной массы населения, Коста приходит к пониманию необходимости демократических преобразований общества.

К. Хетагуров как просветитель, конечно же, приветствовал модернизационные процессы, проходившие во второй половине XIX века в горском общественном бытии и общественном сознании в результате вхождения Осетии в состав Российского государства. Однако он полагал, что на данном сложном этапе необходимо придерживаться постепенного эволюционного пути развития.

Диалектическое единство логического и образного начал в публицистике Коста прослеживается буквально во всех ее жанрах. Конечно же, в каждом конкретном случае соотношение их различно. В тех, которые ближе к научной статье, преобладает научная строгость, а тех, что ближе к искусству – художествен-

ная образность. Но исходная точка во всех публицистических произведениях Коста – единство и взаимосвязь двух форм познания: логической и чувственной. О наблевшем поэт любил говорить открыто, громко, «разумным языком критики» (К. Маркс), конечно же, и полным страсти языком самой жизни. В этой диалектической противоречивости двух существенных начал и следует искать природу философской мысли в публицистике Коста и выявление этико-эстетических возможностей отдельных его публицистических произведений. Так скажем, оценивая методы управления новой администрации края, К. Хетагуров приходит к выводу, что: «Для управления же народом в несколько десятков тысяч, – пишет он, – необходимо знать еще и характер, обычаи, нравы и жизнь народа и вообще располагать огромным запасом самых разнообразных сведений».⁷⁹ По мысли поэта, – есть закон человеческой культуры, в силу которого все великое и значительное может быть сказано человеком или народом только по-своему. А все гениальное рождается как проявление национального опыта, духа и склада. Так, он писал: «Выработанные веками народные традиции, «адат» и обычное право – вот единственные факторы, которые господствовали и управляли свободными племенами Северного Кавказа, представляющими собою не правовое государство с властями во главе, а общинное товарищество, управлявшееся лишь обычным правом и выборными лучшими лицами их товарищества. Общинные и народные вопросы всегда решались собранием родовых и общинных представителей, избираемых всегда заново для каждого случая. При этом все члены таких совещаний пользовались одинаковым правом голоса и на решение вопроса имели преобладающее влияние лишь их опытность, мудрость и красноречие, а не родовитость и происхождение. Одним словом, никогда и нигде среди туземцев Северного Кавказа не было произвола над массой».⁸⁰

В целом К.Л. Хетагуров полно выразил национальную «самость» осетин, обращаясь к глубинам духа своего народа,

к тем глубинам, которые заложили века всенародного труда и страданий. И только так удалось ему внести свою лепту в становление осетинской философии права и отразить в своем художественном творчестве важные для его эпохи философско-правовые идеи и взгляды.

6.4. Политическая философия

В обществе на определенном этапе его развития возникали политические партии и их политические идеи и теории. В Осетии в XIX – начале XX века появляются различные партии, союзы, группы.

Политика, как полагали еще просветители, – это специфическая сфера деятельности или искусство управления государством. Она предусматривает участие групп, партий, общества в делах государства, в определении направленности его функционирования, форм, задач и содержания его деятельности. Она так или иначе должна соответствовать высшим критериям направленности, принятой в данном обществе. В структуре политической деятельности в самом общем виде просветители просматривали три основных момента. Во-первых, умение ставить ближайшие (тактические) и перспективные (стратегические) реальные цели и решать задачи, учитывая соотношение социальных сил, все возможности общества на конкретном этапе его развития. Во-вторых, выработка эффективных методов, средств, форм организации социальных сил для достижения поставленных целей. Наконец, в-третьих, соответствующий подбор и расстановка кадров, способных решать поставленные перед ними задачи.

Задача всякой государственной власти, полагали осетинские просветители, заключается в том, чтобы на путях убеждения и стратегической целеустремленности обеспечить воспитание в народе законопослушания. Власть, подчиняясь принципам правопорядка, должна уметь усматривать стра-

тегические политические и социально-экономические цели и компетентно творить право и порядок, связуя себя с правосознанием народа, с возвышением мотивации деловитости и духовности своего народа. «Высшее искусство управления состоит в том, чтобы твердо знать, каковы должны быть пределы власти, которую следует применять при различных обстоятельствах». Выполнение этих принципов является благоприятным условием народного признания.

Власть, как воспринимали ее просветители, – это всегда организованная воля и сила субъектов, направленная на людей независимо от их установок относительно такого влияния. Сама идея власти носит многоплановый характер: она уходит своими корнями в природу межличностных отношений и сокровенные глубины человеческой природы, в самую суть характера человека вплоть до его психобиологического начала, не говоря уже об изначальных стадиях становления человеческого общества, когда господство и подчинение, власть одного человека над другими составляли неотъемлемое начало жизни древнейшего социума. Фундамент власти – насилие, понимаемое как подчинение одних воле других. Подчинение может зиждиться на грубой силе – это «уважение» к власти, добытое из-под палки. Уважение настоящее, без кавычек, достигается в том случае, если властная структура базируется на интеллектуальной мощи, помноженной на право и нравственность.

В принципе это и составило основу философии просветителей в области внутренней политики российского государства. Коста Хетагурова, например, возмущало то, с какой жестокостью царская администрация в крае пыталась управлять «беспокойными» горцами, якобы неприспособленными к цивилизованным формам поведения. В представлении поэта, правителям необходимо постепенно, с учетом реального состояния дел и менталитета горцев, вовлекать в юридическое пространство новой родины, – Российского государства, этих

самых «беспокойных» горцев, доведенных до отчаяния горьким житием-бытием.

Итак, дилемма власти и свободы, политики и морали, авторитарии и плюрализма ярко проявилась не только в феодальную эпоху, но и в буржуазную, когда народная мудрость, т. е. предфилософия, перерастала в философию. Особенно остро проявили себя проблемы нравственной свободы личности и всемогущего молота государства, самопожертвования ради идеи в буржуазную эпоху.

Трагический исход неравной борьбы личности за справедливость, страстное стремление к истине и презрение к суетным благам обыденного существования заставили прогрессивную интеллигенцию размышлять, философствовать о судьбах родины, народа, государства. И они испытали на себе, на своей судьбе определенное противоречие эпохи, т. е. свободы духа и проявление жесткой государственной системы. Данное противоречие остро переживала мыслящая часть общества. В частности, это отразилось в художественном, публицистическом эпистолярном творчестве осетинских просветителей в XIX – начале XX века.

Такова суть и особенности пути формирования политической философии осетин, которая четко участвовала в составлении сюжетов и фабул художественных произведений разных жанров осетинской литературы XIX – начала XX века.

6.5. Философия образования

Осетинская философия в силу своих внутренних особенностей и внешне-объективных социально-политических условий, в которых она развивалась на протяжении всей своей истории, находила множество различных форм своего выражения. Одной из таких форм явилась народная педагогика осетин. Просветители сыграли действительно выдающуюся роль в становлении осетинской философии образования, от-

ражая в своих работах актуальнейшие проблемы педагогики и философские идеи своей эпохи. То есть они осознавали глубинные и тесные связи философии и педагогики. В своем публицистическом творчестве они объединяли эти две сферы, заложив основы осетинской философии образования и воспитания или осетинской педагогической философии.

Начиная со второй половины XIX века, осетинская философия, развиваясь и набирая творческую силу, породила своеобразную философию образования и воспитания осетин с ее аксиологическими акцентами и гуманистическими идеалами свободы, равенства и братства. К примеру, Х. Цомаев видел необходимость союза философии христианства и педагогики. Он полагал, что необходимо восстановить утраченное единство человеческого духа и Бога. И именно это убеждение вело его к пересмотру всех бытийных, экзистенциальных проблем национального бытия осетин, конечно, в свете христианства. Этот опыт христианской концепции образования и воспитания объединил всю осетинскую духовную интеллигенцию. Так, скажем, Х. Цомаев, С. Гадиев и др. придерживались основных начал христианства в осетинской жизни и пытались распространить их и на педагогику, тем более что они сами были не только служителями культа, но и учительствовали, являлись выдающимися деятелями национальной культуры. Они полагали, что педагогическое творчество возможно только на почве религии, особенно в системе христианской антропологии. Были они уверены и в том, что педагогика должна помогать людям найти себя, преобразовать себя, т. е. воспитать свою душу в направлении добра и божественной справедливости. Конечно, они понимали, насколько огромна роль взаимодействия наследственности, социальных и духовных факторов в процессе совершенствования человека.

Когда в силу объективных социально-исторических причин идея религиозной природы педагогики не вписалась в систему новых философских идей, идей марксистско-ленинско-

го мировоззрения, они, будучи людьми честными, с обостренным чувством долга, гражданской ответственности, ощутили внутренний тупик, в конце концов покинули церковную службу и стали преподавателями. Они понимали, что в воспитании важны цели. В процессе воспитания следует опираться не только на земные цели жизни человека, но и ориентироваться на вечные, т. к. временное и вневременное, т. е. вечное, связаны друг с другом, как жизнь и смерть. Таковы установки христианской антропологии, основной принцип которой в том, что духовное начало в человеке никак не сводимо к природной эволюции, а объяснимо только из связи с Богом. И это духовное начало определяет индивидуальность человека, которую призвана воспитывать и образовывать педагогика: в этом ее назначение в обществе. Это, во-первых, полагали они. Во-вторых, важно сформировать в человеке образ Божий, который дает начало личности, являющееся центром человеческой природы и восходящее к сердцу человека, рождая эмпирическое сознание. Так рождается возможность свободы в человеке, возможность самоопределения изнутри. В-третьих, третьим аспектом христианской антропологии является учение о грехе и спасении. Сущность первородного греха в том, что произошло непростительное раздвоение в духовной сути человека: рядом с образом Бога закрадывается мрачная тень. Также раздваивается духовная жизнь, которая, с одной стороны, ищет и жаждет Бога, с другой – удаляется от него. И духовная жизнь ищет спасения, т. е. благодати, преобразования «темной стороны» духовности. В-четвертых, в христианской антропологии существует учение о Софии, с помощью которого образ Бога в человеке преобразуется в силу Света и Правды. То есть природа, мир раздваиваются на две части: темное и светлое, космос и хаос, закономерность и случайность, единство и распад.

Данные силы едины и противоположны в одно и то же время, и они присущи человеку. И только Церковь способна их преодолеть в человеке и открыть ему путь к спасению. Все

эти принципы христианской антропологии формируют основы православной педагогики, цель которой – освободить людей от власти греха, раскрыть образ Бога. При этом, конечно же, учитываются и такие аспекты воспитания, как моральная, эстетическая, физическая.

Однако важнейшим является воспитание основного, духовного начала в человеке, как показывает жизнь. Некоторые служители церкви исходили из того, что человек метафизически являет собой действие первородного греха. Цельность и целостность жизни проявляется в единстве тела, души и духа. И в земной жизни человек обязан, через освобождение от власти негативных душевных движений и через одухотворение всего своего естества, готовиться к торжеству вечной жизни. Это и есть суть воскресенья, – духовного и душевного, человека. И педагогика должна сыграть в этом процессе созидания человека большую роль.

Ставилась в целом задача использования потенциала христианского воспитания в педагогике. Но осетинская педагогика в своем развитии пошла иным путем. Поэтому, если в начале школы были церковно-приходские, открывали их силами «Общества по восстановлению христианства на Кавказе», то вскоре образование (и соответственно воспитание) приняло светский характер. И не случайно. В сознании осетинской интеллигенции все больше утверждалась мысль о связи педагогики с философией, особенно с философией ценностей. Постепенно укреплялось сознание того, что личность человека не развивается сама по себе, что в высших духовных и творческих возможностях личность связана с миром ценностей своего общества, этноса, семьи.

В осетинской педагогике присутствовал трансцендентализм, полагающий, что из природы невозможно вывести высшие принципы и ценности, которые приподнимают человека над природой. Это значит, что человек не полностью во власти природы и ее причинной обусловленности: в человеке есть

нечто сокровенное, что возвышает его над природой. Это – ценности. Но, уничтожая причинность, трансцендентализм, отрицал и религию, т. е. превращался в безрелигиозную философию или в форму позитивизма.

Конечно, в осетинской педагогике присутствовал и натурализм, который опирался на учет характера, уровень развития интеллекта, на различные функции сознания и т. д. То есть на все то, что характеризует личность как продукт исторической эволюции. Но тем не менее прогрессивный характер осетинской философии педагогики очевиден и исторически перспективен, как показала практика.

Психическое воспитание всегда использовалось как воспитание дара свободы, свободного и добровольного послушания авторитету, дисциплине. Оно призвано оберегать личность от раздвоения, формирует у нее характер, т. е. совокупность реальных сил и потенциалов для реализации творческого и социального проявления активности духа человека, его самообладания и жизнедеятельности.

Также очень важно то, что согласно осетинской философии образования и воспитания, процесс воспитания призван связывать свободу с добром, а не со злом. При этом воспитатель верит в реальную возможность просветления души человека, готовя его и к земной, и к «вечной» жизни. Безусловно, включается при этом в процесс воспитания проблема смерти и спасения. Народная педагогика осетин, да и вся общественная мысль, в XIX – начале XX века была социально ориентирована.

Идея общественной активности в служении прогрессивным идеалам общественного развития звучит еще в трудах просветителей. Идеал воспитания в XIX – начале XX века относится не к отдельной, т. е. изолированной, личности, а к социальному целому. И, значит, личность вне общества не могла достичь идеала. То есть проблема социального характера осетинской педагогики в буржуазную эпоху была очевидна. Словом, социальное воспитание – одна их важнейших со-

ставляющих осетинской педагогики в XIX – начале XX века. Суть социального воспитания при этом – приобщение человека к ценностям общества, формирование в нем чувства любви и гордости за свою Родину, чувства долга перед ним, а значит и ответственности за свое бытие, за свои действия и поступки. В процессе социального воспитания учитывались различные формы общения человека, его социально-психологические доминанты, эмоциональные отзывчивость и резонанс, фактор подражания. И, конечно же, «социальную наследственность», т. е. язык, религию, нравы и обычаи, произведения художественной культуры, науки, – т. е. всю совокупность духовного содержания, накопленного предшествующими поколениями.

Конечно, роль семьи в социальном воспитании также была очевидна и значительна, ведь в ней прежде всего происходит социализация ребенка, рождается его активность, самостоятельность, чувство сотрудничества и солидарности. Интеллектуальное воспитание как часть осетинской педагогики преследовало цель развитие инициативы ума, творческой силы, так необходимой в формировании целостного мировоззрения. Жизнь осетин, несмотря на всю их трагическую историю, проникнута была всегда высоким эстетическим началом, а поэтому и необходимой частью осетинской педагогики было эстетическое воспитание.

Физическое воспитание считалось также необходимым как воспитание жизни тела и духа. Тем более, что еще в традиционном обществе осетин и их предков в эпоху первобытности и феодализма ежегодно устраивались своеобразные испытания для проверки готовности юношей к вступлению во взрослую жизнь. Так, устраивались соревнования по бегу, скачкам, джигитовке, поднятию тяжестей и т. д.

Словом, в осетинской педагогике в XIX – начале XX века основные проблемы воспитания выстраивались вокруг понятия личности.

Дело в том, что, как считали осетинские просветители, извне приходящие факторы (знания, мысли, идеи, чувства, ощущения) превращаются во внутренние духовные силы, порождающие те или иные движения души и воли. То есть внешнее, объективное начало становится внутренне, субъективно необходимой сущностью личности. И это определило сущность формирующейся осетинской философии образования в XIX – начале XX века. Все эти идеи и направления, конечно же, активно участвовали в формировании художественной концепции человека в осетинской литературе, его сложных связей с социальной и национальной действительностью.

6.6. Концепция бытия как всеохватывающей реальности

Во всех философских системах рассуждения начинаются с того, что окружает человека, что находится в центре его созерцания и мысли, что лежит в основании мироздания, что есть вообще это мироздание, Космос, из чего состоят вещи и что представляют собой происходящее в своем бесконечном многообразии явления. Все это вопросы, которые зарождаются на начальном этапе формирования человеческого сознания. Затем уже гораздо позже появляются мысли о том, что есть сам человек, его духовный мир.

В философствовании любого уровня (в мифологии, нартовском эпосе, в народной мудрости, в философии) возникает вопрос о том, что есть бытие; и не случайно: это вопрос вечный и глубина его постижения на различных этапах развития человеческого сознания неисчерпаема.

1. Бытие вообще – предельно общее понятие о существовании, о сущем вообще. В основном бытие и реальность – понятия-синонимы. Они включают в себя все возможные и обозримые для человеческого сознания предметы и явления: и материальные вещи, и все процессы (физические, геологи-

ческие, биологические, социальные, психологические, духовные) и их свойства, связи и отношения.

2. Фантазия, мифы и т. д. существуют как часть бытия, ведь антитезой бытия является ничто. Диалектика бытия такова, что бытие и ничто постоянно переходят друг в друга, т. к. бытие не статично. Все материальное «выплывает» из небытия и становится наличным бытием. И это заметили еще древние люди.

3. Бытие вещей, сколько бы не продолжалось, приходит к концу и уходит в небытие как конкретная качественная определенность. Переход этот мыслится как разрушение данного вида бытия и превращение в иную форму бытия. То есть возникающая форма бытия есть результат перехода одной формы бытия в иную.

4. Словом, еще сознание древнего человека постигло истину о том, что небытие – весьма относительное понятие; что в абсолютном смысле небытия нет. Стало ясно, что абсолютное бытие противостоит небытию, т. е. тому, что было и чего уже нет или еще не стало, а может никогда и не будет.

5. Все конкретное сущее преисполнено жаждой бытия (это можно ощутить, анализируя бытие героев нартовского эпоса).

6. Бытие – всеобъемлющая и первичная категория, которая проявляется в глубинных формообразующих частях слова. Так, суффикс «дзинад» («сть» – в русском языке) в осетинском свойствен абстрактным и общим понятиям, несет смысл существования, бытийности. Благодаря ему происходит постижение категории бытия, которая раскрывается в разные времена и с разных сторон и с разной степенью полноты.

7. Историческое осознание категории бытия – очевидно по тому же нартовскому эпосу, по фольклорному типу художественного сознания осетин и их предков.

Конечно, первое осознание бытия произошло в античности философом Парменидом. Он среди мыслей, которые вообще суть субъективное порождение человеческого, выделил

одну, – ту, что выходит за пределы субъективного, не мысль о чем-то, а мысль как таковую, не существование чего-то, а просто существование. Исходя из этого, философы-элеаты полагали, что абстракция чистого бытия есть действительность больше, чем действительное, чем бытие определенное, ибо это представляет собой верховное единство, стоящее над много-различием.

Платон же считал, что истинное бытие есть царство чистых мыслей и красоты; что его можно постичь, в отличие от мира чувственных вещей, которые часто есть просто иллюзия. По Аристотелю, бытие – живая субстанция, имеющая следующие характеристики:

1) каждая вещь – это самостоятельный факт, на который мы обращаем свое внимание (так проявляется принцип материальности, фактической данности вещи);

2) каждый объект имеет структуру, части которой соотносятся друг с другом (отсюда аристотелевская концепция активной формы);

3) каждая вещь указывает на свое происхождение (так реализуется принцип причинности);

4) каждая вещь имеет свое предназначение (т. е. принцип цели). Субстанция как предельное основание всего сущего не является таковой, если хоть один из этих компонентов бытия отсутствует.

8. Но в античной философии наблюдается нерасчлененность бытия и мышления во всех аспектах: гносеологическом, онтологическом и этическом. Примерно то же мы наблюдаем по материалам осетинской мифологии и нартскому эпосу.

9. На последующих этапах развития осетинского этноса обогащаются основы мыслей для познания сущего, происходит обоснование **истины, добра, красоты, свободы**, – именно через понятие **бытия**, – творческой активности бытия, диалектики бытия и ничто и т. д. Особенно это заметно уже в эпоху народной мудрости и в ее структурах.

10. А когда происходит процесс христианизации алано-осетинского народа, то философское сознание обогащается идеями богопознания и христианской культуры.

11. Так, в целом происходит обогащение мыслительной деятельности алан-осетин. Предфилософские воззрения, в частности, на бытие, во-первых, порождались развивающимся человеческим сознанием, во-вторых, обогащением представлений осетинского этноса об окружающем мире, о чем свидетельствует мифологическая картина мира осетин.

В осетинской традиции философствования, которую можно проследить уже по мифологии и нартскому эпосу, понятия **бытия** вырастает, формируется и развивается, обогащаясь, из внутреннего, духовного и жизненного опыта человека и общества.

Как полагал Гегель, чистое **бытие** связано с **началом**, которое в свою очередь связано с **возможностью**, а она может стать **действительностью**. То есть сама возможность есть уже нечто, пусть даже еще не ставшее, но существующее в потенции. Так в зародыше, в потенции объединены и бытие и небытие. Это двуликое тождество: **ничто** и **нечто** представляют собой единство противоположностей; единство, в котором ощущается «беспокойство», внутренняя напряженность. «Бытие и небытие суть столь же одно и то же, сколь и не одно и то же».⁸¹ Внутри этого единства идет скрытая работа, ведущая к становлению, т. е. к переходу **ничто** в **нечто**.

В диалектике Гегеля тождество бытия и мышления происходит все стадии триады: сначала неопределенное и абстрактное бытие, которое не имеет определений, неразлично с мышлением. Далее проходят шаги конкретизации, и бытие, и мышление уже могут различаться, совпадая не полностью. Затем при завершении системы могут слиться. **Это значит бытие есть процесс, или история, вечное движение.**

Безусловно, гегелевская концепция бытия может предстать своеобразным методологическим ключом при анализе мифо-

логического сознания осетин и в понимании бытия как фундаментальной категории в философии нартского эпоса. Так же, как и в народной мудрости, да и в собственно осетинской философии вообще. Важно отметить, что концепция бытия в ней предстает как всеохватывающая реальность. Созвучной оказалась и концепция бытия просветителей, писателей и поэтов в XIX – начале XX века, что существенно отразилось в их творчестве и художественно-эстетических взглядах.

6.7. Духовная жизнь осетинского общества в XIX – начале XX в. Общественное сознание: уровни, относительная самостоятельность и роль его в национальной жизни

Духовную жизнь, как правило, образуют отдельные факты: философские мотивы и идеи.

Идеи рождаются в головах отдельных людей, начинают жить в общественном сознании. Но не случайные идеи, а те, что дают ответ на конкретные запросы общества, эпохи. Потому и сыграли огромную роль в духовно-нравственном развитии своего народа осетинские просветители, чьи идеи, которые они выразили в своем художественном, публицистическом и даже эпистолярном творчестве, были необычайно актуальны и отвечали на животрепещущие вопросы, поставленные конкретной эпохой и рожденные всей совокупностью этнического бытия осетин. Они по новому, – с любовью, но критически, взглянули на социально-духовную сущность экзистенциального бытия своего родного народа. И попытались глубоко и основательно, всесторонне осмыслить как общественное бытие, так и общественное сознание осетин.

В результате всестороннего анализа особенностей этнического бытия осетин, сложившихся в процессе исторического развития, просветители сформировали свои научно обоснованные представления как об общественном бытии, так и об

общественном сознании осетин. Общественное сознание – это системные, совокупные воззрения людей на явления природы или социальной жизни, выраженные в языке, в духовной культуре, в тех или иных социальных нормах и взглядах общества или народа. Просветители прекрасного понимали, что именно они составляют суть духовной культуры общества и этноса – народа – нации.

Общественное сознание включает в себя идеи о жизни общества, идеи общества о мире в целом и о себе. Конечно, оно имеет сложную структуру, различные уровни (житейский, обыденный, социальная психология и т. д.). В структуру общественного сознания входят такие его формы, как политическое, правовое, нравственное, религиозное, эстетическое, научное, философское. Они различаются между собой своим предметом и формой отражения, социальными функциями, особенностями закономерностей развития и степенью своей зависимости от специфики общественного бытия своего субъекта.

Общественное сознание возникло одновременно с общественным бытием и в органическом единстве с ним. И это закономерно, ведь общество – это субъектно-объектная реальность, а общественное бытие и общественное сознание постоянно «беременны» друг другом: они составляют содержание друг друга. Осетинские просветители вплотную подошли к пониманию того, что суть сознания в том, чтобы осмысливать общественное бытие и в то же самое время активно-творчески преобразовать его. XIX век в истории осетин оказался значительной вехой в развитии их общественного сознания, подготовившей народ к идее о необходимости коренной ломки старых основ жизни и к фундаментальному преобразованию жизни. Именно в конце XIX века в Осетии сложилась определенная социально-историческая ситуация, которая обусловила проникновения радикальных, в т. ч. и марксистских идей во все сферы сознания осетинского общества; идеи, способные

овладеть широкими массами населения. И они овладели ими, в результате чего и произошли драматические и трагические события последующего XX века.

Конечно, произошло это не в одночасье: процесс революционирующего сознания шел долго и мучительно, т. к. в осетинской действительности он порождал и деформацию этнического сознания и самосознания народа, нарушая цельность его духовно-нравственного мира и ментальности.

И тем не менее процесс ломки национального сознания, а потом и устоев национального бытия шел.

Существует функция «опережающего отражения» сознания, которая характеризует его способность или тенденцию устремления в будущее. Ведь будущее всегда представляется как некий социальный идеал. У осетинских просветителей, а потом и у революционеров в начале XX века, вдохновленных примером и руководствующихся опытом русских марксистов, были, конечно, социальные идеалы, во имя которых они боролись насмерть. Однако как удалось русским и осетинским марксистам, вооруженным теорией и философией марксизма-ленинизма, сломать мощный государственный аппарат и изменить государственный строй? А дело в том, что наступало несоответствие между темпами развития ищущего духа и реальной действительности, скажем, в сфере экономики. Одно перестает соответствовать другому.

Реальная действительность всегда воплощает в себе стремление к реализации некогда актуальных идеалов, а с зарождением новых она превращается в застывший, уже воплощенный дух. То есть дух как бы опережает действительность и уже на определенном этапе развития не приемлет ее, устремляется дальше в будущее. А реальная действительность продолжает по инерции, слепо отстаивать свое право на существование. Особенно четко это проявляется в сфере социально-политических идей, которые обычно опережают реальное состояние общества и стремятся преобразовать его, что и случилось в на-

чале XX века в России и в Осетии. И это доказывает, что система обобщенных представлений, идей, теорий, чувств, нравов, традиций, – т. е. всего того, что составляет содержание общественного сознания, образуя его духовную реальность, – есть так же не что иное, как составная часть общественного бытия. Мир же надличностного духа составляет то, что можно воспринимать, осмыслять, оценивать и критиковать, конечно же, с помощью языка. Именно с помощью языка индивидуальное сознание получает надличностную форму бытия. Собственно это – порождение духа, возможность различать истину и заблуждение. Осетинская интеллигенция в конце XIX – начале XX века прекрасно это осознавала, поэтому так усердно и заинтересованно изучала не только историю, этнографию, фольклор, т. е. разные аспекты этнического бытия осетин, но и язык. И, конечно, огромную, неоценимую помощь в этом деле оказали ей русские ученые: А. Шегрен, В. Ф. Миллер др.

И именно, руководствуясь глубоким пониманием философских основ развития общества вообще и своего национального осетинского, в частности, осетинская интеллигенция блестяще выполнила свою научную, историческую миссию: заложила научные основы осетиноведения как части мировой научной мысли.

Отмечая нерасторжимое единство общественного бытия и общественного сознания, мы должны иметь в виду и их отличия, относительную самостоятельность. Кроме того, в сфере взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания следует также отметить, что на ранних этапах развития общества общественное сознание было теснее связано с общественным бытием, чем на более поздних этапах исторического развития, когда появилось государство, усложнились политические, правовые, нравственные, религиозные и, конечно же, особенно экономические отношения.

Итак, сознание как отражение и как активно-творческая деятельность представляет собой единство двух нераздель-

ных сторон одного и того же процесса; в своем влиянии на бытие оно может как оценивать его, вскрывать его потаенный смысл, прогнозировать, так и преобразовывать его через практическую деятельность людей. Поэтому общественное сознание эпохи может не только отражать бытие, но активно способствовать его перестройке. Что и было сделано в XIX веке, когда осетинское бытие активно перестраивалось как результат присоединения Осетии к России, а вслед за ним и общественное сознание. Это же случилось и в начале XX века, когда одурманенное марксистской идеологией и философией общество перестраивалось. В этом и заключается та исторически сложившаяся функция общественного сознания, которая делает его объективно необходимым и реально существующим элементом любого общественного устройства. Продукты мира духа кодируются в системе знаков, символов, в языке, в котором реализовался труд, и, разумеется, непременно в мозгу людей. Вне думающего и чувствующего мозга – все это бездуховно.

Размышляя о соотношении индивидуального и общественного сознания, надо иметь в виду, что не каждое индивидуальное сознание, представленное в объективной форме, обогащает общественное сознание. Все зависит, конечно же, от глубины и социальной значимости духовной деятельности той или иной личности, от соответствия потребностям духа времени творческого потенциала данной личности. Скажем, сознание, мысли такой великой исторической личности, как К. Хетагуров, участвующей в созидании духовной жизни не только своей, но и последующих эпох осетинской истории. И не случайно. Обычно рождается та или иная идея и живет в общественном сознании долгое время. Дело в том, что эта идея дает ответ на определенные запросы мыслящих людей, и потому на нее находится общественный спрос. Коста, как никто другой, чувствовал душу своего народа, его сокровенные мысли и чаяния и удивительно четко и ярко их выразил. И по-

этому так актуально и призывно звучал его мощный голос в народном сознании.

В целом, конечно же, общественное сознание проявляет свою актуальную сущность и реализуется в системе человек – деятельность – общение – общество – история – язык – культура. Система эта развивается, осуществляя процесс постоянного приобщения новых личностей и поколений к сокровищам национальной истории, как можно проследить по истории осетинской художественной культуры.

И если индивидуальное сознание связано с особенностями мозга отдельного человека, то общественное сознание – с исторически сложившейся системой материальных форм его фиксации, т. е. со знаками, символами, письменностью, художественными произведениями и т. д. Человек конечен и ограничен, а сознание его живет и умирает вместе с ним. Бессмертным отдельный человек становится только через свой индивидуальный вклад в общественное сознание. Философское сознание осетин еще в эпоху народной мудрости постигло эту чрезвычайную истину. Возможно, поэтому каждый осетин стремился жить так, чтобы о нем сложили в народе песню славы и добивался подвигов, прославляя родину, свой народ и себя, пытаясь остаться вечно в памяти народной, т. е. обесмертить себя.

Общественное сознание всегда оказывает мощное влияние на каждого человека, включенного в контекст социального бытия. Поэтому обычно люди, живущие в одних и тех же условиях, проявляют единство взглядов, предрассудков, ценностных ориентаций, интересов. Процесс этот наглядно можно проследить на примере осетинского общества в XIX, XX веках. Тем не менее каждый человек обладает неповторимыми чертами своего личного сознания, ведь на него оказывают свое влияние семья, круг знакомых, школа и т. д. Кроме того, у каждого человека – свои природные особенности, наследственность и свой реальный жизненный опыт.

Личное сознание отражает духовный мир отдельного человека, а общественное – духовную жизнь общества. И в этом смысле общественное сознание – это идеальная сторона исторического развития этноса – народа – нации. Когда говорят, что каждый человек – дитя своей эпохи и своего народа, имеют в виду, что общественное сознание, т. е. исторически выработанные обществом нормы, духовно питают его, становятся объектом его убеждений, нравственного кодекса, эстетических чувств и преставлений. И личные идеи, убеждения становятся общественной ценностью; входят в общее сознание, в нравы, в право, в нормы поведения.

Выделяются **обыденно-практический** и **теоретический уровни общественного сознания**.

Обыденно-практический уровень отражает жизненно-практическое, несистематизированное, несколько стихийное, но тем не менее целостное жизнепонимание. А теоретический уровень содержит в себе творчески переработанные, рационально систематизированные в науке, искусстве, в философии (в социально-политических, этических и иных теориях) идеи. Причем данная дифференциация уровней присутствует во всех формах общественного сознания. Роль обыденно-практического уровня общественного сознания весьма значительна в любую историческую эпоху, ведь люди живут всегда в стихии обыденной жизни, руководствуясь житейскими понятиями и представлениями, прежде всего опираются на логику здравого смысла и опыт народной мудрости. В отличие от теоретического уровня, обыденно-практический отличается полнотой и цельностью жизнеощущения; то есть синтетической цельностью и целостностью. И он ближе к непосредственной действительности, к жизни. Словом, это первичная и важнейшая форма понимания, восприятия социального и природного мира. Причем уже в XIX, тем более XX, XXI веках обыденно-практическое сознание осетинского общества уже не было наивным отражением мира, что обусловлено по-

явлением науки, вместе с которой появился и теоретический уровень общественного сознания. Четко обозначились и выделились такие уровни общественного сознания осетин, как социальная психология и идеология, подвергающиеся тщательному художественному анализу в осетинской литературе.

Общество – это едино-цельная система, важнейшими компонентами которой являются люди, формы их совместной деятельности (труд, продукты, формы собственности и постоянная борьба за нее, политика и государство, совокупность различных его институтов, сфера духа). Это – самоорганизующаяся система поведения и взаимоотношений людей друг с другом, с миром и с природой. Люди, благодаря социальному характеру их родовой природы, способны жить только в обществе, как бы они к нему не относились: судьбы иной у них просто нет. Объединяются люди в конкретное общество не по своей воле: естественный фактор рождения каждого включает их в общественную жизнь. Общество создает все материальные и духовные ценности, технику, учреждения, язык, науку, философию, искусство, мораль, право, политику и т. д.

Общество – это внутри расчлененная целостная система, которая, раз возникнув, исторически развивается, проходит последовательно все стадии трансформаций и преобразований, проявляя общие закономерности свои как системы. То есть общество – это единый социальный организм.

Сознание же – одна из форм проявления нашей души, которая гораздо шире, чем просто сознание: она включает и чувства помимо сознания. Сознание – это высшая и связанная с речью функция мозга, которая заключается в отражении действительности, в мысленном построении действий и их результатов, в регулировании и самоконтроле поведения человека.

Соотношение между обыденным и теоретическим уровнями сознания соответственно перерастает в соотношение между общественной психологией и идеологией. Ведь обще-

ственная психология аналогична обыденному уровню сознания, аккумулировавшему различные научные и ненаучные взгляды и оценки, эстетические идеи и вкусы, нравы и традиции, склонности, интересы, фантастические образы и логику здравого смысла. А идеология соответствует теоретическому уровню только частично. Она отражает, с позиции определенного слоя или класса, партии, и оценивает социальную действительность. Идеология зародилась вместе с государством, где были политические партии, силы, интересы которых она и отражала. То есть в идеологии аккумулируется социальный опыт общественных групп или классов, формулируются их общественно-политические задачи и цели, выстраивается система идеалов. Словом, это теоретическая форма сознания, отражающая действительность не целостно-непосредственно, как это делает социальная психология, а опосредственно, вырабатывая соответствующий категориальный арсенал, характеризующийся абстрактностью, что также отделяет идеологию от реальной действительности, в т. ч. и в художественном мышлении осетинских писателей и поэтов.

6.8. Политическое сознание

Политическое сознание появилось в результате потребности общества осмыслить такие новые явления, как государство и государственная власть. То есть политическое сознание как форма сознания или политическая идеология – это система идей, выражающая коренные интересы класса, нации или государства. Оно пронизывает все формы общественного сознания, проникает во все сферы бытия. Оно порождает узкий круг деятельности политиков. То есть во всех обществах, за исключением первобытного, жизнь была пропитана политическими интересами и борьбой, которая отражала социальные противоречия в обществе. Политическое сознание отражает социально-экономическую основу жизни общества

больше, чем другие формы общественного сознания. Конечно, политическое сознание общества неоднородно, ведь оно отражает отношение субъектов к государству и правительству, отражает взаимоотношения между различными силами в обществе. Политическая оценка явлений действительности зависит от социального положения субъекта. И в обществе постоянно происходит борьба за свои интересы между различными социальными группами. Центральная проблема политического сознания – устройство государственной власти. Политические интересы объективны и затрагивают интересы всех и каждого.

Жизнь всех обществ в истории осетинского народа, за исключением первобытного, пронизана политическими интересами, обусловленными острыми социальными противоречиями. Политические интересы объединяют массы в общественно активные группы и партии, порождают социальные столкновения и конфликты. И в этой борьбе активно используются наука, религия, философия, – они вовлекаются как объекты в сферу идеологических дискуссий. Служат ли технические изобретения делу мира или войны – это вопрос политический. На какие цели и поступки вдохновляют те или иные творения искусства, какие чувства они пробуждают – это тоже политический вопрос. Формирует ли философия научное мировоззрение народа, ориентирует ли она на светлые идеалы и разумное, справедливое устройство общества или нет – это так же вопрос политический.

Философия политична по самому своему существу, своей исторической миссии: философия выполняет определенную социально-политическую функцию. Мы прежде всего имеем в виду социальную философию, которая не только отражает и оценивает общественно-политическую реальность, но и как-то моделирует социально-должное.

Все это важно помнить, осмысляя общественное бытие и общественное сознание осетин, особенно во второй полови-

не XIX – начале XX века. Кроме того, следует четко представлять, что не только общественное бытие, но и общественное сознание как составная часть духовной жизни общества, и в частности, политическое сознание как его часть участвовала в формировании осетинской философии как науки и, конечно же, существенно повлияла на характер и направленность осетинской литературы.

6.9. Правосознание

Правосознание – это представления и понятия, выражающие отношение людей к действующему праву, знание меры в поведении людей с точки зрения прав и обязанностей, законности и противозаконности; это правовые теории, правовая идеология. Право влияет на становление правосознания, которое реализуется в праве и правосудии. Правосознание – это умение уважать право и закон, исполнять свои гражданские обязанности, жить, не совершая преступлений. Основу его составляют чувство собственного достоинства, совесть, уважение и доверие к другим людям, к власти. Оно занимает среднее положение между политическим и нравственным сознанием. В обиходной жизни мы забываем об ограничении правил и норм поведения, но они все же остаются для нас незыблемыми. На стадии правосознания они высвечиваются и выступают уже как осознанные регулятивы.

Правосознание во многом ориентируется на рационально-нравственные оценки. Между нравственностью и правом существует теснейшая связь: право в самом себе имеет и нравственный смысл. Как нравственное, так и правовое сознание – это различные грани единой-цельной духовной жизни человека и общества. Будучи связанными, нравственность и право – это вместе с тем сущностно различные формы личного и общественного сознания. Различие между ними состоит, в частности, в неограниченности чисто нравственных состоя-

ний и норм и ограниченности правовых требований. Можно определить право как «минимум нравственности», который юридически закреплён в соответствующих законах. Право требует от своих граждан главным образом объективной реализации этого «минимума добра» или реального устранения «известной доли зла», и в этой реализации право с неизбежностью допускает принуждение. Истоки нравственного начала – в совести человека, в его доброй воле. Иначе говоря, право есть принудительное требование реализации определенного минимума добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла.

Осетины с древнейших времен имели свое правосознание, суть которого – в утверждении добра и справедливости. Если кто-то нарушал своим необдуманным поступком общественные нормы поведения, закреплённые строгим кодексом **Агъдауа**, регламентирующего все аспекты этнического бытия осетин, его наказывали весьма строго. Так, его могли, в зависимости от тяжести проступка, наказать следующим образом: сложить о нем песню позора, объявить ему **хъоды**, т. е. изгнать его из общества, и он был в таком случае обречен на смерть, ведь в тяжелой борьбе с природой человек один выжить не мог. Все это замечательно отразилось в творчестве Сека Гадиева.

В целом же правосознание осетин как часть их общественного сознания, являющегося сердцевинной духовной жизни осетинского народа в сложном XIX – начале XX века, также участвовало в становлении осетинской философии как науки.

Таковы вкратце суть и особенности некоторых сфер духовной жизни осетин в XIX – начале XX века, отразившие своеобразие осетинской философии и существенно повлиявшие на становление аналитического характера осетинской литературы критического реализма.

Глава 7.
ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КРИТИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Итак, в модернизирующейся в XIX веке осетинской действительности в результате вхождения Осетии в состав Российской империи и последующих за этим событий (становление буржуазных отношений, зарождение просветительства и т. д.) происходили резкие изменения в общественном бытии и общественном сознании осетин. Весьма важным фактором социально-исторического развития осетинского народа явилось становление профессиональной художественной культуры, в т. ч. и литературы, научной мысли, философии. Последняя мощным своим влиянием преобразовывала реальную жизнь народа, в целом общественное сознание и все его сферы, в частности: искусство, литературу, науку, политическую сферу, правосознание и т. д.

Рассмотрим конкретно, как философия воздействовала на только формирующуюся осетинскую литературу, каким образом влияла на сущность, содержание, структуру литературного процесса.

1. Философия, прежде всего, формировала мировоззрение субъектов творчества, т. е. писателей и поэтов. Способствовала становлению нового типа творца, выстраивала его мировоззрение. А каково было это мировоззрение? Чтобы ответить на данный вопрос, достаточно учесть, во-первых, сущность и специфику осетинской философии, о чем мы писали в предыдущих главах предлагаемой монографии, и, во-вторых, вспомнить, что первые осетинские писатели и поэты почти все были и первыми просветителями, чьи взгляды мы также исследовали в специальной главе данной работы.

2. Философия насытила содержательно формирующуюся литературу своей актуальной проблематикой, ориентируя ее

направление на решение важнейших общественно-политических задач буржуазной эпохи.

3. В частности, своей проблематикой она оказывала влияние на становление жанровой структуры литературы.

4. А на содержательную сущность литературы философия влияла через формирование художественно-эстетической концепции национального и социального мира и человека. Ведь всегда, в любую историческую эпоху объектом художественного познания литературы, в частности, и искусства в целом, является человек в контексте его сложных, порой противоречивых связей с окружающей его действительностью.

5. Эстетика и этика, как философские науки, также оказали огромное влияние на становление осетинской литературы. Ведь литература, ориентируясь на философскую антропологию и формируя свою концепцию мира и человека, обязательно использует как этическую, так и эстетическую структуру образа человека, образа среды, образа эпохи. Иначе невозможно создание полноценного художественного характера, призванного отразить специфику социальной и национальной действительности в литературе.

Итак, первыми осетинскими писателями и поэтами стали осетинские просветители.

Весьма ценным и интересным является художественное творчество первого осетинского просветителя И. Ялгузидзе. В частности, в его поэме «Алгузиани» нашли отражение духовные искания передовых осетин во второй половине XVIII столетия, особенности этно-национального самосознания осетин. Своим идейным пафосом поэма предопределяла историю осетинской литературы. Сюжет произведения прост. Царевич Алгуз решил взять в жены дочь чеченского царя красавицу Эстерь. Отец Алгуза против этого брака. Ведь Эстерь – дочь неверного. Тогда Алгуз похитил Эстерь и занял страну черкесов и их престол. Чеченский царь Каиран договорился с

калмыками-нонами и вышел разгромить Алгуза. Алгуз побеждает нонского и чеченского царей и их царства присоединяет к своему государству.

Главный герой Алгуз представлен как благородный человек, человек чести и великодушия. Так, Алгуз защищает опального военачальника Амосарского княжества Аслана Гамрекели, и этим настраивает против себя амосарского царя, между ними вспыхивает вражда и царь гибнет от руки Алгуза, который присоединяет его владения к своему царству. Вскоре он становится отцом, у него рождается сын, но, прожив семь счастливых лет, Алгуз гибнет от руки убийцы, подосланного вероломным Гамрекели. С горя умирает и его любимая жена Эстерь. Их хоронят вместе, а на памятнике сохраняется надпись о могуществе героя – царя Амосарского, самодержца Миланкарского, повелителя осов, черкесов, чечен, кистов, Эльбруса и Кавказа.

Алгуз – храбрый воин; мужеством и отвагой он превосходит всех. В битве проявляет себя как лев. Он – благородный рыцарь, никогда первым не нападает, его моральное превосходство над другими героями очевидно. Он верен данному слову. Он не может простить предателей, людей, которые с легким сердцем отступают от данного слова и предают.

В поэме создан образ хитрого, вероломного человека Аслана Гамрекели, которого Алгуз приютил у себя, областал и одарил, сделал князем Горанды. В ответ Аслан дал клятву своему благодетелю в вечной преданности. И в конце поэмы убивает его. Насколько сильна любовь автора к Алгузу, настолько велика его ненависть к убийце как «змее и сатане».

Алгуз наделен всеми прекрасными человеческими чувствами. Он способен на возвышенную любовь к Эстерь, ради которой герои отрекся от своего отца и принял столько испытаний, участвовал в стольких битвах. Он способен также и на благородную дружбу. Как крепка была его дружба с Поном, смерть которого Алгуз оплакивает горькими слезами.

У героя сформировались определенные взгляды на жизнь, философские воззрения.

Алгуз явно проповедует «хорошее поведение, приличную благовоспитанность». Только человек, стремящийся к хорошему, доброму, увидит счастливые дни. Эти взгляды героя, его отношение к жизни дорисовывают моральный облик Алгуза.

Великую скорбь человеческой души по поводу гибели героя выражено в описаниях похоронных обрядов осетин и заплачек.

Алгуз погибает, как бы искупая свою «трагическую вину»: сыновнее непослушание и женитьба на неверной. Тем самым доказана справедливость божеской воли. Алгуз – благородный герой. Он воинской доблестью утверждает могущество осов. Он справедливым правлением завоевывает сердца даже своих противников. И здесь проглядывает идеал такого политического устройства, при котором происходит «возвеличение осетин». Словом, «национальную идею» автор поэмы видит в формах феодальной государственности, феодальных взаимоотношений, основанных на справедливости, как их понимал автор поэмы.

И не случайно. Такой идеал национального возрождения, или форма реализации «национальной идеи» единственно возможна для осетина, который сформировался в грузинских культурно-литературных традициях второй половины XVIII века, когда существовал идеал царя-героя, рыцаря, мудрого правителя и военачальника. Идеал этот восходил еще ко времени Шота Руставели и царицы Тамары. Как верно пишет Н. Джусойты, «идейный пафос, «национальная» идея поэмы в осетинской исторической действительности могла возникнуть только во второй половине XVIII века, а литературное оформление могло получить только в грузинской культурно-литературной сфере с ее идеалом справедливого царя, прорусской ориентации и превосходства христианства».⁸² Тем не менее в целом просветительская идеология явилась весьма прогрес-

сивной и продуктивной в смысле влияния как на общественную жизнь в целом, так и на сознание общества в частности. Она определяла все важнейшие аспекты национального бытия осетин в столь сложный и ответственный период истории народа, на новом его пути к цивилизации и прогрессу.

К просветителям приходит понимание важности и значимости материально-производственной сферы жизни общества, ее многогранности. Они осознают в полной мере всю структуру общественного производства, и особенно значимости двух важнейших ее частей: человеческого фактора и труда. При этом человек воспринимался ими как сознательный, могущественный субъект труда. Труд же ими осознавался и как природный процесс, в котором осуществляется диалектика материального и идеального, и как философско-социологическая категория, как комплексное социальное явление, определяющее законы развития общества, как творчество, т. е. созидание, прежде всего, человеческой личности, человека во всей многогранности его взаимоотношений с миром, с реальной национальной и социальной действительностью.

И, конечно же, просветители четко осознали диалектику необходимости и свободы общественного труда как необходимое условие прогресса, что отразилось в их творчестве, в частности, в жанре очерка. Понимали они также и то, что разные типы государства воспроизводят различные этапы в историческом процессе становления и развития человека как субъекта труда. Так, в первобытном обществе, где господствовал синкретический характер производства материальных и духовных ценностей, субъект труда переживал отношения личной зависимости и это соответствовало первому этапу в историческом процессе его развития, по мнению просветителей.

Они также понимали, что уже в классовом обществе субъект труда входит в отношения сословно-политической зависимости. В буржуазном же обществе, в условиях товарно-де-

нежных связей, субъект труда испытывал отношения личной независимости и внешней зависимости. И это был второй этап в историческом процессе становления и развития субъекта труда.

В буржуазном обществе частная собственность – экономическая основа свободы субъекта труда. И, конечно, просветители осознавали грани этой свободы. Частно-собственнические отношения порождали человека с определенными чертами, потребностями, связями, т. е. они рассматривали его как цельный итог исторического развития общества.

Много внимания просветители уделяли осмыслению сущности эксплуатации человека человеком, ее исторических форм.

В контексте становления субъекта труда просветители стремились понять концептуальные особенности взаимоотношений человека и природы, что мы отметили в главе, посвященной творчеству Коста Хетагурова. Природа и общество, человек, по мысли просветителей, органично связаны, и связь их реализуется, конечно же, в процессе труда.

С точки зрения диалектики материального и идеального в процессе труда просветители имели в виду не только производство важнейших для жизни человека средств и ценностей, но и историческое формирование, становление самого человека, развитие его сознания, гуманизацию его эмоционально-чувственной сферы.

Просветители расценивали труд как творчество, как создание материальных и духовных благ (науки, искусства, идеологии), составляющих в жизни общества существенную часть духовной культуры народа, нации, общества. Сам по себе, понимали они, процесс творческого труда весьма сложный и ответственный.

Как особые результаты труда рассматривали просветители и новые политические, организационные формы управления, что существенным образом влияет на общественную жизнь,

как в целом и производство материальных и духовных ценностей. Важнейшим же итогом процесса труда они считали, как мы уже подчеркивали, развитие человека, субъекта труда. И это закономерно.

Как отмечал К. Маркс, «...именно в переработке предметного мира человек впервые утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается его произведением и его действительностью».⁸³ То есть субъект труда (человек, класс, народ) играет огромную созидательно-творческую роль в становлении и развитии цивилизации, полагали осетинские просветители.

Почему была столь важна в их сознании и представлениях сфера материального производства, труд? По нашему мнению, здесь срабатывают следующие факторы логического порядка. Во-первых, они поняли, что реальный мир может быть соотнесен с миром идеальным, т. е. может быть приведен в соответствие с идеальным миром. Это давало им силы и уверенность в том, что можно этот реальный мир изменить по образу и подобию идеального мира, так же, как и свое собственное социальное бытие, – конечно, в соответствии с идеалом должного и его адекватного идеального познания. Во-вторых, в процессе труда рождается красота, которая объективно воплощает правильное понимание между бытием и долженствованием как результат творчески-преобразующей и оценочной деятельности сознания. А красота, по их убеждению, есть также воплощение абсолютного Добра, подлинной Истины. В-третьих, орудия труда человека – исторически первая веха нового свободного мира, создаваемого человеком, как и человека разумного тоже, человека нравственного. В-четвертых, в ходе труда рождается главный гуманистически и идеал – идеал добра, развиваемый человечеством, этносом бесконечно, в течение всей его истории, в процессе его социального и нравственного развития. В-пятых, в труде

и благодаря труду прогрессирует человек, совершенствуется его творческая сущность, обогащаются его представления о самом себе. А это дает ему возможности самосовершенствования. В труде же создаются его представления о мире, ценности, вся материальная и духовная культура человечества, этноса. И, конечно же, творится, рождается в муках новый мир, новое сознание, новый человек, новый век. В-шестых, в труде формируется свобода человека: от слепой необходимости бытия в природе, в обществе, а именно от господствующих в феодальном обществе принудительно стихийных отношений. В целом, думали они, по мере созидания нового общества (буржуазного) человек становится все более свободным, что более всего и соответствует его революционно-нравственно-преобразующей природе. То есть человек все более приближается к своей природе, гуманизируется и эмансипируется при этом.

Программу нравственного самосозидания человека, предложенную просветителями, составляют разные пункты. Во-первых, они выдвинули положение «твори из себя человека», так как просветители исходили из того, что человек не рождается готовым: он формируется всю свою сознательную жизнь. При этом ведет борьбу с животными инстинктами в себе. Человек, по их убеждению, прежде всего продукт социальных условий и обстоятельств своей жизни, воспитания и образования, которые и формируют его моральный облик. Обеспечивают победу разумно-нравственного начала в человеческой душе, свободно-необходимого над стихийным началом. Во-вторых, нравственное самосовершенствование человека, полагали они, есть стремление сформировать в себе четкое представление о том, что историческое предназначение его как существа социального – самосовершенствоваться и способствовать установлению добрых начал в человеческом обществе и жизни в целом. Итак, осетинские просветители сформировали свое четкое концептуальное представле-

ние о труде как не только об источнике материальных благ, необходимых человеку для выживания, для жизни.

Только труд, полагали они, общественно-полезный, производительный, делает человека человеком, субъектом социально-исторического процесса, частью великого, целого, – человечества. Только трудящийся человек освещает разумом и жизнь народа, и жизнь государства, оставляет след в жизни человечества, т. к. меняет к лучшему и человека, и жизнь в целом, обогащает ее гуманистический потенциал. Устремляет к добру направление исторического процесса. Именно труд творит новый мир и нового человека с учетом требований морального сознания общества. Трудящийся человек ведет ожесточенную борьбу со стихией зла, природной и социальной; в целом только он реализует социально-нравственную и творчески-преобразующую функцию человека в мире, в жизни, в обществе. И, конечно же, созидает собственную гуманистическую природу, сознательно-созидательную природу человека, полагали они.

Только благодаря труду человек в процессе своей много-тысячной истории эволюции получил свой прекрасный современный облик, научился мечтать, творить; приобрел способность сопереживать себе подобным. В процессе труда человек обрел способность общения с себе подобными, открыл такое важное средство общения, как речь, – единственно человеческое достояние.

Просветитель и писатель И. Кануков в этих обстоятельствах старался осмыслить глубоко законы истории. Он понимал, что объективные условия жизни определяют ход общественного развития, что исторические законы существуют независимо от человеческого сознания. В очерке «Горцы-переселенцы» И. Кануков писал: «Ряд исторических фактов... свершившихся почти на наших глазах, доказывает нам, что народ сохраняет дух воинственности, удалства до тех пор, пока обстоятельства окружающей его жизни тому благоприятствуют,

когда есть, так сказать, арена для поддержания и воспитания этих качеств... Влияние этого неизменного могущественного исторического закона мы видим и в наших горцах».⁸⁴ В связи с этим он подчеркивал роль труда в жизни человека. В частности, он осуждал феодалов-тунеядцев. «...Пора, пора оставить дурачиться и разъезжать по аулам бесцельно; пора приняться за работу, забыв, что черная работа стыдна алдару или узденю».⁸⁵

Несмотря на жестокие гонения, преследования, осетинские просветители активно включались в решение актуальных задач своего времени, посвятив свою жизнь благородной задаче облегчения участи народа.

Огромную роль в становлении литературы играл жанр очерка, которым мастерски владели просветители. Большой полнотой отражения жизни отличается от этнографического художественный очерк, сюжетную основу которого составляют типичные факты жизни отдельных людей, обобщающие вообще жизненные явления. Здесь эволюция жанра очерка не условно-формальная, а содержательная: в нем происходит не только наполнение событийного каркаса фактами биографического толка, а обобщаются значительные жизненные явления. Функция художественного характера здесь не только в том, чтобы быть организующим фабулу: он приобретает самоценное значение, ибо в нем обобщаются социальные явления и жизненные факты.

Весьма любопытен художественный очерк И. Канукова «В осетинском ауле» (1870). Герой очерка, неграмотный горец Хатахцко, начинает понимать, что «теперь времена другие настали, времена джигитства миновали...» и поэтому «пора расстаться с оружием и взяться за соху...». «В настоящее время на джигита, разъезжающегося на своей лошадке по аулам с оружием, – добавляет он, – я смотрю как на человека вредного, бездельника, который, шатаясь по домам, объедает других».⁸⁶ Он убежден, что только труд, самоотверженный труд, избавит

человека от нужды. Постепенно он постигает и другую мысль: о необходимости просвещения для горцев. Задумывается о прошлом и будущем народа: что его ждет завтра? А вместе с ним и каждого человека, ведь отдельное, частное не существует вне связи с общим, целым. Эта философская «струя», подспудно живущая в каждой «клеточке» повествования, заметно обогащает художественность в произведении, способствуя накоплению новых повествовательных традиций в молодой литературе, в частности, рождает стилевую многослойность.

Сам по себе процесс весьма любопытен: эволюционный переход одного качества в другое, – появление драматизма в художественной повествовательной структуре – служит скачком в жанровом развитии молодой прозы: очерк, накопив в себе большой жанровый потенциал, становится основой для более сложной эпической формы. Очерк как бы «отдает» рассказу приемы эпического изображения жизни, которыми он уже овладел, которые он уже накопил, – так конкретно в эволюции художественного сознания проявляется действие всеобщего философского закона отрицания отрицания. Но обогатив, рассказ приемами эпического письма, очерк в молодых литературах не прекращает своего творческого бытия: он постоянно находится в процессе становления, развития. Ведь в горских литературах нет «временных» жанров, жанров, так сказать, без будущего, и это один из ярчайших показателей их постоянного, настойчивого движения по пути качественного обогащения.

Зарождение и формирование каждого жанра в осетинской литературе идет объективно, в соответствии с потребностями общественного и духовного, нравственного развития горских народов. Конкретно формирование того или иного жанра происходит как становление нового типа художественного освоения мира в конкретных пространственно-временных координатах его бытия. Процесс этот объективный, соотносимый, в известной мере, с явлениями социальной жизни, в частно-

сти, со сменой на Кавказе одной общественно-экономической формации другой. Социальные революции, освободительное движение, проникновение марксистских идей в среду горской творческой интеллигенции заметно ускоряли процесс созревания нового типа художественного сознания, – литературы, обогащения его жанровой структуры. Ведь ускорился и процесс формирования личностного сознания и самосознания.

Появление тех или иных жанров на литературной карте Осетии обусловлено было еще и стремлением решить творческую задачу: рассказать правду, горькую неприглядную правду о подлинном Кавказе, показать истинный национальный характер.

Узловые проблемы, которые на определенном этапе развития общественного и художественного сознания образовали жанр романа: размышления о судьбах народа, нации, ее историческом духе, будущем и т. д., – вначале формировались в очерке, рассказе. И жанры эти создали общественно-психологический климат вокруг данных проблем, взбудоражили общественное сознание, активизировали в нем новые процессы и этим тоже готовили рождение романа.

Что конкретно вносил жанр очерка в развитие художественного сознания народа, чем существенным его обогатил? Во-первых, публицистичностью и документальностью. Публицистичность очерка проявилась неоднозначно и в разных формах. Скажем, «вторжением» автора в повествование. Автор в очерке присутствует прямыми рассуждениями и как действующее лицо, связанное с героями. Он как бы фиксирует достоверность, подлинность изображаемого. Изучая самый процесс события, ситуации, обобщая конкретные факты нелегкой жизни горца, писатель как бы приглашает и читателя присмотреться и задуматься над ними, увидеть внутреннюю, логическую связь между разными явлениями, уловить их социальный смысл. Глубоко эмоционально и публицистично звучит голос автора в очерке И. Канукова «В осетинском ауле»:

«Бедная Дойон! Сколько тяжких оскорблений перенесла ты от его (мужа – Р. Ф.) грубого обращения в продолжение своей замужней жизни?.. Бедная осетинка! Скоро ли ты избавишься от положения рабыни».⁸⁷

Так, следуя от частного к общему, писатель от конкретного факта идет к большим социальным обобщениям, связывает проблему женской эмансипации с проблемой более широкого звучания: социальной свободы личности вообще. Здесь публицистика не только дополняет художественные описания, но и органически входит в образную ткань, обогащая ее: в структуру образа входят и размышления – оценки автора.

Осетинский очерк появился в эпоху крушения старого мира, старого сознания, ломки общественных отношений, когда особо остро ощущалась потребность в документальной литературе. В эпоху крутых поворотов началась ожесточенная борьба в сфере социальных идей: надо было раскрыть смысл происходящего. Наступило время в горской действительности, когда идеи превращались в факт истории. Так, исторические обстоятельства, борьба политических сил вызвали к жизни очерковый жанр, проникнутый духом времени, отражающий своеобразие эпохи, впервые показавший крупным планом рядовых горцев. И это еще ярче, еще образнее показало драматизм происходящих событий, брожения в народном сознании.

Жанровая природа осетинского очерка с момента его зарождения проявилась в существенной тенденции обобщения количественных накоплений, отражающих новое социальное качество горского бытия. Поэтому значительную роль в жанровой определенности, системности очерка сыграла документальность, утверждающая принцип правдивости и достоверности. И не только. Она обобщала жизненный опыт горцев, их мысли, чувства, своеобразно соотнося конкретные факты, эпизоды, случаи, помогающие столкнуть, сравнить настоящее с прошлым, новое со старым, развернуть аналогию и т. д.

Интересна композиция осетинского очерка, заключающаяся в определенном расположении и связи частей, находящихся в причинно- следственной зависимости: между ними существуют логические зацепки. Один из методов построения такого очерка – ассоциативный, при котором движение материала, наблюдений автора, как и связь между частями художественного целого, определяется авторскими рассуждениями, его индивидуальным жизненным опытом, ассоциациями. Это позволяет более свободно обращаться с такими координатами социального бытия, как время и пространство, ведь суть ассоциаций составляют обобщения, раздумья, живые наблюдения, образные характеристики и т. д.

Сюжет и композиция очерка И. Канукова «В осетинском ауле» связаны с поездкой автора, т. е. художественное целое в нем организуется образом автора. Поэтому и рассказ в очерке ведется от первого лица. Форма же дневника позволяет писателю глубоко раскрыть внутренний мир героев. Сюжет очерка сложен: он состоит из разных, вполне самостоятельных картин, которые могли бы стать сюжетом рассказа, повести, романа. Отсюда «открытость» сюжета очерка, его содержательная насыщенность, динамизм. Вполне естественно, что образ Данаела, одного из обаятельнейших героев очерка, впоследствии был развит в рассказе «Две смерти» (1878). В очерке последовательно проводится мысль о том, что характер горца складывается не по его личному желанию, а в силу определенных, не зависящих от него обстоятельств.

Будучи основной формой раскрытия содержания, сюжет очерка в процессе своего развития проясняет взаимоотношения действующих лиц, их характеры, эволюцию их взглядов и поведения; в разных обстоятельствах жизни раскрывает социальные конфликты. В изображении жизни народа в очерке использован принцип художественной детализации: в нем тщательно выписаны сабли, улицы, одежда, портреты. В очерке даны красочные, эмоционально насыщенные диалоги.

Жанр очерка писатели используют для раскрытия своей философии истории: судьба народа, его бытие, настоящее и будущее, должны измениться кардинально, ведь он духовно, нравственно так богат. Решению этой же творческой задачи служит и путевой очерк И. Канукова «Горцы-переселенцы», написанный в форме воспоминаний взрослого о своем детстве, о трагических событиях в его семье и в жизни его народа: переселение части горцев в Турцию в 60-ых годах. В нем личное и общественное, общенародное тесно переплетаются, и автор даже не стремится их отделить, настолько они слились в его сознании, в его чувствах. Типичен и интересен образ горца, отца мальчика Дудара, который не выдержал жизни вне родины и вернулся. Он сдержан, мудр, трудится не покладая рук. Рисуя этот образ, автор философски углубленно осмысляет будущее родины, и, обращаясь к прошлым поколениям горцев, говорит: «Для ваших детей и внуков занимается заря новой жизни, жизни труда и мысли». Значительны философские размышления о судьбе человека, о связи времен и поколений. Очерки такого типа многое дали будущему историческому роману, подготовили его. Осетинский очерк развивался как форма познания человека в типическом и личном, в его связях с обществом и присущими ему социальными конфликтами. И тем самым он явился знаменательным этапом на пути к крупным жанрам: развивающаяся литература глубоко постигала определенные стороны народной жизни, национального характера, и это помогло ей освоить и раскрыть новые грани и тенденции в реальной действительности, в формировании образа мироздания в совершенствовании черт и своеобразия художественной интерпретации мира.

Таковы были особенности становления осетинской литературы в XIX в., с самого своего зарождения впитавшей в себя актуальную философскую проблематику. К тому же развитие национального самосознания и процесс гуманизации эпохи поставили конкретные философские вопросы: что состав-

ляет человеческое счастье, честь, достоинство? В известной мере ответ на этот вопрос зависит от диалектики общественного мироощущения: этическая и эстетическая концепция зарождающейся осетинской литературы тесно связана с реальной действительностью. С обогащением социальной практики в сознании горцев происходит переоценка ценностей, они начинают переосмысливать разные бытийные понятия, в том числе такие как кровная месть. Эта мысль одна из основных в очерке И. Канукова «В осетинском ауле». Мечь не извечное, национальное качество характера, а зло, обусловленное объективными условиями существования. Сама по себе эта мысль служит побудительным началом в движении сюжета: постепенно усиливается событийное развертывание действия, причем действие настолько динамичное, психологически напряженное, что в каждой «клеточке» сюжета, в каждом конкретном эпизоде неожиданно глубоко раскрываются важнейшие свойства характера. Эта особенность послужила специфическим условием перерастания очерка в рассказ «Две смерти» (1878), вернее, одной из сюжетных линий очерка, связанной с судьбой замечательного молодого человека, весельчака и любимца аульной молодежи Данела.

Такая эволюция не случайна. Писатель использует оригинальные принципы изображения характера: раскрытие его в причинно-следственных связях со внешними по отношению к нему событиями и обстоятельствами. Резко контрастируют в повествовании разные взгляды, жизненные позиции, социально-психологические особенности мировоззрения героев. Это дает большой качественный результат: рядом с эпическим повествованием, т. е. с описанием обстоятельств и событий, появляется драматизм, право «гражданства» получают человеческие чувства и эмоции, глубоко раскрывающие драматизм другого рода, драматизм народной жизни, судьбы народа. И это наталкивает на постановку иных философских проблем, связанных с общественным бытием и общественным сознани-

ем. Ведь с развитием социально-экономической жизни народа и усилением роли и значимости труда писатель связывает и вопросы морали. В зависимости от перемен в жизни, по его мнению, меняются нравы и обычаи людей.

При этом нужно иметь в виду, как отмечал известный ученый-экономист Б. А. Цуциев, «Национально-колониальный вопрос и отношение Осетии к России, аграрный вопрос, вопросы развития капитализма в Осетии и рабочий вопрос, докапиталистические отношения в экономике и общественной жизни Осетии и классовая борьба – таковы стержневые вопросы, вокруг которых развертывалась идеологическая борьба между различными слоями интеллигенции».⁸⁸

Конечно, формирование рыночных отношений в буржуазную эпоху определенным образом влияло и на национальный характер горца. Как отмечал А. Ардасенов, «Горец сделался каким-то подвижным, беспокойным существом... Теперь осетина можно видеть на всех перекрестках жизни: искателем работы, работником гостиниц, трактиров, в передней барина и на вокзалах железных дорог, в канцеляриях и в полиции, в ямщиках и в качестве мальчика в магазинах и т. д. Вся мечта его – заработать проклятую копейку».⁸⁹ Так, в центре внимания просветителей, писателей и поэтов оставалось осмысление духовно-нравственного, душевно-эмоционального состояния народа.

Большое внимание А. Гассиев, другой просветитель, уделил философскому вопросу о человеческом счастье. Он в корне не был согласен с теми философами, которые считали, что счастье возможно только в потустороннем мире. Для А. Гассиева человеческое счастье заключается в земной реальной жизни. И проявляется оно при удовлетворении материальных и духовных потребностей людей. А потому бедность горцев он считал большим несчастьем. «Что бедность... есть несчастье и делает людей, большинство их, несчастными, это доказывают сотни тысяч фактов, вся человеческая жизнь»,⁹⁰ – приходит

он к выводу. По мнению А. Гассиева, учение Л. Н. Толстого о счастье на основе пяти заповедей Христа приводит человека к «нравственному безразличию и апатии (1); к созданию семейного ада под покровом брачного союза (2); к легкомысленному отношению к долгу и обязательствам (3); к господству злых, угнетению слабых, отсутствию безопасности (4); к несправедливости в житейских отношениях между людьми (5). Таким образом, исполнение пяти заповедей в формулировке Толстого вовсе не дает мне и всем людям блаженства, скорее ведет к несчастью всех.⁹¹

А. Гассиев не согласен с мыслью Л. Толстого о том, что Христос проповедовал бедность и бродячую жизнь. По мнению осетинского философа, это неверное толкование христианского учения о бедности и богатстве, ведь оно не отрицает возможности богатства для бедных людей.

По мысли Л. Толстого, люди стремятся к идиллической жизни под открытым небом, к тому, чтобы иметь любимое дело, семью, иметь возможность свободно общаться и быть здоровыми. Это и есть разумная жизнь, христианское же учение заставляет людей руководствоваться разумом и предостерегает их от глупостей.

Да, рассуждает Гассиев, люди должны иметь свою семью, любимое дело, свободно общаться, быть здоровыми, но такая бездеятельная жизнь отбросит их к первобытному состоянию.

В отличие от Л. Толстого, он видит условия счастья в трудовой деятельности человека, который сознательно и ответственно посвятил себя делу, ставшему для него любимым. Стало быть, развитие промышленности, науки, экономики, вообще прогресс, – верная основа для счастливой человеческой жизни. Конечно, в рассуждениях Гассиева видна некоторая ограниченность его понимания классовой сути общества.

«В наше время, – писал А. Гассиев, – очень многие... приобретают миллионные состояния неустанным трудом, особенно промышленным. Разными изобретениями, техническими усо-

вершенствованиями, открытием способов производства нужных для жизни предметов, новых способов извлечения ценных вещей из недр земли и т. п. И если такие люди часть нажитых богатств отдают на помощь бедным, нуждающимся, на устройство больниц, убежищ и приютов для больных, престарелых и пр., то разве не справедливо сказать о них, что они – разбогатели для бога».⁹² В целом А. Гассиев собственность рассматривал как основу формирования экономического индивида, в целом и как основу отношений личной независимости и внешней зависимости. Отсюда им выводится экономическая основа свободы человека как субъекта труда. И он же, как в целом и критический реализм, определяет грани этой свободы.

И, конечно, частно-собственнические отношения и производство формируют человека с определенными свойствами, потребностями, жизненными устремлениями, интересами, – т. е. во всем богатстве его социальных связей как целостного, универсального индивида – итога развития буржуазного общества.

А. Гассиев отвергал мнение Л. Толстого о том, что бедные умирают более счастливыми. Ведь умирающий бедняк, отмечал Гассиев, с горечью покидает мир, думая о том, что оставляет голодающую семью, тогда как богатого эта мысль не беспокоит. Он писал: «Философ наш не видит или не хочет видеть резко выступающие факты мировой жизни: во-первых, безработицы рабочих и, во-вторых, недостаточности для жизни рабочей платы, недостаточности, вызванной неравномерным ростом этой платы и цены предметов, необходимых для жизни. Оба явления постоянны и служат постоянной причиной бедствия рабочих. Но есть еще нечто худшее. Что будет с человеком, живущим своим собственным земледельческим хозяйством, а также со свободными рабочими, когда их постигнет болезнь и утрата трудоустройства? Или что будет с детьми их при сиротстве и малолетстве».⁹³ А. Гассиев критиковал толстовские взгляды с точки зрения христиан-

ской морали. И критика его носит односторонний характер, ибо не учитывает всей гениальности творчества Л. Толстого, отразившего как раз другой подход, – более глубокий, многосторонний, ведущий к пониманию вопроса о человеческом счастье и несчастье.

Чтоб правильно понять этическую концепцию А. Гассиева, надо вспомнить его высказывания о кантовской морали. По мнению философа, Кант признает главной добродетелью полное соответствие воли нравственному закону, а удовлетворение желания человека – счастьем. И, стремясь к счастью, человек должен достичь нравственного совершенства, которое вместе с добродетелью и есть основа человеческого счастья, – полагал он.

Коста Хетагуров, как просветитель, целиком и полностью ратовал за модернизацию горских обществ, отстаивал идеалы просвещенного европеизма, в то же время не отказывался от национальной самобытности данных обществ. Более того, сознавая насущную необходимость диалектики горского традиционного уклада жизни, Коста выступал за совмещение передовых идеалов европеизма и национальной самобытности горцев.

Коста-просветитель стремился раскрыть неоднозначные связи человека и действительности, изучить рациональные и иррациональные основы отношений общего и частного (общества и личности), ценностно-целевые структуры, архетипы, символы, традиции, т. е. все то, что помогает поэту сформировать философско-этическую, художественно-эстетическую базу онтологической картины мира осетин. И тем самым заложить основы и реалистического типа художественного мышления в формирующейся осетинской литературе.

Этническое бытие, как его постигло просветительское сознание, – это объективная реальность осетинского социума в XIX веке. Вот и Коста конструирует художественно-эстетическую реальность этнического бытия осетин, связывая «жиз-

ненный мир» горца со сформированными у него тысячелетиями и столетиями архетипами, знаками, символами. А с помощью традиций поэт создает онтологическую картину мира осетин как постоянно становящийся мир. И в этом его стремлении проявляется исторический оптимизм: Коста верит в возможность изменения, диалектики общественного бытия и общественного сознания. В данном случае эта просветительская установка составляет важную оптимистическую ноту в его реалистическом типе художественного сознания.

Коста как просветитель полагал, что путь культурного и социального прогресса горцев в образовании, в науке, в свободе творческой мысли. А потому и всячески пропагандировал идеи общественного равенства и личной свободы, полагая, что таким образом можно изменить мировоззрение общества, его ценности и нравственные основы. Ведь, как он полагал, новая социально-историческая эпоха диктует необходимость новых условий жизни, новые идеалы и ценности, пробуждает новый этап развития личностного самосознания. И эти мысли, чувства, настроения как Коста, так и его единомышленников-просветителей, способствовали формированию духа и сути становящейся осетинской литературы, рождению в ней критического реализма как наиболее подходящего и актуального в буржуазную эпоху художественно-эстетического метода познания национальной и социальной действительности.

В мировоззрении членов современного Коста Хетагурову общества еще сохранились некоторые остатки сознания племенно-родового строя, в котором царствовали гармония и стабильность, обусловленные отсутствием противоречия между тем, что «есть» и тем, что «должно быть».

Но в XIX веке с развитием феодального общества, стоящего на пороге рождения буржуазных общественных отношений и общественного сознания, Коста, как просветитель, осознавал, что мир этноса – это прежде всего мир ценностей, в котором устойчивые, обобщенные представления о чем-либо, что

воспринимается как благо, добро, поскольку отвечает фундаментальным потребностям, интересам, жизненным планам этноса.

Высшее благо, по представлениям конкретного общества, абсолютно и это – идеал. Ведь идеал – это наиболее общее, универсальное, абсолютное представление о благе, о должном, иначе говоря, это образ совершенства в отношениях между людьми, высший образец нравственной личности, а в обществе общественный идеал – это такая организация общества, которая гарантирует само это нравственное совершенство.

Появление новой философии культуры, с которой выступил в 80-ых-90-х гг. XIX в. К.Л. Хетагуров, не было случайным явлением в осетинской действительности. Прежде всего, существуют объективные условия ее зарождения. С присоединением Осетии к России произошло открытие новой страницы в истории народа, эпохи новой философии. Появилась объективная потребность в народном сознании, осмыслить идею свободы индивидуального и общественного развития. Несмотря на усиление феодального и колониального гнета, народ слагает чудесные легенды и героико-исторические песни о Чермене, Тотразе, Таймуразе и др., наиболее полно выразивших народные представления об идеальном человеке, идеальном представителе своего народа. То есть, формируется явно новый тип сознания, новый тип культуры. И соответственно, должна была быть сформулирована или оформлена новая концепция культуры, которая бы отражала не только идеологическую сферу, но и структуру социально-политических институтов.

Так проявилась философия культуры К. Хетагурова. Прежде всего, определим основные направления философии культуры Коста, значение и генезис основных ее понятий. Конечно же, он специально не ставил цели определения данных понятий: Коста даже сознательно не стремился создать целостную философскую систему культуры. Потому, естествен-

но, и не формулировал какие-либо специальные понятия этой своей системы, хотя на самом деле практически он ее создал. Достаточно обратить внимание на понятия, касающиеся разных проблем материальной, духовной или художественной культуры осетин и контекста, в котором он их употреблял, и сомнений в ее реальности не остается. Во многом эти его определения носят характер метафорических сравнений, поэтических описаний, аналогий, цитат из произведений русских писателей или устного народного творчества осетин, что говорит, несомненно о своеобразии его ценностного, этико-аксиологического подхода к явлениям национальной культуры. Поэтому его определения трудно соотнести с общепринятыми в научной сфере, и это надо учитывать при осмыслении философии культуры Коста.

Философия культуры поэта выростала из его духовного опыта, представляющего собой внутреннее качество, формируемое его личностью путем углубленной учебы и самосовершенствования; духовного опыта, который генетически восходит к духовному опыту его народа.

Акт философского познания зависит от специфики предмета, на который этот акт направлен, и детерминирован ею. Объектом философского осмысления Коста стал широкий круг явлений национальной действительности: искусство, природа, экономика, наука, быт, история и т. д.

Прежде всего, К. Хетагуров четко различал такие понятия, как культура и цивилизация. В основе культуры, по его представлениям, лежит духовная культура. И при этом понятие «культура» включает в себя очень важные, существенные в жизни человека и общества явления: нравственность, наука, искусство, политика, хозяйство и т. д. К сфере же цивилизации Коста относит одежду, жилище, пути сообщения, технику, промышленность.

Осмысляя философию культуры Коста, надо иметь в виду, что подлинная культура для него, конечно же, прежде всего,

всегда национальна, т. е. формируется на конкретной почве. Совокупность же таких культур в лучших своих достижениях и составляет общечеловеческую культуру.

Чтобы правильно понять и оценить философию культуры Коста, ее надо рассматривать в русле русской революционно-демократической традиции, на базе которой сформировалось его мировоззрение.

Особенности подхода Коста к проблематике культуры. Система культуры Коста носит ярко выраженный ценностный характер. При этом основным критерием для него в оценке того или иного явления национальной культуры служит внутренняя сопричастность данного явления сущности народной жизни, народного духа. То есть, по глубокому убеждению поэта, бытие народное диктует искусству, науке, что и как делать. А акт творчества вообще имеет смысл лишь тогда, когда исследует предмет в меру его нужности, важности человеку, социуму. В процессе адаптации осетин в мировом культурном пространстве, по мнению поэта, важное значение имеет как нравственное, духовное самоощущение каждого отдельного представителя народа, так и его восприятие окружающим и инациональным миром. И здесь уровень требовательности к каждому, мера его ответственности, по мысли Коста, велика.

Любовь, совесть, свобода, семья, родина, нация – вот важнейшие, фундаментальные основы философии культуры Коста. Все эти ценности в представлении поэта взаимосвязаны и взаимообусловлены. В утверждении их святости и незыблемости в национальном сознании важная роль принадлежит искусству, науке, просвещению. Поэтому Коста определяет национальное искусство и народное образование как мощный фактор в духовном и нравственном самоопределении осетин.

В сфере своей социальной и художественной антропологии Коста исходит из особенностей собственного отношения к культуре. А суть этого отношения заключается в том, что в философии культуры поэта нет ничего такого, что не касалось

бы конкретно народной жизни. Это и есть для Коста основной эстетический критерий и в сфере его художественного творчества. Да, пожалуй, в оценке любого культурного явления тоже. Коста выдвигает своим практическим художественным творчеством идею культурно-национальной цельности. Дело в том, что в Осетии каждый социальный слой имел свою субкультуру. Это мешало созданию единой целостной национальной культуры и не поддерживало единства нации. И потому Коста стремился укоренить в народном менталитете идею единства нации через создание единой национальной культуры, концептуальные функции которой он видел в служении интересам народа, его единству. Потому же он в публицистическом творчестве так активно выступал за укрепление хозяйственного механизма в крае, против разболтанности правосознания населения.

Одним из основных в формировании системы культуры поэта является принцип культурно-исторической преемственности. Ибо Коста понимал, какое большое культурное наследие получило от предшествующих поколений современное ему осетинское общество.

Большое значение в системе культуры Коста придавал вопросу создания национальной интеллигенции. В эпистолярном и публицистическом творчестве своем поэт неоднократно подчеркивал, какую огромную роль призвана сыграть осетинская интеллигенция в нравственном и художественном, эстетическом просвещении народа. И в связи с этим говорит и об ее исторической ответственности.

По мнению Коста, в связи со спецификой непростого исторического пути, интеллигенция должна помочь народу воспрянуть духом, она призвана помочь выработать новый, национальный характер в изменившихся и изменяющихся исторических условиях.

Словом, в рамках традиционного для русского революционно-демократического мировоззрения подхода к вопросам

культуры, Коста создал собственную концепцию становления осетинской культуры, собственную философскую систему национальной культуры.

Коста также разработал собственную оригинальную методологию философии искусства, специфика которой заключается в том, что он органически соединил чисто эстетический анализ (формальный анализ) с анализом духовно-философско-нравственным.

Корни национального искусства, как и корни культуры в целом, Коста видел в сфере реальности, а потому предмет его для поэта пребывал в состоянии «очевидности». Отсюда специфика художественного мышления Коста, в соответствии с которой форма для поэта не самоцель и не существует сама по себе: она всегда содержательна. Здесь заключены генетические истоки его художественного мировоззрения и эстетики его реализма, во многом определившие и художественно-эстетический тип последующего культурного развития осетинского народа.

Коста очень высоко ставил роль художника в жизни современного ему общества и в соответствии с нею выдвигал проблему его социальной, нравственной, гражданской ответственности. Сам Коста весьма ответственно подходил в поэзии к проблеме творческого созерцания и отражения фундаментальных основ национального бытия, которое он глубоко осмыслил и отразил в системе художественных образов.

В философии искусства Коста большое значение имеет выработанный им художественно-ценностный подход к явлениям культуры.

Важным вопросом философии искусства Коста является вопрос о критериях совершенства художественного произведения. Это триединство его основных уровней: эстетика материала (в художественной литературе – это словесный состав), эстетика образа (какой образ мира или его фрагмента формируется в произведении), эстетика предмета (какую идею,

мысль, жизненно-духовную концепцию созидает автор), каждая из которых функционирует по своим сложным законам. По мысли Коста, важнейшим в триаде является содержание, выраженное в совершенной художественной форме.

Одним из центральных понятий философии культуры Коста является понятие творчества. Истинное творчество в представлении Коста возможно только при очевидности акта непосредственного переживания предмета, утверждения в нем человеческой души. Ведь именно эта человеческая душа во всем богатстве ее реальных проявлений и есть для Коста основной предмет познания.

Таковы в основном направления философии культуры К.Л. Хетагурова, определившие важнейшие вехи и в целом художественно-эстетический тип последующего культурного развития осетинского народа и по сегодняшний день тоже. То есть, художественное и культурное развитие осетин в семье братских народов России и сегодня продолжается в русле основных концептуальных направлений философской системы культуры К.Л. Хетагурова.

Осетинская философия отразила все важнейшие смыслы и ценности осетинской жизни. В творчестве К. Хетагурова ярко воссозданы идейные ласты и особенности национального сознания осетин. Весьма четко выписаны им персонажи, чьи мысли о мире и самих себе сформулированы внятно. В целом воззрения поэта составляют поворотный этап в развитии национального сознания и самосознания осетин. Ведь, во-первых, поэт выразил свою нравственно четкую позицию как субъекта философского сознания этнического мировоззрения. Во-вторых, представил необычайную глубину и объем освоенных им культурных смыслов и ценностей своего народа. В-третьих, постоянно и во всем утверждал свою четко им сформулированную личную жизненную позицию, выражающую народный нравственно-этнический и общественно-политический идеал.

Коста четко сформулировал свое собственное отношение к прошлому, осмыслил его содержание и дал свои оценки этому прошлому. То есть он освоил в познавательном и предметно-практическом смысле национальную действительность, определил свое видение и отношение к прошлому и настоящему. Можно сказать, что именно в процессе личного самоопределения поэта происходило становление его философского мировоззрения. Коста был выдающимся мыслителем, для него всегда особое значение имели народное бытие, духовная культура народа, его стремления и чаяния, мечты о лучшей доле, судьбе родины.

И, конечно же, К.Л. Хетагуров внес большой вклад в формирование философского мировоззрения своей эпохи и своего народа, в творческом развитии и обогащении его философского сознания и самосознания.

...В целом просветители сформировали универсальный и целостный философский взгляд на общественную жизнь, на отношения человека и общества. Они обогатили сознание современного им общества существенно, накапливая богатство знаний об общественной жизни человека. Так, они породили в нем концептуальный, целостный, универсальный взгляд на общественную жизнь. Просветители заложили основу научной истории философии осетин, подчеркнув ее социально-философскую проблематику со сложным комплексом специфической проблематики, системой законов, понятийно-категориальным аппаратом. А она, в свою очередь, сформировала наступательно-творческий, критический характер молодой осетинской литературы.

Осетинская литература постигала многообразие социальной жизни человека через художественный анализ единства объективного и субъективного, материального и духовного факторов в жизни социальной общности.

Прежде всего осетинская литература показала системный характер социальной жизни общества, конечно, через глу-

бинный анализ социальной деятельности, социальных отношений, социальных ценностей и норм и т. д. В этом смысле показательно состояние макро- и микроуровни социальной структуры, их динамика и в целом социальные связи в осетинском обществе.

И, следовательно, одной из важнейших философских проблем критического реализма в осетинской литературе становится осмысление и анализ объективного исторического потенциала общества, общественного бытия человека.

Критический реализм пытался вскрыть глубинные проблемы осетинского общества на столь ответственном этапе истории, и, в частности, суть, происхождение социального неравенства и пути его преодоления. Так, в литературном процессе исследуются глубинные и острые противоречия между частной собственностью и эксплуатацией человека человеком.

Архиважной философской проблемой критического реализма является глубинное исследование отношений человека и общества в процессе их противоречивой сложности. Формируется новое художественное самосознание нового типа национальной культуры. Так самой эпохой и объективными социально-историческими обстоятельствами актуализируется необходимость рождения в художественном сознании горцев реалистического типа мышления, становление которого в осетинской литературе справедливо связано с именем великого Коста, основоположника и литературы, и литературного языка.

Осетинская литература критического реализма отразила художественными средствами сущность буржуазного государства, его несоответствие нормам человечности. Поэтому она и становится трибуной страстного протеста, активно борясь против всех форм социального, классового и духовного порабощения. Литература в художественных образах отражает сущность и особенности освободительного движения в Осетии, исследует общественные противоречия. И это проис-

ходит благодаря насыщению ее философско-этическими, общественно-политической, социально-исторической проблематикой, порожденной буржуазной эпохой в XIX - начале XX века.

Первый осетинский поэт Т. Мамсуров родился в 1843 г. В 1855 г. он был определен в Петербургский кадетский корпус, который окончил в 1861 г. Тогда же стал корнетом Чугуевского уланского полка. Судьба его сложилась весьма трагически. Двадцатидвухлетним юношей он по настоянию своего дяди Муссы Кундухова был вынужден уехать с семьей в Турцию. Там он поселился в имении дяди в селе Батманташ Сивасского вилайета и стал его управляющим. Он очень скучал по горячо любимой родине. Скончался в 1899 г. и похоронен в имении дяди. До нас дошли всего лишь одиннадцать его стихотворений, из которых только два датированы: «Два товарища» (1867) и «Осел» (1889). То есть поэт писал в течение тридцати с лишним лет. Однако проследить эволюцию его творчества, мировоззрения невозможно из-за незначительного числа дошедших до нас его произведений. Можно сказать одно: поэт остро переживал разлуку с родиной и трагедию переселенцев, народа в целом. Осетия остается единственной его любовью, которую он завещает и новым поколениям, родившимся в Турции.

В своих сатирических стихотворениях: «Скупой», «Другу», «Больной и навещающий», «Счастье» поэт резко высмеивает приспособленчество своих земляков. В общем же глубокая неудовлетворенность жизнью, ее трагическое восприятие пробуждают в нем религиозно-философские размышления о судьбе человека, о подлинных жизненных ценностях. Дидактическим утверждением авторского этического и эстетического идеала отличаются стихи: «О, мой бог», «Тишина», «Кому-то». Будучи глубоко верующим человеком, Т. Мамсуров в своей поэзии размышляет о сущности божественной воли, о суетности и кратковременности человеческой жизни на земле. Так, в стихотворении «О, мой бог» он пишет:

Живут лишь краткий срок, день один,
Чтобы вновь потом предстать перед тобой.

Жизнь человеку готовит большие испытания и то дает большое везение, счастье, успех, а то погружает в бездну страданий. И единственная надежда, которая остается человеку – это упование на божий суд. Об этом говорит он в стихотворении «Тишина»:

О, наш мир! Ты велик,
Ты нас неустанно волочишь,
То колотишь нас об утесы,
То греешь нас на солнце.
То улыбнешься нам с любовью,
Маня к себе,
То угрожаешь ножом,
Наставляя его в сердце мне.
Но как мне страшиться тебя?!
Есть у меня надежда: –
Свой суд над моей душой
Давно свершил мой бог.

Мироощущение поэта выдержано в духе исламского фатализма. Т. Мамсуров словно утверждал: все превратности судьбы предопределены богом и изменить что-либо тут невозможно. В трагической безысходности своего положения он уповает на божий суд.

Будучи не в силах примириться со своей судьбой, он не смеет отрицать божью справедливость. Отсюда его горестные размышления о трагедии своего народа, часть которого потеряла, – увы, навсегда, родину и вынуждена отныне бродить неприкаянно по свету. Позднее Т. Мамсуров начинает остро обличать реальную действительность, обвиняя ее в жестокости, бесчеловечности, низости, корыстолюбию.

Поэт с болью в сердце наблюдает раскол среди своих земляков, одни из которых, увлеченные стремлением непременно обогатиться, добиться знатности на новой родине, сделать карьеру, стали на путь приспособленчества. Другие же предпоч-

ли сохранить благородное достоинство горца. Поэт определяет свой путь в стихотворениях «Думы», «Два товарища».

Не трать понапрасну свой ум,
Мой обет ясен и открыт:
Моя душа и мое добро
Нашей милой родине посвящены.
Ты и сам знаешь меня:
В бедности я не живу –
Мой топор и моя коса
Хлеб насущный для меня добудут.

Трудно сказать, когда произошел этот разрыв в душе поэта, определившем мировоззрение его, человека, принадлежащего к знати по происхождению и воспитанию. Важно, что по своим мировоззренческим устремлениям и социальному самоопределению он очень близок к позиции Коста Хетагурова и Сека Гадиева. Вот что писал Коста о своем разрыве со «спесивыми»:

Пусть посмеются надо мной знатные
Ты им не друг!
Мой плуг, мои волы
У меня тоже наготове!

Схожи мысли и солидарного с Коста Сека Гадиева:

И чего смешного находят знатные
В моей арбе, нагруженной дровами;
У меня готовы волы,
И коса – прилажена к косовью.

У всех трех поэтов проявляется образное мышление хлебороба-крестьянина. С одной стороны выступают знатные, спесивые, с другой – труженик у Коста, у Сека и Темырболата.

Сходство обнаруживается и в отношении Темырболата и Сека к скупому в стихотворениях «Скупой» Мамсурова и «Осетинский богач» Сека. В обоих случаях сатирическое обличение, презрение к наживе и стяжательству, к фетишизации богатства. И это подтверждает демократизм Мамсурова.

Говоря о связи Мамсурова с осетинским литературным процессом, бросается в глаза совпадение его идейных позиций и образного мышления, стиха с творчеством Сека Гадиева. Схожи и дидактические размышления Мамсурова с этическими сентенциями Сека, создавшего жанр дидактического куплета.

По их этической системе честь и достоинство человека обусловлены его личными качествами, благородством, любовью к людям, а не нажитым добром, чинами, знатностью.

В мире наживы, карьеризма, чиновной бюрократии оба видят прежде деградацию человеческой личности. Этот мир чужд, ненавистен обоим поэтам. Они обличают его неистово и непримиримо.

Критерием оценки для Т. Мамсурова становится степень преданности человека далекой родине, святой его идеал. Особенно показательное стихотворение «Больной и навещающий», в котором больного упрекает в малодушии, призывает его быть твердым, не бояться смерти.

Хоть немного приободришь,
Чтобы не покинула душа.
Лишний страх в беде не поможет, –
И для смерти мужество нужно!
И это в традиции мужества горца. Как пишет Сека:
В беде мужчине надо быть
Твердым, как гранитная стена.
Мужчине не пристало плакать, как девица.
Горевать – бабой неразумной.

Больной в стихотворении Т. Мамсурова – это символ далекой родины. В трактовке поэта, больной был смелым и мужественным, добротой, силой и правдой достигал он славы.

Мужество и правду
Я держал в руках.
– Сделай добро народу! –
Было для меня, мой свет, законом (обычаем).

Мужество, справедливость, служение родине – вот идеал, с высоты которого родина судит о своих сынах. Но горе матери-родины в том, что дети ее отвернулись от этого идеала, уронили честь и достоинство предков.

Увидят в своей среде
Осла с золотой поклажей,
И тотчас перемят ему званье
И со славой проводят.

Поэт ищет причины трагедии народа и видит их в политике царизма на Кавказе. Она, эта бесчеловечно жестокая политика, вынудила горцев в одночасье сорваться с насиженных мест и пуститься в поиски лучшей доли. «Думы» и «Два товарища» увековечили трагедию горцев 1865 г., т. е. их уход в Турцию. Но в них же выражено и своеобразие национального самосознания осетин в ту сложную историческую эпоху. Впервые в поэтической форме на родном осетинском языке заявил народ о своей земле как о единой и дорогой его сердцу родине. А трагедия части народа, переселившейся в Турцию, осмыслена как общенациональная трагедия. То есть, впервые остро осознана общность национальной судьбы и ушедших, и оставшихся. К сожалению, он не увидел в этой общности социальной противоречивости, острое осознание и поэтическое выражение которой стали важнейшей задачей творческого самовыражения представителей осетинской культуры следующего этапа в формировании национального самосознания.

Говоря о национальном единстве всех осетин, Т. Мамсуров не видит внутренней противоречивости понятия единства. Для него критерием в оценке человека и общественных явлений остается патриархальный мир горца с его этикой и эстетикой. То есть, поэт остается в рамках дореформенного уровня понимания национального самосознания. И в истории осетинской литературы, в историко-культурном процессе осетин, он остается как выразитель мировоззрения горцев до-

реформенной эпохи. Как подчеркивает Н. Джусойты: «В эстетическом обиходе осетин до Мамсурова мы видим господство эпоса, лиро-эпических героических песен, песен бытового, лирического, обрядового и сатирического жанров. Поэзию Мамсурова трудно соотнести с каким-нибудь видом из этого разнообразного репертуара. Речь может идти скорее всего о том, что осетинская народная поэзия и народное красноречие, весь стилистический арсенал народа послужил для него той художественной почвой, на которой выросло его индивидуальное искусство, а народная трагедия 1865 года и народные настроения, вкусы, миропонимание, симпатии и антипатии, нужды и заботы дали содержание его поэзии».⁹⁴

Заслуга Т. Мамсурова в том, что он впервые создал новый жанр, жанр стихотворения, который генетически и, по сути, очень близок фольклорному жанру народной песни, о чем говорит само название стихотворений поэта, которые сам автор называет «Осетинские песни». Для этапа формирования национального художественного самосознания это было вполне естественно, логично. Новизна, которую внес поэт в художественно-эстетическую практику своего народа на столь важном историческом этапе, явилась в ярко выраженной индивидуальности, настроении, мысли, стиле и стихотворной форме. А индивидуальное начало усиливало лиризм, определяло диалектику особенного, единичного, личностного в содержании и форме. Историзм народного бытия выражается в наследственной памяти поколения: без него нет ни истории, нет развития, нет прогресса в сознании человеческого общества.

Александр Кубалов был гораздо моложе Коста Хетагурова, после смерти которого еще тридцать лет писал свои произведения. Как идейно-эстетическое явление, его дореволюционное творчество ближе всего стоит к поэме «Алгузиани». По идейному пафосу, этическим и эстетическим представлениям оно укладывается в систему дореформенных идеалов, с которыми так настойчиво воевал И. Кануков.

Родился Александр в 1871 г. в селе Старый Батакаюрт в семье учителя. После окончания школы он учился во Владикавказской прогимназии и гимназии, а в 1894 г. поступил на юридический факультет Киевского университета, который окончил в 1899 г. Затем вернулся во Владикавказ, где и проработал до 1937 г., когда был арестован. В 1944 г. погиб.

Поэма А. Кубалова «Афхардты Хасана» написана в 1894 году. В том году он представил рукопись Гаппо Баеву, который в 1895 г. во Владикавказской газете опубликовал прозаический перевод ее на русском языке, а в 1897 г. выпустил в свет отдельной книжкой.

Поэма «Афхардты Хасана» состоит из авторского вступления, четырех эпизодов и заключения сказителя.

Вступление – обращение поэта к сказителю, слепому Бибо.

В первом эпизоде – плач вдовы Госама над колыбелью сына. По характеру это – плач-рассказ, плач-наставление, плач-завещание. Несчастливая Госама повествует сыну Хасане печальную историю о том, как спесивый Кудайнат Мулдаров, представитель могущественного рода, убил его отца, скромного труженика и достойного человека Соламана, за которого некому заступиться. Более того, Кудайнат пытался оскорбить и молодую вдову, но получив от нее удар кинжала, отстал. За смерть отца и унижение матери должен отомстить сын. Таково завещание Госамы. Здесь все выдержано в традиции народных причитаний – лексика, фразеология, повторы. Рассказ матери прерывается проклятиями в адрес убийцы мужа, ласковыми обращениями к сыну в колыбели. Все сливается в одном стилистическом сплаве: неотомщенное горе, боль и слезы, проклятия, ненависть к убийце и глубокая материнская нежность. Но все здесь зовет к мщению за поруганную справедливость. И далее следуют два кровавых эпизода мщения.

Кубалов был далек от передовых идейных исканий своего времени. И он не сумел подняться выше уровня идеалов патриархального крестьянства и его певца, слепого Бибо. Прав-

да, поэму «Афхардты Хасана» он записал от Бибо Дзугутова и обработал в годы пребывания в гимназии, почти юношей. Но, к сожалению и в другие годы он остался на той же почве скудных, неразвитых идеалов.

Тем не менее, Александр Кубалов, поэт большого дарования, сыграл существенную роль в формировании эстетической культуры своей эпохи и потому занимает важное место в истории осетинской литературы на начальном этапе ее становления.

Известный писатель, собиратель фольклора и общественный деятель Гаппо (Георгий Васильевич) Баев родился в 1870 году, в селе Ольгинском в крестьянской семье. Получить образование помог ему генерал М. Баев, его дядя. В 1894 г. он окончил юридический факультет Новороссийского университета и вернулся во Владикавказ. В 1905 г. был избран в гласные Владикавказской городской думы и состоял заступающим место городского головы до 1911 года, а затем до Февральской революции был городским головой Владикавказа.

В марте 1917 году он с другими был инициатором создания союза объединенных горцев, но на первом съезде союза (май 1917 г.), когда против него выступил Е. Бритаев, он ушел из этой организации. В период установления Советской власти на Тереке он переехал в Тифлис. Здесь он сотрудничал в антисоветских газетах Ахмета Цаликова («Вольный горец» и «Ног цард»), писал преимущественно на литературные темы. Свои же политические взгляды изложил в трех статьях: «Осетия под опекой Добрармии», «Правитель Осетии» и «Ног царды зиу» («Строительство новой жизни»).

В статье «Ног царды зиу» он излагает свою программу будущего осетин. Программа выдержана в духе прежней его либерально-демократической позиции: сохранить земли, на которых живут осетины и расширить их, развить книгоиздательство и просвещение, а также ремесла, промышленные предприятия, установить добрые отношения с соседними на-

родами, узаконить самоуправление. Он эмигрировал в феврале 1921 г., т. к. Осетия, которую он любил, решила идти своим путем социальных преобразований, на котором не оказалось места для него.

Юрист по образованию, чиновник по профессии, Гаппо Баев в рамках официальной законности отстоял ряд важных в жизни народа интересов и приобрел большую популярность в обществе. В публицистике его прослеживается либерально-демократическая линия, в статьях по экономическим вопросам проглядывает идеал мелкособственнического фермерского землевладения и буржуазно-демократического общественного устройства. Он явился первым издателем произведений осетинской литературы, собирал и издавал осетинский фольклор, был первым биографом ряда осетинских писателей.

С 1894 г., вернувшись в Осетию, Баев энергично берется за книгоиздательство на родном языке. И ему удается издать поэму Кубалова «Афхардты Хасана» и сборник Коста Хетагурова «Ирон фандыр».

Гаппо сыграл весьма существенную роль в формировании культурного сознания своей эпохи. В 1899 г. на празднике столетия со дня рождения А. С. Пушкина Г. Баев выступил от имени благодарных горцев в газете «Казбек» со статьей «Пушкин в жизни горцев». Отмечая, что творчество великого Пушкина оказало «огромное влияние на все русское общество» «своею мощною красотою, неподражаемой простотой..., глубокой жизненной правдой», он заметил, что Пушкин «является добрым гением и в жизни горцев», ибо он «первый в чарующих стихах воспел неувядаемую прелесть их родины – их семейный и общественный быт, суровые патриархальные обычаи... любовь их к свободе, мощь духа». Произведения Пушкина имели большое значение «в великом деле приобщения горцев к благам русской гражданственности», под их влиянием возник интерес к горским племенам!⁹⁵ – интерес исторический, этнографический и филологический.

«Нечего и говорить, – пишет далее Баев, – что для всех образованных горцев эти поэмы приобретают сугубое значение. Для них эти лебединые песни заменили вполне отсутствие родной литературы, они поддерживают в них ту любовь к добрым традициям своего быта и к своим темным землякам, благодаря которой интеллигенция только и может выполнить свою великую миссию в деле приобщения народных масс к благам культурной жизни».⁹⁶

Ведя литературоведческий анализ поэмы «Тазит», Г. Баев подчеркивает художественную значимость образов главных героев.

Писал Гаппо и критико-биографические статьи о Коста Хетагурове, Александре Кубалове, Георгии Цаголове и Цоцко Амбалове. В них ярко проявились его эстетические взгляды.

Итак, в 70-е, 80-90-е годы идеи русского революционного народничества овладели умами осетинского студенчества, за что многие молодые люди пострадали весьма ощутимо. Так, скажем, Идрис Шанаев, член тайного народнического кружка «нечаевцев», два года провел в Петропавловской крепости. Несмотря на столь тяжкие последствия, осетины-студенты не предавали народнические идеи. А. Ардасенов, член тайного кружка «чайковцев», вернувшись на родину во Владикавказ, продолжал революционную работу. В 1875 г. во Владикавказе в народническом кружке активно сотрудничали: А. Ардасенов, Х. Тускаев, И. Шанаев, Дж. Шанаев, Годжиев, Е. Газданов, Айдаров, Д. Сохиев и др.; грузины: М. Кипиани, Н. Кананов, Н. Казбек и др.; армяне Петр и Степан Поповы, Б. Кизер и др.

Народники поднимали различные вопросы, имеющие моральный характер. Так, они рассуждали о растлевающем влиянии города, о преимуществах деревенской жизни, об общинной нравственности, о нравственной цельности мужика в противовес неуверенности в жизни интеллигенции и даже ее нравственном банкротстве.

В среде осетинских народников наиболее популярны были этические идеи русских либеральных народников, таких как Н.К. Михайловский, И. И. Каблиц, С.Н. Южаков, Л.Е. Оболенский, Н. И. Кареев. Конечно, теоретические истоки этики народников восходят к этике революционных демократов. Но народническая этика потеряла идею активной борьбы за счастье народа, оптимизм и революционный дух идеологии революционных демократов. В целом она сводилась к беспощадной критике буржуазной морали.

Народники полагали, что моральные поступки человека независимы от слепой необходимости.

Для народников идеал – не объективное отражение действительности, а только результат субъективной деятельности человека. То есть нравственный идеал не отражает реальной действительности, по их логике.

В понимании счастья народники исходили из того, что идеал счастья в буржуазном обществе вообще невозможен, а значит и бороться за него бессмысленно.

Противоречивы были взгляды осетинских народников. В общественной мысли Осетии в 80-90-х годах XIX в. явно проявляются основные направления: борьба против феодальных и патриархальных нравов и сознания, в частности, против феодального землевладения, обычаев наездничества, кровной мести, калыма. В целом наблюдается продолжение традиций просветителей 60-70-х годов.

Прежде всего многие народники выступали за гражданское воспитание горцев. Так, Г. Баев отмечал: «разрушим же позорную преграду, жалкий остаток седой старины, противоречащий духу современной нашей жизни, и дадим возможность молодежи нашей свободно вступать в брачный союз, в основании которого лежит любовь, этот великий источник силы и славы народов».⁹⁷

О деятельности народников писал М.С. Тотоев следующее: «Что касается конкретно практических действий народников

в Осетии в 70-х гг., то они были сведены, главным образом, к попыткам распространения революционной литературы, устройства школ-«пансионов», к попыткам обучения самих себя ремеслу, пригодному для того, чтобы устроиться на работу в деревне с целью ведения революционной пропаганды».⁹⁸

Члены владикавказского кружка поддерживали отношения с представителями народнического движения в других городах России и получали от них подпольные листки и литературу.

Вскоре начались преследования членов народнического кружка во Владикавказе. В 1876 г. был арестован и сослан в Сибирь А. Ардасенов. Затем он оказался в тюрьме в Москве, где пробыл с 1876 по 1879 год, почти три года спустя был сослан в Якутию, и вернулся в Осетию в 1885 году. Стал заниматься педагогической, хозяйственной, научно-литературной деятельностью.

Народнический кружок во Владикавказе просуществовал до конца 70-х годов и занимался революционной пропагандой, изучением революционной литературы.

В Осетии происходил активный процесс разрушения старых форм жизни, старых идей, в целом патриархально-феодальной идеологии.

Итак, во второй половине XIX века в Осетии идет острая классовая борьба. Скажем, когда в горной Дигории феодалы посягали на общинное пастбище «Харес», крестьянин Царай Хамицаев убил пристава Кубатиева. В целом осетинские разnochинцы опирались на трудовое малоземельное и безземельное крестьянство, чьи интересы они выражали.

Коста Хетагуров в стихотворении «Памяти Кипиани» писал об ярчайшем представителе народничества на Кавказе:

Много ль их было, способных народу
Так же всецело отдаться, любя,
Так же бороться за нашу свободу,
Светоч познания в сакли внося?
Нет, их немного. И эту потерю

Наши потомки припомнят не раз...
Плачь... Я в грядущее снова поверю,
Слушая плач твой, родимый Кавказ!

Именно с просветителей и народников начинается революционная мысль в Осетии, они провозгласили идеи братского единства с русским и другими народами России в борьбе с царизмом. В развитии же культуры, национального самосознания горского общества осетинские народники своей идеологией, литературно-публицистической и культурно-просветительской деятельностью сыграли большую роль.

В 80-90-е годы углубляются социальные противоречия в жизни осетинского общества, идет широкое вовлечение всех слоев населения в новые буржуазные социально-экономические и культурно-нравственные отношения. И, конечно, общественная мысль активно реагирует на создающуюся ситуацию, дает свою реакцию на становление товарно-денежных отношений, складывание новой социальной стратификации, разрушение основ традиционной культуры.

Народники активно выступали против феодализма и архаики нравов, «против патриархальной трясины, которая безжалостно всасывает в себя всякую живую душу, своим тлетворным дыханием умерщвляет священное начало личности».⁹⁹

Народники вели пропаганду нового образа мышления, идей равенства, т. е. осуществляли гражданское воспитание горского населения края.

«Чтобы осетина заставить сознательно отрешиться от всего, что связано со словом ирад (калым – Р. Ф.), надо воспитать его не только до отрицания сословной розни, но и до признания полнейшего равенства женщины и мужчины»,¹⁰⁰ – писал К.Л. Хетагуров. Тогда же А. Ардасенов подчеркивал: «Нужно признать бесспорным, что приобщение края к современному строю и цивилизации... только обострило и еще более углубило материальную нужду крестьянского населения».¹⁰¹ Конечно же, просветители и народники видели и негативные

стороны новых буржуазных отношений. Так, Г. Баев осознавал масштабы происходящих трансформаций народного бытия. «Культурность страны измеряется тем прогрессом, который сделало в области материальной и духовной жизни сельское население»,¹⁰² – писал он.

Г. Баев понимал, какую большую ответственность несет перед историей своего народа национальная интеллигенция, которая, по его мнению, только и может, если руководствуется интересами всего общества, «любовью к добрым традициям своего быта и к своим темным землякам, благодаря которой интеллигенция только и может выполнить свою великую миссию в деле приобщения народных масс благам культурной жизни и в борьбе с отрицательными явлениями».¹⁰³

Осетинские народники много сил и времени уделяли изучению истории языка, обычаев и нравов горцев. Как отмечал М. О. Косвен, «Замечательную черту 90-х годов в истории этнографического изучения осетин составляет то, что почти всеми авторами этого десятилетия явились осетины, в частности К.Л. Хетагуров, А. Ардасенов, А. Гатуев и Г.М. Цаголов...»¹⁰⁴

Народники, выступая против феодально-крепостнических отношений, полагали, что для горцев предпочтительнее некапиталистический путь развития, имея в виду, что развитие общества постепенно приведет к естественному «вживанию» горских крестьян в новые социально-экономические условия. Интеллигенцию же они рассматривали как самостоятельный слой социальной структуры общества, который имеет свои цели, мировоззрение и идеологию, направленную на индустриализацию и демократическое развитие политической жизни. Со своих идеологических позиций они критиковали капитализм, буржуазный образ жизни, роль денег в жизни буржуазного общества. Крестьянство же народники рассматривали как ведущую социальную силу. В целом же они вели поиски особого пути развития, т. е. «очеловеченно-

го капитализма». Так, Г. Цаголов называл капитализм «лакейской цивилизацией», «чудовищем, не знающим пощады». ¹⁰⁵

А. Ардасенов заметил: «Нужно признать бесспорным, что приобщение края к современному строю и цивилизации... только обострило и еще более углубило материальную нужду крестьянского населения». ¹⁰⁶

С болью в сердце Г. Баев писал: «Со всех сторон нагрянули на Кавказ иностранцы-капиталисты. Из великих богатств края коренное его население, русское и туземное, увидит жалкие крохи и обратится в кабальный пролетариат». ¹⁰⁷ В тон ему отмечал и К. Хетагуров: Именно деятельностью инонациональной и национальной буржуазии «масса народа доведена до полного нищенства», разграбления «самыми бесчеловечными способами». ¹⁰⁸

Осетинские народники пытались соединить традиционное и современное в осетинском бытии и сознании. То есть выступали за синтез традиционализма и модернизма. И это определяло суть народнического сознания.

Признавая народ субъектом целостной социальной культуры, К. Хетагуров отмечал отношения солидарности, единства осетинского традиционного общества. Так, он заметил: «Зиу – лучший традиционный обычай взаимопомощи». В нем «каждый осетин от всей души откликается на нужду другого, не принимая во внимание ни родства, ни своих личных интересов». ¹⁰⁹

И не случайно. Горцы всегда «внимательно относились к своим бедным, больным, пострадавшим от стихийных разрушительных сил». ¹¹⁰

Больше всего, конечно, поэта беспокоило то, что «промышленность на Кавказе... стоит на крайне низкой ступени развития», – а потому, по его мнению, – нужны меры «для развития производительных сил богатейшего в мире края». ¹¹¹

А Г. Баева беспокоило и другое, в частности, судьба выпускников школ. Как он писал, «Просветительская деятельность

школы не должна заканчиваться для ученика с выходом из ее стен. Она дает ученику умение читать, и он должен далее развивать себя путем чтения, но в Осетии книг на родном языке нет, а потому по выходе из школы прекращается дальнейшее развитие, ученики мало-помалу забывают даже то, что вынесли из школы... При таких условиях какое просветительное значение оказал бы запас книг для элементарного обучения, для распространения полезных технических сведений по сельскому хозяйству, для разумно-нравственного и эстетического чтения».¹¹²

О роли же книги на родном языке, о необходимости издания произведений осетинского фольклора Г. Баев писал: «Только родная книга может разнести свет новой жизни в глубину народной массы». «В этих-то произведениях многовекового народного творчества скрывается все богатство языка, его особенности, а главное – дух народности с ее оригинальным мировоззрением... Какое здоровое питание она дает родному почетному слову».¹¹³

Г. Баев, как истинный патриот, интеллигент, советовал всем любителям осетинского фольклора: «Пусть всякий, дорожающий этим делом, записывает с уст народа все, что носит название народных произведений, начиная с песен о Нартах и, кончая пословицами, загадками, прибаутками, заклинаниями... величественная простота и оригинальность самого изложения... Важно записывать так, как передает их народ, в таком только случае сохранится величественная простота и оригинальность самого изложения...»¹¹⁴

Г. Баев возмущался поведением некоторых представителей осетинской интеллигенции, которые были озабочены только лишь стремлением найти подтверждения фактов древности своего рода, своего особого дворянского происхождения: «К сожалению, видные представители интеллигенции совершенно позабыли нужды своей деревни, а все время были заняты каким-то сословным вопросом, не имеющим под собой ровно

никакой почвы в современной трудовой жизни осетинского народа, являясь позорным измышлением людей, коих сердце и ум отуманены презрением к своим братьям и собственным беспочвенным величием... надо учить осетин трудиться и приобщать их к благам культуры и русской гражданственности, а не заниматься глупым и вредным походом против своих темных земляков».¹¹⁵

Весьма остро выступал Г. Цаголов о судьбе крестьян в статьях «К вопросу о временнопроживающих», «Край беспросветной нужды». В статье «Платежи и повинности горцев Терской области» отмечал, что бедняк «прямо лезет в долги и лишается последней лошади и надела».¹¹⁶

В статье «Искатель правды» разоблачает царскую администрацию.¹¹⁷

Особенно волновала его судьба женщины-горянки. Так, в статье «Она бежала...» он написал: «Да! Я бежала, но бежала от той патриархальной трясины, которая безжалостно всасывает в себя всякую живую душу и своим глетворным дыханием умерщвляет священное начало личности... будем же думать, что свет победит тьму, добро возьмет верх над злом».¹¹⁸

Осетинское искусство критического реализма акцентирует свое внимание на классовых корнях социальных процессов и явлений. Реалист-художник проявляет качества мыслителя, анализирующего законы жизни, формулирующего свои мысли в образах, подчиняющихся законам эстетики. В целом осетинское искусство критического реализма отразило несоответствие буржуазного строя нормам гуманизма, а значит выразило и протест против всех норм социального и духовного порабощения человека.

Также важно отметить, что в критическом реализме прозвучал не только социальный протест, но и отразилась связь общественного сознания с освободительным движением рабочего класса в Осетии и в России.

Словом, осетинское художественное сознание конца XIX –

начала XX вв. осваивает новые принципы построения социально-психологических произведений, с их философско-этической направленностью, т. е. новые способы постижения человеческого характера, его психологии и душевного мира. Главное в развитии художественного сознания – это реалистический принцип изображения жизни «в формах жизни».

Реалистический тип мышления соединял в единое противоречивое целое человека, природу и общество, т. е. стремился видеть мир в его сложном единстве и противоречиях, во взаимосвязях. И не случайно.

Ведь реализм в зрелых формах предполагает изображение жизни в образах, соответствующих сути явлений самой жизни и создаваемых с помощью типизации фактов действительности. И большую роль сыграла здесь народническая идеология.

Итак, в 80-90-е гг. XIX в. под влиянием народнической идеологии в зарождающейся осетинской литературе формируются основы критического реализма, исследующего особенности становления нового типа человека.

В развитии осетинской морали XIX века большую роль сыграли просветители и 60-70-х годов, и народники 80-90-х. А потому особый интерес в данном исследовании вызывают их мировоззренческие подходы и оценки и, конечно же, стремление осетинских просветителей адаптировать традиционные основы бытия народа к тем изменениям, которые нес грядущий капиталистический строй со своей рыночной экономикой и буржуазными отношениями.

Безусловно, все это порождало определенные духовные процессы, эволюцию национальной психологии, новую этико-эстетическую систему ценностей.

В начале XX века, вплоть до 1917 г., осуществлялся социально-политический процесс, содержание которого можно определить как проникновение товарно-денежных отношений в сельское хозяйство, что расширяло социальную базу народнических идей в осетинском обществе.

Просветители глубоко осознали и роль государства как социальной общности. Они понимали, что вся общественная жизнь связана с государством, поскольку, как отмечал еще Г. Гегель, «Государство, его законы, его учреждения суть права составляющих государство индивидуумов, его природа, почва, горы, воздух и воды суть их страна, их отечество, их внешнее достояние, история этого государства, их деяния и то, что совершили их предки, принадлежит им и живут в их воспоминании. Все в государстве есть их достояние, точно так же как и они принадлежат ему, так как оно составляет их субстанцию, их бытие. Их представления проникнуты им, и их воля есть желания этих законов и этого отечества. Эта настоящая совокупность составляет единое существо, дух единого народа. Ему принадлежат индивидуумы; каждое отдельное лицо является сыном своего народа и вместе с тем сыном своего времени: поскольку его государство развивается, ни один не остается позади его, и еще менее того, – опережает его. Эта духовная сущность есть сущность индивидуума, он является представителем ее, происходит из нее и заключен в ней».¹¹⁹

Разделяли просветители мнение и И. Канта, заметившего, что «Государство – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам».¹²⁰

Государство, полагали они, прежде всего должно обеспечивать свободу человека, то есть очевидна имманентная связь государства и свободы человека. Государство должно реализовывать правила для жизни, которые были бы одинаковы и обязательны для всех в данном конкретном обществе; правила эти должны быть регламентированы законодательной властью. Ведь как писал Гегель: «Субъективная свобода деятельности, пытающаяся раскрыть себя во всех направлениях и по собственной охоте проявляющая себя в осуществлении как частных, так и общих духовных интересов, независимость индивидуальных интересов, независимость индивидуальной обособленности и внутренняя свобода, на основе которой

субъект обладает принципом, имеет собственные взгляды и убеждения и в силу этого приобретает моральную самостоятельность... существует и могла вырасти до такой высоты только в государствах новейшего времени». ¹²¹ Как же феодальное государство, частично сохранившееся и в XIX веке в осетинской действительности, ярко отразилось в творчестве Сека Гадиева, скажем, в повести «Саудараг ус» («Женщина в трауре»). Сека Гадиев отразил сложные связи человека-гражданина и его государства. Показал, насколько его судьба, жизнь целиком и полностью зависят от того государства, в котором он живет.

Сюжет повести Сека Гадиева «Саудараг ус» («Женщина в трауре») прост. Время действия в повести – эпоха присоединения Грузии к России, т. е. начало XIX в. Арагвийский алдар продает детей своих крепостных Глаха и Марты (семилетнюю девочку Гурдзыхан и девятилетнего мальчика Гурдзыбека) двум бездетным братьям Дзама, усыновившему мальчика, и Таджи, удочерившему девочку. Судьбы обоих детей складываются трагически. В 16 лет нелепо гибнет Гурдзыбек: Дзама чистил ружье и случайно убил приемного сына. Не выдержав горя, отец покончил с собой.

Не более удачливой оказалась и судьба Гурдзыхан. Полюбив юного пастуха Джиргола, она выходит за него замуж. Но тут абреки нападают на село, убивают Таджи и его жену. А жену Дзама, покончившего с собой, увозят в плен. Гурдзыхан пребывает в трауре. В отсутствие мужа приходит родственник, человек без чести и совести, и насилует беззащитную женщину. Не выдержав позора, она кончает жизнь самоубийством. Муж ее Джиргол, в великом душевном волнении убивает насильника, но и сам становится жертвой кровной мести: кто-то из родственников убитого нападает на несчастного Джиргола и убивает его.

Трагически сложилась и судьба жены Дзама: ее, пленницу, увозят сначала в Дагестан, потом в Чечню. Затем алдары Мам-

суровы выкупили ее и вернули в родную Осетию. Но когда ее спасители-хозяева решили ехать в Турцию, женщина не выдержала и тоже покончила с собой.

Писатель в повести проявил большое мастерство: он сумел раскрыть трагизм судьбы человека в феодальном государстве, обреченность человека труда на страдания и несчастья.

В повести «Бабале» есть сюжетная линия, по которой можно проследить бесправие горянки в феодальном государстве, доходящее до абсурда. Так, трехлетнему Садулле отец сватает восемнадцатилетнюю девушку с говорящим именем Цамакуд (буквально: «ненужная»). При этом отец «благодетель» исходил из того, что в доме была нужна работница. Цамакуд же была влюблена в юношу и, не видя выхода для себя в сложившихся обстоятельствах, покончила с собой.

Вторая сюжетная линия повести связана с Садуллой и Манидзей. Потеряв родителей, восемнадцатилетний юноша Садулла влюбляется в шестнадцатилетнюю Манидзу. Но жених не в состоянии собрать калым за невесту. Наконец с помощью родственников он выплатил калым. Казалось, молодые счастливы.

Третья сюжетная линия представляет собой рассказ о Бабале, отец которой, Гурам – деспот и самодур, гордившийся тем, что в его доме никогда не считались с мнением женщин. А потому отец без согласия дочери выдает ее за богатый калым глупому Кази. В знак протеста невеста в подвенечном платье в отчаянии спускается в подземелье святилища, где через год находят ее мертвой.

Четвертую сюжетную линию составляет история дочери Манидзы и Садуллы по имени Сахар. Когда умерли родители, братья выдали ее замуж за богатого деспота Гуса Сачинаева, который издевался над женой в меру своей дикой фантазии. Так, он однажды отсек ей уши и выгнал из дому несчастную женщину. В результате этот жестокий случай вызвал кровную месть между двумя родами. Семь человек погибло из рода Са-

чинаевых, девять – из Бигаевых. И только после присоединения Грузии к России эти распри прекратились.

Мастерство Сека Гадиева заключается в умении связать все эти, казалось бы, разрозненные рассказы-эпизоды в единый повествовательный узел, раскрывший яркую картину исторической судьбы горцев-осетин на одном из важнейших этапов их истории, в феодальном государстве.

Историческая повесть Сека Гадиева «Мать и сын» имеет два варианта. Так, в сборнике «Слез» 1911 года она появляется под названием «Марине и Туган»; а в сборнике «Слепой певец» 1912 года – под другим: «Мать и сын». Сюжет повести прост. Алдар Эристави за охотничью собаку продает кохатинскому алдару Цаллахову девочку-сироту Марине. Тот выдает ее замуж за своего раба Леуана. У них рождается сын Бицико, который играл с сыном алдара и ударил его, за это алдар убил мальчика. Леуан не обрадовался рождению второго сына Тугана, т. к. не переставал постоянно думать о том, для чего рождаются и живут бедняки, у которых нет ни отечества, ни свободы. От горя отец в конце концов умер. Алдар сделал Тугана псарем, а мать его – птичницей. Марине горевала. И пришла совсем в отчаяние, когда алдар продал в рабство кабардинскому князю очень близкую ей семью, и тогда мать и сын решаются на отчаянный шаг: они убегают от злого алдара. Однако их настигают, Тугана убивают, а мать вынуждена была вернуться к алдару. И только в результате отмены крепостного права в 1861 году она была освобождена, – уже старая, больная, одинокая, потерявшая интерес к жизни.

Во второй повести заметно эволюционируют взгляды писателя, который показывает развитие самосознания горянки: если Кызымыда кормит грудью щенка, то Марине не хочет быть рабой и активно протестует, убегает, подвергаясь смертельной опасности.

Содержание произведений Сека в целом – обостренная социальная борьба в Осетии в XVIII-XIX вв., что связано, конеч-

но же, с формированием феодального государства, распадом родовых общин, с конкретными историческими событиями в жизни народа; с присоединением Осетии к России. И, отражая частную жизнь героев, писатель раскрывал сложные взаимосвязи человека с его феодальным государством, подданным которого он являлся.

Осетинская литература, рассматривая в целом народ как социальную общность, анализировала его роль в истории.

История в сознании просветителей воспринимается как процесс движения к прогрессу. В процессе этого движения происходит борьба идей, разных политических сил, обнажаются резко противоречия между различными классами. Происходят даже социальные конфликты. И, конечно же, главный вклад в исторический прогресс вносит народ. Именно народ как социальная общность объединяет в себе на базе совместной деятельности разных людей, объединенных так же и совместной борьбой за прогрессивные преобразования общества. Так главная характеристика народа как социальной общности – единство трудовой деятельности и исторической борьбы за прогресс. Кроме того, существуют в процессе формирования народа как социальной общности и другие факторы: субъективно-сознательный, социально-психологический, духовная культура, общее сознание, этническое мировоззрение (Ирондзинад), традиции, образ жизни, нравственные ценности, духовные факторы (гордость, достоинство, вера в светлое будущее). И, конечно же, важнейший фактор интеграции людей в народ – общественное производство, совместный труд.

В творчестве Сека Гадиева также отразилась судьба народа, перспективы его исторического пути.

В сказании «Нашествие Абхазова» также разрабатывается тема нашествия войск, причем в духе подлинного исторического повествования. С документальной точностью и реалистически описываются конкретные факты и события, в частности, расправа над горцами в Саниба, разрушение вековых

родовых башен, священных мест. Бессмертным в сознании горцев остался подвиг Беслана Шанаева и его семи сыновей, забравшихся в родовую башню и принявших в сражении за родину героическую смерть. Ему не помогли жители Саниба, как и он не помог Хазби, когда отмечал праздник святилища Реком, а одинокий Хазби, истекая кровью, один отражал нашествие целого войска...

Писатель также обработал древнейшее сказание об основателях Куртинского и Тагаурского обществ «Тага и Курдта», которые упоминаются еще в книге царевича Вахушти «География Грузии». Один из братьев, Курдта, – трудолюбив, обрабатывает землю, другой, Тага, – любитель праздного образа жизни: он охотник по роду занятий. Сека дает реалистические описания тяжелого крестьянского труда. Герой его, Курдта, способен искренне удивляться миру, испытывать радость при виде созревшего и выращенного своими руками урожая. Как-то между братьями вспыхнула ссора, в результате Тага убивает двух сыновей Курдта, бежит от брата. Между братьями назревает кровная месть, но младший сын Курдта оказывается мудрее, кровники примиряются и Тага раскаивается в своей жестокости и злой воле. Так, пафосом сказания становится идея гуманизма, дружбы, братства, осуждение кровной мести как вредного социального явления, прославление созидательного труда.

Итак, в произведениях Сека Гадиева органично соединяются история и поэзия. При этом, конечно же, у писателя сформировалась своя философская концепция горской истории, основанная не на официальных источниках, которых было мало и они не были ему доступны большей частью потому, что языком русским он не владел, а на легендах, песнях и памятниках материальной культуры (развалинах башен, крепостей и т. д.).

При этом каким же новым качеством Сека обогащает поведствовательную традицию осетин? Прежде всего, в его про-

изведениях даны глубокие раздумья о прошлом народа; здесь же встречается масса пейзажных зарисовок. В процессе лепки образов определенную роль играют портретные зарисовки, мастерство диалогов, стремление дать всесторонний анализ характеров и т. д.

В исторической повести «Арагвийский алдар Эристави» раскрываются злодеяния феодала Грузии, жившего в XVII век. О жестокости и коварстве Нугзара Эристави ходили легенды. Многие аулы Нугзар превратил в развалины, разорил их, оставив одни печальные груды камней. Историческая память горцев сохранила злодеяния феодала, отразив их в фольклорных произведениях грузин и осетин, активно использованных писателем Сека Гадиевым и Александром Казбеги соответственно в повестях «Арагвийский алдар Эристави» и «Хевисбери Гоча». Александр Казбеги, темой для повести которого послужило народное сказание, отражает в своем произведении борьбу моховцев за свободу во главе со старейшиной Хевисбери Гоча против Эристави. Коварный и искушенный в интригах, Нугзар уговорил осетин Гудского ущелья выступить на его стороне в борьбе против моховцев. Одолев моховцев, Нугзар Эристави покорил и осетин.

Повесть в рукописи имеет три варианта, каждый из которых представляет сам по себе определенную ценность. 1) «Арагуйы алдар Нугзар» («Арагавийский алдар Нугзар») публикуется в рукописном сборнике «Цасты сыг» («Слеза») 1910 г. 2) ««Арагуйы Ерыстау алдар» («Арагвийский алдар Эристави») – в рукописном сборнике «Цасты сыг» («Слеза») 1911 г. 3) «Арагуйы алдар Нугзар» («Арагвийский алдар Нугзар») – написана на основе грузинской графики. Оценивая содержательно и текстологически все варианты, можно заметить, что во втором варианте, а именно 1911 года, усилены свободолюбивые мотивы, что обусловлено напряженностью политической обстановки как в Осетии, так и в России и соответственными настроениями в современном Сека Гадиеву обществе.

Действие в повести происходит еще до присоединения Грузии к России. Место действия – Гудское ущелье, где и творит свои беззаконные, бесчеловечные деяния алдар Нугзар, постепенно подчинивший себе осетин. Весьма красочно и мастерски описывает Сека битву моховцев против ненавистного алдара.

Одолев моховцев, он покорил и жителей Гудского ущелья, и установил везде свои дикие варварские порядки, вплоть до права первой брачной ночи.

Когда у бедных горцев Кызмыды и Берда, наконец-то, родился долгожданный сын, Нугзар приказал несчастной женщине кормить грудью его любимого щенка. А возвращаясь домой через село, алдар решил навестить своего щенка, который показался ему тощим и голодным. Он вырвал из рук женщины ребенка и убил его, а матери приказал кормить лучше щенка. Вскоре подросший щенок укусил женщину в грудь, и она умерла. Обезумевший от горя Берд, лишился сна и покоя. Ошалело бродя по горам, он замерзает где-то.

Писатель показывает, как постепенно, доведенный до отчаяния народ, протестует. Так, в день праздника святилища Реком пришли гудовцы к священному месту. И старейшина их Мистал Рубаев в форме хъарага (народного плача) повествует о горестной судьбе своего народа и призывает всех бороться. «Солнце над нами померкло, луна больше не светит, земля от горя дрожит, звезды подают на землю, они уже не могут смотреть на наши страдания», – восклицает он. Алдар пошел усмирять «распоясавшихся» осетин. Три дня шел бой, затем мужчины ушли в лес, а женщины и дети оставались в селе. Алдар собрал их на поляну и затоптал всех копытами своих коней. Поляна эта, названная «непис къало» (гумно алдара) и до сих пор существует в Гудском ущелье. В конце концов доведенные до отчаяния люди расправились с ненавистным алдаром. Но мало что изменилось для жителей ущелья: Нугзара сменил алдар Дзимсер Эристави, которого в конце концов тоже по-

стигла участь его предшественника. А дело было так. Попав на ночлег в гостеприимный дом братьев Бурдули, он попытался обесчестить сестру их – красавицу Тамар. В результате возмущенные наглостью гостя, братья убивают обидчика сестры.

В повести традиции фольклора проявляются довольно многообразно. Во-первых, в завязке: фабула начинается с того, что в ауле Ганис жили бездетные супруги, у которых, наконец, неожиданно рождается ребенок. Во-вторых, проявляется стремительность действия, как в волшебной сказке, и повесть насыщается различными эпизодами, частными историями-рассказами. В-третьих, писатель использует и традиционный подход исторических сказаний, когда берет определенные факты и, своеобразно интерпретируя их, использует народную точку зрения на эти факты. В-четвертых, автор прибегает к конкретике исторических фактов, сохраненных в жанре исторических сказаний. И, конечно же, место и время действия в повести соответствуют фактам реальной действительности, как их донесло поколению Сека Гадиева, т. е. к началу XX века, фольклорное сознание. В-пятых, органично в художественную ткань повествования «вписываются» разговорные интонации, в целом сказительский стиль; легенды, связанные с описанием разрушенных родовых башен и крепостей; обилие пословиц и поговорок и т. д. В-шестых, в повести используется гиперболизм, особенно при описании жестокости алдара Нугзара. В-седьмых, писатель при типизации характеров слабо использует психологизм. В то же время в повести проявляются собственно литературные традиции, традиции Коста Хетагурова. В-восьмых, – это яркая публицистичность; в-девятых, – историзм, в-десятых, – народность; в-одиннадцатых, – портретные характеристики; в-двенадцатых – пейзажные зарисовки и т. д.

Третья повесть С. Гадиева «Гудский Цыппу» вошла в рукописный сборник «Слепой певец» 1912 года и была написана на основе исторических легенд и песен о знаменитом абреке

Цыппу Такаеве. Песня же о Цыппу называется «Лаппуты зараг» («Песня юношей»). Фабула произведения в том, что Цыппу и его товарищи в Коби нанялись к купцу возить товар в Тифлис, при этом они часть товаров украли, за что их судили и сослали в Сибирь. По дороге они сбежали и вернулись в Гудское ущелье, затем, спасаясь от русских солдат, ушли в абреки, и через Ингушетию попали к Шамилю. Действие происходило в первой половине XIX века.

Осмотревшись, Цыппу и его товарищи в конце концов примирились с русскими и вернулись к мирной, нормальной трудовой жизни.

Так, в повести писатель излагает свою философскую концепцию горской истории, суть которой в том, что только в союзе с Россией горцы обретут покой и возможность достойной трудовой жизни.

Зарождающаяся в конце XIX – начале XX века осетинская литература приобретает и боевой, наступательный характер, выражая открытый протест против насилия над человеческой личностью. В этом тоже проявляется влияние марксистского этапа освободительной борьбы, первой русской революции, оказавшейся очистительной бурей в духовном бытии горцев. Весьма любопытны в этом аспекте рассказы Сека Гадиева 1907 года «Айсса», «Залда» и др.

Художественная мысль все вернее и последовательнее продолжает свою линию в изображении характера горца, все активнее продолжают характерологические поиски, которые позже заложат основу реалистических традиций, воспринявших все лучшее от фольклора и вместе с тем «размежевавшихся» с фольклорной традицией, с фольклорной системой изображения характера. Так, скажем, в рассказе «Залда» (1907) Сека Гадиева уже отчетливо выявляется тенденция ко всесторонности изображения человека, психологической дифференцированности. Уже явно нарушаются эстетические фольклорные «каноны». Характер не является носителем одной

лишь идеи. И в рассказе «Айсса» (1907) стражник – не только взяточник, он еще и лицемер, до предела жаден, коварен, глуп (хотя и тут еще проскальзывает фольклорный способ мышления автора: отрицательный герой у него только отрицателен). Впрочем, такой подход был тогда еще вполне правомерен: ведь читатель, на которого рассчитывался данный рассказ, тоже не преодолел еще фольклорный уровень восприятия и, главное, фольклорную категоричность мышления. Одна из основных закономерностей развития художественного сознания как раз и заключается в органической зависимости диалектики писательского мышления от художественной культуры народа, его социально-исторического опыта, – художественное мышление тесно связано с идеологией и общественной психологией. Необходима определенная духовная работа, определенный опыт эстетического восприятия, чтобы в конкретном социально-историческом контексте осмыслить тот или иной художественный характер и сделать его достоянием своего внутреннего нравственного мира, частью своего мироощущения, на что еще читатель не был способен.

Что же нового вносит С. Гадиев в художественное мышление своей эпохи и своего народа на столь ответственном этапе его развития? На наш взгляд, многое. Во-первых, именно с его творчеством входит в мир осетинского художественного мышления идея психологизма. «Право гражданства» в его произведениях получает описание чувств и эмоций героев. Это большой шаг в художественном становлении характера. К тому же ценно то, что, неожиданно для самого себя, Гадиев связывает идею необходимости психологизма с идеей необходимости раскрытия социальной несправедливости. Подчеркивая: «неожиданно для самого себя», мы не оговорились. Писатель действует интуитивно, ставя рядом и связывая логически эти два понятия. Ведь сам он не поднялся выше (в своем мировоззрении) стихийного, неосознанного бунта против человеческого порабощения.

И второй, очень важный момент в становлении эстетической системы реалистического обобщения. Он тоже во многом связан с проблемой динамики, развития характера: движение, становление мысли и чувства героя, намеченные у Гадиева «пунктирно». Он почти никогда не дает диалектику чувства любви, не показывает процесса «накопления» чувства. Тут фольклорно-упрощенная трактовка любви: только стоит героям впервые взглянуть друг на друга, как у них моментально вспыхивает такое страстное чувство, которое предопределяет их трагические судьбы, заставляет перешагнуть через вековые нормы морального бытия народа. Но наряду с этим, скажем, в рассказе «Залда» (1907) писатель намечает уже движение души героя. Кази, сознавая, что из-за него погибла Залда, не в состоянии дальше нести свой «крест», он должен высказаться, покаяться. И он идет на суд народной молвы. Ему не все равно, что скажут люди. Кази необходим приговор народа. Потому что сам он – малая частица этого мира. Здесь мы встретились с очень интересным, хотя и противоречивым процессом художественного синтеза. С одной стороны, Кази уже личность. Он способен осмыслить индивидуально-неповторимую значимость своего личного поступка. В какой-то мере он уже способен нравственно оценить его. Но с другой стороны, он оценивает его не как отдельный человек, а как носитель коллективного сознания.

Так, в рассказах Сева Гадиева наблюдается усложнение событийной канвы, вставки внешне драматических эпизодов (битва, всевозможные встречи с опасностью и т. д.), типично романная интрига: любовная и т. д. В то же время в весьма любопытных, приближенных к романной жанровой форме произведениях С. Гадиева выражается объективная, определенная временем и обстоятельствами, ограниченность художественного «кругозора»: в них глубинная суть конфликта не всегда раскрывается, отсутствуют психологически усложненные характеры, в развитии сюжета не всегда выдержана внутренняя

связь, логика, не всегда последовательно анализируются мотивы и поступки героев.

Тем не менее заслуга писателя в том, что он в период роста национальных литератур региона практически осуществил сложный, трудный переход к новым принципам и формам эстетического освоения действительности в ее конкретных пространственных и временных координатах, показав социальный характер национального горского бытия. При чем очень важным ценностным критерием для него явилась исходная точка критики: человек как мера вещей и явлений; движущаяся, растущая человечность как возможный, достижимый этический и эстетический идеал.

Ограниченность художественного «кругозора» писателя частично проявилась и в том, что у него открытый, внешний фольклоризм. Так, в трактовке любви у писателя наблюдается фольклорно упрощенный подход, в произведениях Сека нет диалектики чувства, нет процесса «накопления» его. Но в общем-то движение души героев у писателя уже есть. В известной мере это роднит его произведения с историческими песнями и преданиями. Много сил отдавал Сека Гадиев обработке фольклорных сюжетов, в результате появились такие произведения, как «Сон Хазби», «Бой с Абхазовым», «Тега и Курдта», «Тамара и Дедопали», «Давид-Сослан».

Что значительного вносит Сека Гадиев в развитие осетинской литературы? Во-первых, в центре внимания его всегда судьба человека, его конфликт с окружающей действительностью, конфликт между долгом и чувством, спор, борьба противоположных интересов, глубокий разрыв между желаемым и действительным. Раскрывает жизненное многообразие, позволяющее акцентировать в человеческой сути не субстанциональное, героическое, как скажем, в эпосе, а индивидуальное, оригинальное, неповторимое. В процессе типизации у Сека заметно возрастает роль индивидуализации, что позволяет констатировать тенденцию к художественному равновесию в си-

стеме характера типического и индивидуального. В общем же намечается новое качественное соотношение общего (общечеловеческого) и особенного (индивидуального) в человеке, новое художественное осмысление характеров и обстоятельств. У писателя появляется сложный сюжет и композиция, отличающиеся многособытийностью, напряженностью действия, многозначностью эпизодов. В произведениях С. Гадиева встречается стилистическое многообразие, от романтических тенденций до сатирических; причем он органически «сплетает» разнородные художественные элементы: эпичность и лиризм, публицистичность и описание «приземленного» быта. Это не случайно: писатель показывает логику возрастания сложности форм жизненного процесса. Так, раскрывая в частном явлении, характере, факте общее, он осмысляет его в контексте многих сторон и аспектов жизни. Здесь частные конфликты отражают социальные, общественно значимые, а в произведениях его полноправно входит философичность, философское осмысление жизненного процесса на земле. Народ же в них предстает как главный герой истории, ее творец и создатель.

Внутренне преобразуется традиционный материал, традиционный взгляд на человека: они приобретают ту значимость и роль, которые становятся средствами характеристики героя. Скажем, осуждение какого-то поступка с точки зрения феодальной морали (допустим, измена Залды нелюбимому мужу в рассказе 1907 года «Залда»), но тут уже из целостного содержания материала исходит иная энергия, иной пафос, осуждение переплетается с авторским сочувствием, даже заслоняется им. Четко выражается авторская позиция, его мировоззрение, его концептуальный подход к миру. Ведь он создает конкретную модель мира, показывает отдельную ситуацию, в форме единичного выражает всеобщее. Писатель как бы зримо формулирует художественный смысл нового жанрового образования, суть которого – опора человека на себя, в первую очередь, на себя и на мир, их глубинные связи. Отсюда и особенности:

интерес к частному быту, к психике, которые объясняют поступки, движущие мотивы поведения, открытие глубокого, самостоятельного содержания в сфере личных судеб людей. Освоение такого содержания требует выработки новой формы, рождения неизвестных прежде особенностей сюжета, композиции, системы образности, речи и т. д. Опыт Сека Гадиева и его современников важен как одно из первых открытий в сфере художественной структуры, из которой заметно возрастает многогранное богатство эпической формы. Он превращает «маленького человека» в центральную фигуру повествования, искусно передавая трагизм эпохи через частную судьбу. Так, единичность обобщает социальный факт: создается облик эпохи. Это существенная находка: впервые в северокавказских литературах образ времени раскрыт через частного человека, у которого новые связи со средой, и это становится ведущим художественным принципом, организующим традиционный материал.

Так, принцип «выпадения» человека из сферы общности с коллективом, человек, ищущий себя и свое место под солнцем, становится основой структуры жанра произведений Сека. У Сека в романических произведениях неизменен только сам принцип: движение, изменение характера героя при любых обстоятельствах. Сущность его жанрового образования кратко можно сформулировать как поиски справедливого начала бытия: один вопрос, сформулированный писателем, но поставленный эпохой, породившей конкретный уровень национального самосознания: буржуазное обособление человека.

В каждой «клеточке» повествования Сека-художника тесно переплетаются возвышенное и низменное, красота и уродство, добро и зло. И такое переплетение эстетики и этики в художественной практике писателя становится основой структуры его романических произведений, поскольку рождает новое художественное целое, иные связи, иную модель мира. Так, соотносительность добра и зла в разных ситуаци-

ях ставит один стабильный вопрос: чего стоит человеческая жизнь, если в ней нет ничего прочного и доброго, нет теплоты, «уютта». Такая постановка не случайна. Человек, обладающий уже личностным сознанием, но еще стоящий на низкой ступени духовной эмансипации, становится героем романических произведений Сека Гадиева, исследующего его поведение в новом универсуме, в потоке усложняющейся связи с социальной средой. Показ пробуждения исторического сознания народа, как и конкретизация пространства и времени, является ведущим критерием в определении жанровой сути произведений писателя. Поэтому его произведения – значительный шаг на пути овладения романной формой. Это закономерный этап в эволюции художественного сознания. Стабилизация новых жанровых форм – процесс динамичный, говорящий об определенной завершенности того или иного этапа в движении народа по пути прогресса его самосознания. А главное назначение, функция жанровых образований – утверждение опыта народного мышления, обобщенного в ходе этого эстетического познания объективной истины. Жанровое образование – явление историческое: в ходе познания истины оно как формально закрепленная субстанция постоянно возникает и совершенствуется. Возникновение в данных литературах разных жанровых образований, их постепенное обогащение говорит о сложности структуры самих литератур. В общей цепи развития движение в них осуществляется от простого к сложному: обогащение литературной структуры идет по пути наращивания жанровых образований и соответственно укрупнения характера героя, обогащения его эстетики.

...Художественное мышление эволюционирует. Литература стремится решить проблему создания характера человека действующего, человека-борца. Это обуславливает качественно новый этап в развитии национального самосознания народа, наиболее полно выразившийся в творчестве Коста Хетагурова, совершившего переворот в художественном мышлении

осетин, обогатив его обостренным чувством истории. Характерологические поиски привели К. Хетагурова к созданию образов положительных героев Фатимы и Ибрагима (поэма «Фатима», 1889 г.). Осмысление явлений действительности с точки зрения историзма дало мощный толчок развитию художественного мышления поэта. К. Хетагурова привлек исторически новый, перспективный тип горянки, и он воплощает его в образе Фатимы. Традиционный образ горянки – это смирение, рабская покорность судьбе (хотя уже у Сека Гадиева женщины способны на стихийный, неосознанный протест). Ведущее качество в характере Фатимы – активность. Она действует как самостоятельная личность: будучи княжеской дочерью уходит к холопу Ибрагиму. Она – счастливая женщина, любимая и любящая, свободная личность. Верность чувству историзма, высокая степень осознания социальных проблем современности заставляет К. Хетагурова с более новых позиций рассматривать и характер.

Острота чувства истории внесла с собой в художественное мышление идею классового, национального и индивидуального самосознания. Этому, то есть «пробуждению самосознания народа, и были отданы все силы ума и души Коста Хетагурова. Он продолжает стратегическую линию художественной литературы, ведет сложный творческий поиск иных качественных высот: активно используя в своем творчестве чувство истории. Новая социальная действительность диктует свои, возрастающие нравственные потребности к человеку. Эти же потребности диктуют определенную расстановку характеров на сцене истории.

Так изменился взгляд на человека. Новое художественное виденье объясняется усложнением социальной действительности, пробуждением национального самосознания.

Итак, изначально в центре внимания литературы был человек со всем комплексом сложнейших проблем его бытия. То есть с самого своего зарождения литература стремилась

художественно исследовать предельный смысл человеческого существования, всю гамму его взаимоотношений с социальной средой. При этом методологически важным моментом является художественно-философская установка литературы – рассматривать мир «как органическое «целое», поскольку, как писал Н. Лосский, целое первоначальнее элементов».¹²² И эта установка была важна для формирующейся литературы, для ее миропонимания и своеобразия миротрактовки, что ярко проявлялась как в процессе созидания художественных характеров, так и в логическом обосновании поступков героев и их поведения в целом в сюжетном пространстве. Словом, литература целенаправленно вела творческий поиск изначальной целостности, из которой и рождается в художественном произведении все многообразие проявлений человеческого характера.

Очень важно, что первые осетинские писатели, которые почти все были и просветителями, как мы подчеркивали, осознавали, что человек как предмет познания, в том числе и художественного познания, требует к себе комплексного, системного подхода. Поэтому они исходили из того, что разные отрасли духовной культуры (философия, наука, искусство, религия) предлагают свои пути познания. И, отличаясь друг от друга только спецификой своих средств, формируют общий, комплексный метод познания человека. Каждая из данных сфер созидает свои подходы, принципы знания о человеке.

Благодаря такому целостному подходу и формировался в осетинской литературе концептуально-философский взгляд на человека, опирающийся на фундаментальные, базисные составляющие сущности его и его бытия: смысл и способ существования человека в мире, абсолютные ценности в нем, оправдывающие это его существование, исторические перспективы бытия человека и т. д.

Этно-национальное своеобразие осетинской литературы, идущее еще из богатейшей эстетики фольклорного типа ху-

дожественного сознания осетин, заключается в том, что она, зародившись в буржуазную эпоху, отразила в себе этническое мировоззрение осетин не только данной конкретной эпохи, но и частично некоторые фундаментальные, судьбоносные представления и ценности прежних типов этнического мировоззрения предков осетин, т. е. первобытности и феодальной эпохи. И это не случайно. Дело в том, что литература как специфическая сфера общественного сознания, не могла не отразить всю гамму этого самого общественного сознания, идеологии, в том числе и обыденного сознания. А в обыденном сознании горцев в XIX веке сохранялись еще основные представления эпохи первобытности, обусловленные спецификой бытия первобытных людей. Итак, в обыденном сознании осетин в XIX веке продолжала существовать убежденность в приоритете ценности семьи, фамилии, рода. Обусловлена эта убежденность была неразделенностью, синтезом первобытного сознания, частично сохраненного в XIX веке. Род продолжал восприниматься как единство во множестве. Но профессиональная художественная литература сумела отмежеваться от ограниченности обыденного сознания. И это ярко отразилось в художественной концепции личности, которая формировалась на принципе конкретности, архиважности человеческого бытия. Так же отразила литература историчность сознания, путь исторического прогресса, результатом чего становится постоянно растущий человек, эволюционирующий тип личности, что особенно проявилось в начале XX века, когда активизировалась социально-политическая мысль в осетинском обществе.

Особенно активным оказались большевики во главе с С. М. Кировым, приехавшим во Владикавказ в 1909 г. и сотрудничавшим в газете «Терек». По его инициативе в газете помещались материалы, посвященные творчеству К. Хетагурова, произведения А. Гулуева, драматурга Д. Кусова, писателя Дз. Гатуева, поэта и публициста Г. Цаголова. В газете постоян-

но печатались статьи и очерки о положении масс А. Гассиева, С. Такоева, Г. Дзасохова, В. Абаева и др.

Большое влияние на развитие культурного процесса в России имели статьи С. М. Кирова о Толстом, Достоевском, Островском, Некрасове, Салтыкове-Щедрине, Тургеневе. Все это формировало вкусы осетинских читателей. Значителен его вклад и в развитие театрального искусства Осетии. Он внимательно и заинтересованно следил за репертуаром Владикавказского театра, за ростом мастерства актеров, формированием их мировоззрения, разумеется, выполняя поручение своей партии. В развитии этико-эстетической мысли общества С. М. Киров ориентировался на утверждение принципов реализма и гражданственности, борьбы против декадентских тенденций.

Тогда же продолжал трудиться Г. М. Цаголов, который поднимал насущные проблемы жизни горцев: земельный вопрос, налоговую политику, правовое положение горских народов, нужды просвещения горского населения и другие.

Он резко критиковал пороки самодержавия, называя буржуазную цивилизацию «лакейской», колониальную политику царизма, деятельность торгово-ростовщического капитала, наличие патриархальных пережитков (калым, поминки, кровную месть и др.), перенаселенность горных ущелий с их суровыми природными условиями, т. е. все то, что усугубляло тяжесть положения горцев.

В статье «Культурное движение среди осетин» Г. Цаголов призывал осетинскую интеллигенцию задуматься над вопросом о смысле жизни, над тем, кому она служит? Утверждения о том, что она работает «для родины, для народа, для Осетии,» – признак аморфности ее политических идеалов, полагал он, ведь «родина, народ, Осетия» – нечто туманное, расплывчатое, неясное, трудно осязаемое. Ведь в этой родине, в этом народе, в этой самой Осетии.... в настоящее время благополучно существуют группы с самыми противоположными интересами». А потому интеллигенция должна встать на защиту интересов

народа. Словом, Г. Цаголов требовал революционной ломки социальных устоев «края беспроектной нужды».

Г. М. Цаголов боролся за всеобщее образование, выступал за открытие новых светских школ и очагов культуры, за обучение детей на родном языке, при этом подчеркивая и прогрессивное значение русского языка, необходимость глубокого изучения его в осетинской школе.

В начале века активно выступал и А. Гассиев. В рукописи сохранились его работы: «Осетинская грамматика, критически и сравнительно обработанная», «Этимологический словарь осетинского языка с пословицами, идиомами и сравнительно-филологическими замечаниями», «Задачи устройства быта сельского населения на Кавказе» и др.

Продолжал работать и Г. Б. (И.) Дзасохов. Он окончил церковноприходскую школу, Ардонскую семинарию и Казанскую духовную академию. Вернувшись в 1905 г. на родину, Дзасохов был вовлечен в водоворот революционных событий, стал редактором первой во Владикавказе социал-демократической газеты «Искра» – органа меньшевистского Терско-Дагестанского комитета РСДРП. Но вскоре Дзасохов был арестован, осужден и отправлен в ссылку. Поражение революции 1905-1907 гг. вызвало в нем растерянность и пошатнуло веру в возможность освобождения горцев.

Проблемы школьного образования затронуты в таких его статьях, как «О женской учительской школе Осетии», «О просвещении инородцев», «О конечной цели воспитания и образования», «Школа и жизнь», «Заветы Пирогова-педагога», «О просвещении мусульманского населения», «Среднее образование среди горцев» и др.

Много сил и времени Г. Дзасохов отдавал литературной критике. Он составил книгу К. Хетагурова, вышедшую из печати в 1909 г.

Умелым литературоведом-критиком он показал себя, анализируя творчество русских писателей. Часто публиковались

его литературоведческие статьи в газетах «Казбек», «Терек», «Приазовье», «Южный телеграф» и др. Это его брошюра «Русское общество в произведениях Антона Чехова», очерк «Короленко среди современных писателей», текст его публичной лекции «Достоевский и Ницше», статьи: «О художественном таланте А. П. Чехова», «О реалистическом модернизме в современной беллетристике», «Настоящее русской литературы», «Письма к друзьям» и др.

Во всех своих статьях он верно определяет особенность передовой русской художественной литературы, ставшей своеобразной трибуной общественно-политической и философской мысли эпохи. Это ее призвание служить народным интересам и способствовать тем самым общественному и историческому прогрессу, полагал публицист.

В деле просвещения народа и становления его национального самосознания большую роль сыграл Х. А. Уруймагов. Будучи учителем, он был последовательным сторонником идей демократической общественно-педагогической мысли России; сторонником народной школы, свободной от «религиозных, сословных и государственных» ограничений и предрассудков, ведь цель ее – всестороннее гармоническое развитие всех способностей человека. В своих публицистических статьях: «Школьное дело в Осетии», «Как христиановцы лишились школы», «Учебники в осетинских школах», «О значении осетинских школ в сельскохозяйственном отношении», «Начальная школа в Осетии» и др. Х. Уруймагов пропагандировал высокое назначение осетинской школы, утверждал ее великую роль в формировании духовности и нравственности народа.

При этом Х. Уруймагов отдавал себе отчет в том, какую колоссальную работу нужно выполнить, чтобы создать почву, «благоприятную для умственной жизни народа и духовного его развития». А потому и вопрос о народном образовании, как он полагал, «есть самый важный, ведь в его разрешении

лежит создание тех условий, от которых зависит успех всякого народа на пути прогрессивного движения».

Г. Дзагуров родился в 1888 г. в с. Христиановском в семье учителя. Окончив Владикавказское реальное училище, он поступил на филологический факультет Харьковского университета, который окончил в 1912 г. Тогда же был направлен в Забайкальскую область, где проработал до 1917 г., и вернулся домой. К тому времени он успел собрать ценный фольклорный материал, составить список осетинских слов с переводом на русский язык для словаря В. Ф. Миллера, написать статью «Об ударении в осетинском (дигорском) языке», которая была высоко оценена В. Ф. Миллером.

Такова была общественно-политическая мысль в Осетии в начале XX в., отраженная в сознании и поступках лучших представителей интеллигенции. Итак, во второй половине XIX в. в осетинской культуре появились фигуры ренессансного типа – энциклопедически развитые, воплотившие в себе основные тенденции культурно-исторического развития. Такие, как К. Хетагуров, М. Туганов, – творческие индивидуальности «возрожденческого» типа, составившие единую культурную эпоху, целостный культурный стиль национальной жизни. Они во многом определили внутреннюю логику развития осетинской культуры, духовности, нравственности.

В конце XIX – начале XX в. сформировался новый качественный этап в осетинской культуре как относительно самостоятельной системе. Относительная самостоятельность различных сфер культуры (музыки, изобразительного искусства, поэзии, публицистики, театра и т. д.) проявилась и в осознании собственной специфики, своего языка, и в формировании форм нового синтеза (театра, например), и в концептуализации понятия «творчества», и в представлениях о свободе творчества, ответственности творческой индивидуальности. А понимание критериев творчества шло из области художественной культуры и религии, философии, нравственности,

политики, идеологии, социологии и вело к самой социальной практике, т. е. к реальной жизни. Свою роль сыграло, конечно, и переосмысление традиций русской демократической общественной мысли, послужившей благодатной почвой для новых форм культурного синтеза, как в центре России, так и в национальных окраинах. Суть понятия «творчества» вбирала в себя много компонентов: искусство (как индивидуальное творчество), философию, мораль (как способ существования творческого разума) и социальность (реальность).

Разумеется, целостный стиль культуры как и всей духовности, нравственности на рубеже XIX и XX в., в начале XX в. во многом был детерминирован спецификой национально-этнического мировоззрения, каким явился Ирондзинад буржуазного типа.

Тенденции же пересмотреть ценности прошлого, выработать новый подход к культуре, к жизни порождали острые противоречия, внутреннее напряжение культурно-исторической эпохи и вели к формированию новой системы ценностей. Коста Хетагуров воспринимал творчество как духовное обновление, как культурно-нравственный переворот. В начале XX века Цомак Гадиев и его современники и единомышленники, также понимали творчество как культурно-нравственный переворот, отменяющий старые художественные формы, рождающий новые, доселе невиданные.

Итак, как мы уже отмечали, этико-эстетический идеал имеет национальное своеобразие. Любой народ формирует свои специфические, присущие только ему представления о добре и зле, прекрасном, возвышенном, трагическом, комическом и безобразном в жизни. Анализ конкретных жизненно важных проблем, этических и эстетических категорий, воплощенных в художественных произведениях осетинских писателей и поэтов исследуемого нами периода, дает возможность полнее раскрыть их этические и литературно-эстетические взгляды.

Уже в конце XIX в. обостренный интерес вызывают в общественном сознании такие фундаментальные этико-эстетические понятия, как проблемы разума и любви в человеческой жизни, каноничность традиций. В связи с этим как раз осмысливались творческими людьми вопросы о художественном методе, особенностях восприятия искусства, реализации на практике этических и эстетических категорий. Словом, закладывались основы этики, эстетики и литературоведения, теории литературы, искусствознания.

Если художественная литература и искусство в сути своей формируемы художественным сознанием народа – субъекта, творца духовно-нравственных и художественных ценностей, то литературоведение и искусствоведение вполне трактуемы как самосознание художественной литературы и культуры в целом. У осетин, одного из древнейших народов, обладающего значительной художественной культурой, рождение литературы, а следовательно и литературоведения как ее самосознания, было вызвано объективными факторами культурного ренессанса, который особенно ярко проявил себя в конце XIX – начале XX вв. Это пробуждение национального самосознания, исторического сознания, когда особенно обострился интерес общества к истории Осетии. Начала формироваться философская мысль, открывались храмы, музеи, школы. Менялось отношение к печатному слову, к книге, к литературе. Развивались библиотечное дело, книгоиздательство, периодика. Все это вело к становлению осетинской интеллигенции. В конце XIX в. появились художественные объединения, общества, проводились диспуты, организовывались выставки.

В среде интеллигенции утвердилось представление о школе, библиотеке, музее как социальных институтах культурной преемственности, а о письменности – как главном ее инструменте, средстве передачи опыта от поколения к поколению.

Происходил в конце XIX в. сложный историко-художественный процесс, в котором осетинская культура формиро-

валась как системная целостность, приобретала подлинные черты общенационального развития. Объективно продолжалось культурно-национальное строительство.

В развитии осетинской художественной литературы и рождении будущего литературоведения определенную направляюще-ориентирующую роль сыграла концепция изображения горского национального характера в произведениях просветителей.

Литература обогатила формирующееся художественное сознание мощным влиянием русской культуры, которое продолжается и по сегодняшний день. Культурно-исторический процесс органично связан с именем К.Л. Хетагурова, основоположника осетинской литературы, осетинского литературного языка, как мы уже подчеркивали. Итак, искусство и литературу он рассматривал как сферу сосредоточия всех нравственных, художественных и эстетических проблем, во-первых, и, во-вторых, как социальный феномен, который активно влияет на ход общественного развития в целом. А потому и задачи литературы и искусства Коста рассматривал как практическое распространение реального просвещения, как нравственно-духовное и индивидуальное развитие личности и общества в целом.

Коста также заложил основы осетинской литературно-художественной критики. В дальнейшем на протяжении всей истории осетинского литературоведения, даже и по сей день, фундаментальный подход Коста к пониманию многих основополагающих понятий и принципов литературы и искусства, продолжают только развиваться, не теряя ни своей актуальности, ни своей остроты.

Большую роль в зарождении осетинского литературоведения внес и Гаппо Баев, как мы уже отмечали в предыдущих главах.

Он писал критико-биографические статьи о Коста Хетагурове, Александре Кубалове, Георгии Цаголове и Цоцко Амбалове. В них ярко проявились его эстетические взгляды.

Впоследствии интеллигенция, ориентируясь на высокие образцы требований, предъявляемых Коста Хетагуровым, продолжала его традиции. Надо заметить, что в начале XX в. складывалась не простая социально-историческая ситуация. И тому были свои причины: идеология марксизма проникала в общественное сознание горцев. Вскоре грянула и первая русская революция. Вместе с тем успешно развивалась осетинская литература. Нелегко складывались судьбы талантливых писателей Ц. Гадиева, Е. Бритаева, Г. Баракова, А. Токаева, Нигера (И. В. Джанаева), Г. Малиева, С. Баграева, Ч. Беджызаты, С. Кулаева и др. Тем не менее, весьма активной была литературно-культурная жизнь во Владикавказе. Формировались творческие коллективы: «Владикавказский кружок любителей драмы и музыки» (1917), «Осетинское историко-филологическое общество» (1919). Первые самодеятельные драматические кружки (1904-1905) сыграли значительную роль в пропаганде пьес Е. Бритаева, Д. Короева, Р. Кочисовой и др., в постановке переводов произведений Лермонтова, Островского, Гаршина, Вересаева, Казбеги, Андерсена, Гогобашвили, Цагарели и др.

Уже к началу XX в. осетинская культура восприняла традиции русской культуры, что способствовала диалектике и динамике связи национального и общечеловеческого. Искусство рассматривалось как средство познания и отражения действительности и художественно-эстетического, нравственного воспитания масс. Отсюда необходимость утверждения принципов народности и самобытности искусства, проблема связи художника с народом, изображения роли личности в искусстве, соотношения национального и общечеловеческого в искусстве и др.

Так, осетинское искусство развивалось, совершенствовалось, формировались этические и литературно-эстетические взгляды, представления и концепции. При этом важнейшей задачей литературы и искусства являлось пробуждение народного самосознания, воспитания гуманизма, патриотизма и

гражданственности, пропаганда идей просвещения, прогресса и свободы. Конечно, на становление подобных взглядов влияли литературно-эстетические принципы осетинских писателей и прогрессивная этическая и эстетическая мысль народов России. В основе их этики и эстетики легли базисные положения просветительского искусства, в частности, решение проблемы гуманизма в искусстве, специфика раскрытия духовного мира личности, духовной культуры народа, глубины души человека.

Важную роль сыграли демократические газеты и журналы в формировании мировоззрения представителей осетинской культуры. На их страницах разрабатывались вопросы о сущности искусства, о его роли в жизни общества, в духовной деятельности людей, о его специфике.

Рождалось представление о назначении искусства – его служении народу, о том, что оно должно быть доступно широким слоям населения; что оно должно достоверно и правдиво отражать духовное богатство народа, должно преобразовывать взгляды, мысли и чувства человека, – т. е. активно участвовать в преобразовании мира в лучшую сторону, в сторону прогресса.

Рост самосознания народа под влиянием искусства стал своеобразным условием выхода из тяжелого положения глухой отсталости. В определенной мере помогло посмотреть объективно на историю, дать верную оценку культурным ценностям своего народа. То есть искусство уже расценивается как активная преобразующая сила, способная вдохновить человека, обогатить его душу и тем самым действительно влиять на процессы, происходящие в обществе в столь сложную эпоху. Тем самым признавалось общественное и благотворное воспитательное значение национального искусства, его миссия художественного освоения мира, которая по мере накопления эстетических ценностей только усиливается, давая возможность широким массам созидать, заниматься творческой

деятельностью. Таким образом, активно утверждалась сама мысль о тесной связи искусства с жизнью; о том, что оно является отражением человеческого духа.

Анализируя такой вид искусства, как музыка, в частности, народные песни, М. Туганов отмечал их специфические особенности. Исходя из конкретной истории народа, он подчеркивал, что народная музыка является видом искусства, выражающим идеи, дух народа, его мысли, чувства, побуждения и мечты. М. Туганов также отмечал, что она в полной мере отражает психологию народа, его художественную мощь и восприятие красоты, величие. Важно, что он подходил к пониманию сущности искусства с позиций историзма, классовости и народности, его специфики – с научных позиций. С его точки зрения, специфика искусства укладывается в схему: объективная действительность – художник (творец) – его художественное произведение – человек, воспринимающий искусство. Сформулированные им важнейшие положения об искусстве являются ценными как для эстетической мысли начала XX в., так и в формировании эстетических взглядов творцов последующих поколений.

Художники мысли и чувства свои передают посредством образов, полагал он. При этом литератор эти образы создает словами, художник – красками, музыкант – звуками. Стало быть, в способе выражения смысла души, образа он видит отличительную особенность одного вида искусства от другого.

Искусство, выражая духовную сущность народа, его этическое и эстетическое сознание, национальный дух, рассматривалось как одна из форм общественно-эстетического сознания.

Научная мысль в Осетии начала складываться во второй половине XIX в. под благотворным влиянием русских ученых В. Ф. Миллера, М. Ковалевского, Д. Лаврова и др., пробудивших глубокий интерес к исторической судьбе родного народа в изменившихся социально-политических и экономических

обстоятельствах в передовой части осетинской интеллигенции. Они по существу изменили общественное сознание эпохи, неизмеримо обогатив его.

Продолжая глубокие аналитические традиции историко-этнографического исследования, заложенные в очерке «Особа» К.Л. Хетагурова, создают свои труды по вопросам экономики и культуры Осетии такие публицисты, как А. А. Гассиев, М.К. Гарданов, Г.М. Цаголов, Г.Б. Дзасохов и др. Большой интерес представляют книга М. Гарданова «Социально-экономические очерки (Современная Северная Осетия)», 1908 г.) и книга Г. Цаголова «Край беспросветной нужды» (1912 г.), в которых используются статистические методы анализа и на большом фактическом материале сделаны серьезные научные обобщения.

В то же время закладываются основы научного литературоведения, в котором четко просматриваются особенности народного нравственно-этического сознания. Так, Г. Дзасохов пишет статьи о творчестве Коста Хетагурова, дает анализ произведений многих русских писателей, особо подчеркивая их нравственно-этические искания.

В 1903 г. Баев публикует свой очерк «Осетинский дивизион», посвященный исследованию боевого пути дивизиона в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. В том же году вышла книга А. Н. Кодзаева «Древние осетины и Осетия», которая, однако, уже тогда передовой интеллигенцией не была воспринята как научная история народа.

Через 10 лет, в 1913 г. увидела свет «История Осетии» («Иры истори») Ване Темирханова, явившаяся свободным пересказом некоторых исторических событий с довольно субъективной их трактовкой автором. Она, конечно, тоже не могла отвечать насущным потребностям передовой интеллигенции в области научного знания, знания истории, культуры, фольклора, этнографии.

В начале XX в. на развитие общественной мысли в Осетии

свое заметное влияние оказывали идеи русского революционно-освободительного и социал-демократического движения. Идеи марксизма-ленинизма особенно активно приносили в освободительное движение осетинского народа с 1905 г., что связано было с началом первой русской революции. На рост классового и национального самосознания осетин влияли и революционно-демократические традиции Коста Хетагурова, которые молодое поколение интеллигенции продолжало в новых исторических условиях. Однако же и это поколение, как и старшее, руководствовалось такими моральными и идейно-политическими факторами, как любовь к Родине, верность интересам трудящихся, самоотверженность в борьбе за свободу и счастье родного народа, приверженность принципам патриотизма и пролетарского интернационализма, стремление создать подлинно народную, демократическую культуру. Это молодое поколение уже ориентировалось на теорию марксизма. Это существенно определило и новизну в развитии этической мысли и национальной культуры. Пришли в движение дремавшие прежде духовные и интеллектуальные силы народа, что способствовало формированию самобытного характера культуры, которая жадно впитывала в себя опыт и традиции более прогрессивной русской культуры. Это закладывало основу для формирования марксистской этики в Осетии. Первым переводчиком «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса на осетинский язык явился активный деятель одного из владикавказских социал-демократических кружков Б. А. Туганов. Выходец из благородных дигорских баделят (феодалов), сын генерал-майора, он учился во Владикавказской прогимназии, затем окончил Ставропольскую гимназию. Порвав со своим классом и перейдя на сторону народа, усердно изучал экономические и юридические науки, философию, художественную литературу; сам пробовал писать. Взявшись за перевод «Манифеста», Б. Туганов стремился ознакомить трудящихся

осетин с его идеями, помочь народу осознать свои классовые интересы. К переводу он приступил в 1906 г., но не закончил его, т. к. был арестован.

Этико-философские взгляды Б. Туганова базировались на его мировоззренческих принципах. Так, он утверждал право личности на социальную свободу, на достойную жизнь, равенство женщины и мужчины, утверждая новое понимание народных представлений о прекрасном и возвышенном, благородном и низменном, трагическом и комическом, о добре и зле.

Во Владикавказе возникли любительские театральные, музыкальные, художественные кружки. Любительскими спектаклями руководил выдающийся русский режиссер Е. Б. Вахтангов.

Осетинский кружок любителей театрального искусства поставил спектакли на осетинском и русском языках: драму «Хазби» Е. Бритаева, оперетку «Фаризат» А. Кубалова, «Дети гор» Д. Кусова, «Осетины в России» Хубаева. Как отмечали «Терские ведомости», по содержанию и «по количеству действующих лиц» драма «Хазби» превосходят «все, что доселе появлялось в этом роде на осетинском языке». В постановках участвовали Коста Хетагуров и Евгений Вахтангов. Спектакли ставились в благотворительных целях, для создания фонда по изданию газеты на осетинском языке, для оказания помощи осетинской молодежи, обучающейся в России, а также для обшгородских нужд.

На постановки осетинского театрального Кружка собирались не только городские осетины, съезжались и сельские жители. И они сопровождались осетинскими танцами, а со временем, а впоследствии когда среди зрителей появились грузины, русские, армяне и другие горожане, спектакли завершались декламацией стихотворений, лотерей-аллегри, «летучей» почтой, европейскими танцами другими современными формами городской культуры.

К 1913 г. Во Владикавказе работало уже четыре библиотеки: общественная, Пушкинская, читальни на Базарной площади и за Чугунным мостом. Содержались они в основном на средства общественности, т. к. от Городской думы получали всего лишь небольшие субсидии.

Культурно-просветительские, научные, театральные, литературно-художественные и спортивные общества составляли группу, которая чаще всего носила массовый светский и межэтнический характер. Пропагандируя образование, светский образ жизни и культурный досуг, эти общества способствовали развитию искусства, моральных представлений, научного мировоззрения и расширению кругозора.

Проза. Больших успехов добилась в начале XX века молодая осетинская литература.

Осетинские писатели и поэты до октября 1917 г. в качестве важнейшей творческой задачи рассматривали критику фундаментальных основ существующего строя и его разрушающего воздействия на жизнь, судьбу и характер горца. В результате в начале XX века активно развивается в осетинской литературе критический реализм. И соответственно писатели и поэты в своем творчестве выдвигают в качестве важнейшего критерия художественности своеобразие воплощения социального конфликта.

Одним из значительных осетинских писателей начала XX в. был Арсен Коцоев.

А. Коцоев умел мастерски изобразить драматизм ситуации, который легко перерождался в трагизм.

Коцоев пришел в литературу еще в 900-х годах, испытывав влияние русских писателей Пушкина, Гоголя, Тургенева, Л. Толстого, Чехова, М. Горького. Будучи мастером короткого рассказа, писатель проявил высочайший реализм, народность, патриотизм. Школа журналистики помогла ему зорко всматриваться в жизнь, замечать самые актуальные вопросы. Первые его произведения 1901-1902 годов были посвящены

показу вредных отсталых обычаев: рассказы «Фидис» («Злая насмешка»), «Хин» («Колдовство»), «Тур».

Сюжет рассказа «Фидис» или «Ранним утром» прост: большого старика Таймураза злой насмешкой оскорбляет сосед за то, что он не может отомстить за убитого 5 лет назад сына. И старик посылает на явную гибель своего 15-летнего сына Саукудза. Юноша, с радостью вступающий в жизнь, вынужден убить двух братьев кровника Батраза и гибнет сам. А Батраз врывается в дом немощного Таймураза и в постели убивает его.

Эту же тему – тему бессмысленности и жестокости кровной мести писатель поднимает и в рассказе «15 лет» (1901). Кавдын ждал 15 лет случая. А было дело так. На танцах он нечаянно задел девушку, и ее братья отрезали ему ухо в качестве мести. Когда подрос сын обидчика, Кавдын убил его. Но радости от совершившейся мести он не испытал.

В 1909-1910 годах А.Коцоев активно сотрудничал в «Тифлисском обществе культурно-просветительской деятельности среди осетин». В 1910 году под его редакцией выходил общественно-литературный иллюстрированный журнал «Афсир» («Колос»). В этом журнале А. Коцоев напечатал несколько рассказов, помещал фельетоны и статьи на темы просвещения. В 1912 году А. Коцоев, работая корректором газеты «Правда», напечатал в ней несколько рассказов в переводе на русский язык под псевдонимом Арсен Дарьяльский («Помечтали», «Товарищи»). В этих рассказах писатель показывал произвол царских чиновников, жадность духовенства, бичевал вредные обычаи. В рассказе «Охотники» (1901) писатель нарисовал портреты двух бедных стариков – Тедо и Симона, которые вынуждены сносить всяческие унижения и оскорбления от князя Михо и его свиты. Тип жадного кулака Хосдзау рисует он в рассказе «И так бывает». В «Пасхе Гиго» (1910) он разоблачает жадного и хитрого попа Иосеба. А. Коцоев – мастер художественного слова, создает красочные картины, зло смеется над человеческими пороками.

Арсен Коцоев действительно стремился своим писательским оком охватить явления многоликой жизни, четко разрабатывая в своих произведениях острые социальные конфликты.

В очерке «Осетинская женщина» другой замечательный осетинский писатель Цомак Гадиев еще в 1908 году писал с возмущением и болью о бесправии осетинки, стремился пробудить в ней желание протестовать против социального и семейного гнета, вызвать в ней потребность бороться за свои человеческие права и свободу. И с этой целью ставил ей в пример женщин России, поднимая вопрос о необходимости организации женских кружков и обществ, о революционном преобразовании жизни.

За подобные смелые призывы писатель был сослан в 1910 году в Сибирь, где пробыл до 1917 г. Получив столь суровый жизненный опыт, Ц. Гадиев решил обобщить его, написав повесть «На путях тюрьмы и ссылки». Но повесть не была написана: сохранились только ее плановые наброски. Однако он написал другую повесть под названием «На месте причисления (эскизы)». Повесть в значительной мере автобиографична: в ней изображается нелегкая судьба переселенцев, жизнь, и быт людей Сибири, красота ее природы. Перед нами всплывает образ старика, некогда сильного, красивого, но которого 30 лет жизни на поселении в тяжелых условиях просто высушили. Как говорит сам старик, практически «убил тут жизнь», и теперь его удел – «страшная одинокая смерть». Так же печальна участь старухи-бродяжки, мечтающей попасть в богодельню. Главный же герой повести, от имени которого ведется повествование, становится на путь революционной борьбы.

Осетинские писатели в начале XX века, разделяя революционно-демократические настроения, царившие в умах всех слоев осетинской интеллигенции, способствуя интенсивному развитию общественной мысли и художественной культуры,

в частности, литературы. Ускоренному развитию осетинской литературы способствовали умонастроения еще живого К. Хетагурова, традиции которого успешно осваивались и развивались в произведениях таких самобытных писателей, как С. Гадиев, А. Коцоев, Е. Бритаев, Ц. Гадиев, И. Арнигон и др.

Но развитие литературы в эти годы шло неравномерно. Если в годы революционного подъема наблюдался бурный рост литературы, которая успешно решала задачи революционной пропаганды, в связи с чем развивались проза, поэзия, драматургия, то в годы реакции, последовавшей после разгрома революционного движения в 1907 г., и первой империалистической войны 1914 г. наблюдается уныние, разочарование в настроениях писателей.

Следующий душевный подъем испытали они только после октября 1917 г. и гражданской войны. И связан он был с большими надеждами на лучшее будущее для себя и своего многострадального народа. А потому принимали активное участие в борьбе за утверждение и развитие новых социалистических форм народной жизни.

Основоположник осетинской драматургии Е. Бритаев после годичного тюремного заключения также был выслан из Осетии. Прозаик А. Коцоев, редактор журнала «Афсир» («Колос»), после закрытия журнала, вынужден был покинуть родину и вернулся домой лишь в 1918 г., «соскучившись по черному хлебу родных гор». Поэт И. Арнигон бежал от преследований администрации Терской области в Маньчжурию. Кроме того, в 1905 г. в сражениях русско-японской войны погиб Б. Гурджибеков, в 1906 г. скончался К.Л. Хетагуров, в 1910 г. – Р.Кочисова, первая женщина-драматург.

Первый осетинский роман, по всей видимости, принадлежал перу К. Хетагурова, однако рукопись его была утеряна. О факте его существования свидетельствует объявление, помещенное в газете «Казбек» от 18 января 1902 г.: «Как заявил Коста Хетагуров 16 января полиции, им утеряна папка с гото-

выми к изданию рукописями романа и пьесы «Дуня». Далее следы романа безвозвратно утеряны».

Роман «Абреки» Г. Цаголова был написан еще в 1913 г. Однако дошли до нас всего несколько глав его. Но и они дают достаточно полное представление о содержании и проблематике романа.

Сюжет его, по всей видимости, был довольно крутым и занимательным.

...Из сахалинской тюрьмы бежал каторжник, осетин Кудайнат Назигинов. И здесь, в родном селе героя, озадаченно всполошились представители власти: стражник и старшина, получившие секретное донесение. В нем предлагалось устроить негласное наблюдение за домом беглеца: авось, заявится. Страшно недовольные тем, что нарушилась их спокойная, сытая и размеренная жизнь, блюстители порядка поспешили выполнять приказание высшего начальства: что-то, но создавать видимость бурной деятельности эти чиновники, однако же далекие от истинных идеалов добра и гуманизма, умели.

А тем временем на пароходе плыли два пассажира, привлекающие к себе внимание. Одежда их была явно российская, однако по типу лица в них можно было признать туземцев. Узкоглазый (это был караногаяец Али) восторженно смотрел по сторонам. Спутник же его, невысокого роста, несколько сухощавый, с довольно явными на всем лице и теле следами трудового, полуголодного существования, словно и не слышал что говорил Али, – так далеко, казалось, были его мысли. Это и был беглый каторжник Кудайнат.

Далее как пролог звучит и диалог двух путников, Али и Кудайната, которые ведут герои, задумчиво глядя в набегавшие на борт парохода волны и внимательно обдумывая свое дальнейшее житье-бытье. Оба понимают: скоро расстанутся, расстанутся навсегда, и каждому придется нести дальше в жизни свой «крест». Чувствуется, обоим не сладко пришлось в жизни, хлебнули они горя. Но потому чувству дружбы и вни-

мания, любви, которые они проявляют друг к другу, можно сказать, что не очерствели они душой, не потеряны они для жизни, что вполне возможно их воскресение во имя высоких идеалов добра и справедливости. Сам Кудайнат удивился новому ощущению в своей душе, услышав в цирке заунывную русскую песню.

Роман обрывается на том, как два товарища, Али и Кудайнат, по прибытии парохода идут в цирк и тут Али замечает, как за ними внимательно наблюдает человек.

О дальнейшем сюжетном развитии романа, как и судьбе и характере Кудайната, можно судить по диалогу между Али и Кудайнатом.

Легко просматривается дальнейшая судьба героя: видимо, абреческая. Тем более, что проблема абречества в то время была очень важной и актуальной. В романе писатель продолжает развивать свои принципы трактовки формирования национального характера горца, которые Г. Цаголов активно утверждал в эти годы и в своих публицистических статьях.

Узловые проблемы, которые на определенном этапе развития общественного и художественного сознания образовали жанр романа, в частности, роман «Абреки», а именно: размышления о судьбах народа, нации, ее историческом духе, настоящем, забота о будущем его и т. д., вначале формировались в публицистике писателя, в его очерках. И жанры эти свое дело сделали: создали общественно-психологический климат вокруг данных проблем. Взбудоражили общественное сознание, активизировали в нем новые искания, новые процессы и этим тоже готовили рождение романа.

Имея ввиду такую ориентацию публицистики Г. Цаголова и направленность его ума, не трудно понять и социально-психологическую проблематику, обусловившую его романное мышление. Поэтому и не трудно догадаться, почему и как мог оказаться в сибирской ссылке спокойный мирный горец, способный и после всех жизненных испытаний тонко чувствовать

красоту, душевность и напевность русской песни. Злой рок и чужая недобрая воля, видимо, были причиной, загубившей судьбу человека, рожденного для мирной трудовой жизни.

Так зарождающийся жанр романа пытался реалистически отвечать на актуальные вопросы национальной жизни.

Поэзия. В эти сложные предреволюционные годы в литературу пришли и новые, талантливые люди. Это поэты Г. Малиев, А. Гулуев, Ш. Абаев, И. Хубаев, Нигер (И. Джанаев), С. Баграев, Г. Бараков, Ч. Беджызаты, С. Кулаев и др., ставшие затем классиками осетинской советской литературы.

До революции в их творчестве звучали нотки горестного переживания о судьбе родины, жажда перемен и предчувствия грозных событий в общественной жизни и сознании масс.

В солдатской песне «Ранним утром», сложенной на турецком фронте Г. Бараковым, звучат идеи бессмысленности кровопролития и рождается глубокая гуманистическая мысль о том, что жизнью жертвовать стоит лишь во имя желанной свободы.

Нигер (И. Джанаев) в «Думах Осетии», призывал народ искать новые пути-дороги в будущее:

Где же ты, спасенье нашей родины?!
О мой народ, надейся, жди –
И, помня о дорогах пройденных,
Гляди на то, что впереди!

(Перевод Л. Озерова).

О желанной свободе пишут Ч. Беджызаты и С. Кулаев, С. Баграев и др. Мечтает о «солнечной весне» Г. Малиев:

О капли дождевые,
Предвестницы весны,
Рассейте мрак душевный
И сердца злые сны.

(Стихи написаны на русском языке).

В 1905-1917 гг. на осетинском языке появляются драматургия, проза, публицистика. Основным творческим методом

становится критический реализм. Развивался и романтизм, скажем, в отдельных рассказах А. Коцоева, С. Гадиева, А. Кубалова, Х. Тлатова. Зарождались уже и элементы социалистического реализма, особенно в произведениях Ц. Гадиева.

В 1907 г. вышел в свет сборник поэтических произведений Г. Цаголова «Осетинские мотивы». В своих поэтических произведениях Г. Цаголов рисует положение осетинской бедноты. В поэме «Рассказ дигорца» он поведал о судьбе несчастной вдовы, которая бросается в бурный поток Уруха. В стихотворении «Иналук» поэт раскрывает душевное состояние крестьянина-бедняка, у которого не уродился ячмень. Бедняку Иналуку страшен не только голод, но и старшина, который заберет последнюю корову в счет налога. Но Г. Цаголов верил в лучшее будущее народа. Он писал:

Придет конец теснинам гор,
И хлынут воды на простор...

(«Горный поток»).

Надежда на лучшее будущее звучит и в стихотворении «Сон»:

Придет она... Придет заря святая...
И стает снег... И расцветут цветы...

Стихотворение поэта «На могиле Коста Хетагурова» пронизано идеями народной революции:

Вокруг редеет мгла... Руси порабощенной
Зарю счастливых дней грядущее сулит...
И близится рассвет...И трепет затаенный
Уж в крике птиц ночных заметнее звучит.
На повороте мы... Могучею волною
Нас скоро вынесет к заветным берегам,
Туда, где нет цепей, где подлою пятою
Палач не осквернит свободы дивный храм...

Поэзия Ц. Гадиева насыщена пафосом революционной борьбы. Его стихотворения печатались в газетах, которые выходили в те годы («Ирон газет», «Ног цард»). Стихи Ц. Гадиева

периода первой русской буржуазно-демократической революции выражают веру в великую силу народа, в его победу. В стихотворении «Народ» он писал:

Сила народная сокрушит скалы,
Воля народная качнет горы.

(Подстрочный перевод).

В стихотворении «Призыв к борьбе» Ц. Гадиев рассказал о том, что волны революции стали доходить до высоких гор и глубоких ущелий Кавказа, что народ стал пробуждаться от глубокого сна.

Одновременно с Ц. Гадиевым выступил поэт Ш. Абаев, принимавший участие в революционном движении с 1904 г. Поэзия его полна ненависти к власти имущим. Один из основных мотивов его поэзии – призыв к борьбе за свободу. Так, в 1904 г. в стихотворении «Выходите» он писал:

Смелее выходите!
Настало время говорить!
Воспрянемте, выходите
Ударим по врагу!

(«Выходите»).

Примерно к 1907-1908 гг. относится начало литературной деятельности видного советского поэта С. Баграева. Дореволюционные стихотворения С. Баграева отличались социальной остротой. В стихотворении «Подвластные» поэт пишет о тяжелой доле безземельных бедняков. В стихотворении «Пирующие» поэт клеймит богатых, алчных, ненасытных. С. Баграев осуждает реакционные адаты, которые еще больше усугубляют бедственное положение горцев.

Исключенный из Ардонской семинарии, Г. Малиев начал работать учителем начальных классов и в то же время писал стихи, рассказы, корреспонденции в газеты. В 1917 году Г. Малиев находится в рядах революционно-демократической партии «Кермен», принимает участие в борьбе за Советскую власть в Северной Осетии. Малиевым была подписана при-

ветственная телеграмма, направленная партией «Кермен» В. И. Ленину.

Г. Малиев писал стихи на русском и на осетинском языках. Первый сборник его стихотворений, написанных на русском языке, вышел только в 1924 г. под названием «Горские мотивы». Сборник его осетинских произведений «Ираф» издан в 1934 г.

Вместе с Г. Малиевым начал свою литературную деятельность А. Гулуев. Его первое стихотворение, посвященное памяти Коста Хетагурова, напечатано в газете «Ног цард» (№66) в 1907 году. Работал учителем, служил в армии. Революцию 1917 года встретил вдохновенными стихами. В 1918 году в стихотворении «Песня гор» А. Гулуев писал:

Нам, бойцам мятежным, вставшим грозной тучей,
Не страшны угрозы яростных врагов,
Песней боевою, как Кавказ, могучей,
Мы ответим смело на свободы зов.

К предреволюционным годам относится начало поэтической деятельности Нигера (И. Джанаева). Нигер начал писать стихи в Ардонской семинарии. В 1916 году здесь создается нелегальный рукописный журнал «Фидиуаг» («Глашатай»). В нем опубликовано несколько его стихотворений и рассказов за подписью «Сау лаппу», «Нигер» и другими. В ранних стихотворениях Нигера созданы образы бедных горцев, нарисованы картины нищенской жизни. В своем первом произведении «Мое имя» Нигер с болью в сердце пишет о бедняках:

Сироты наши не обласканы,
Где бедняку приют найти?
Не усладить их души сказками –
Невзгоды стали на пути...
Брат-осетин всегда с охотою
Трудился, но терпел нужду.
Он, как с сумой, ходил с заботою,
И враг вводил его в беду.

(«Думы Осетии», перевод Л. Озерова).

Описывая невыносимое положение горца, Нигер зовет его к борьбе с врагом («выйдем против врага с камнем, с палкой»). Поэт ищет вождя, который бы помог народу обрести новую жизнь. В стихотворении «Вперед» он писал:

– Смелее, товарищ!
К алдару во двор!
Короткий с алдаром
Теперь разговор!
Он сыт нашей кровью
И нашим трудом.
Вперед же! С алдаром
Мы счеты сведем!
Проснись же, о горец!
Сегодня народ
На суд беспощадный Алдара зовет.

(Перевод Э. Левонтина).

В солдатских песнях, сложенных Г. Бараковым, звучат идеи бессмысленности кровопролития и рождается глубокая гуманистическая мысль о том, что жизнью жертвовать стоит лишь во имя желанной свободы.

В стихотворении «Песня гор» А. Гулуев писал с большим душевным подъемом:

Нам, бойцам мятежным, вставшим грозной тучей,
Не страшны угрозы яростных врагов.
Песней боевою, как Кавказ, могучей,
Мы ответим смело на свободы зов.

О желанной свободе пишут Ч. Беджызаты и С. Кулаев., С. Баграев и др. Мечтает о «солнечной весне» Г. Малиев:

О капли дождевые,
Предвестницы весны,
Рассейте мрак душевный
И сердца злые сны.

К предреволюционным годам относится начало поэтической деятельности и Нигера (И. Джанаева). Нигер начал писать стихи, еще учась в Ардонской духовной семинарии. В

1916 г. здесь издается нелегальный рукописный журнал «Фи-диуаг» («Глашатай»). В нем было опубликовано несколько его стихотворений и рассказов. В ранних стихотворениях Нигера созданы образы бедных горцев, нарисованы картины их нищенской жизни. Уже в своем первом произведении «Мое имя» Нигер с болью в сердце пишет о бедняках:

Сироты наши не обласканы,
Где бедняку приют найти?
Не усладить их души сказками –
Невзгоды стали на пути...
Брат-осетин всегда с охотою
Трудился, но терпел нужду.
Он, как с сумой, ходил с заботою,
И враг вводил его в беду.

Описывая невыносимое положение горца, Нигер зовет его к борьбе с врагом («выйдем против врага с камнем, с палкой»). Поэт ищет вождя, который бы помог народу обрести новую жизнь. В стихотворении «Вперед» он писал:

– Смелее, товарищ!
К алдару во двор!
Короткий с алдаром
Теперь разговор!
Он сыт нашей кровью
И нашим трудом.
Вперед смелее! С алдаром
Мы счеты сведем!
Проснись же, о горец!
Сегодня народ
На суд беспощадный алдара зовет.

Нигер (И. Джанаев) в «Думах Осетии» призывал народ искать новые пути-дороги в будущее:

Где же ты, спасенье нашей родины?!
О мой народ, надейся, жди –
И, помня о дорогах пройденных,
Гляди на то, что впереди!

Драматургия. Осетинская драматургия предоктябрьского времени представлена именами Е. Бритаева, Р. Кочисовой, Д. Короева, А. Токаева. Первые оригинальные драматические произведения на осетинском языке появились вначале XX века (1902-1903). Начиная с 1903-1904 годов пьесы, оригинальные и переводные, ставились в городах и селах самодеятельными кружками.

Основоположником осетинской драматургии был Е. Бритаев. Концепция комического в творчестве Е. Бритаева предстает как аксиологическая система общечеловеческих ценностей. И в конечном итоге она формирует его социально-исторические и художественно-эстетические идеалы. Е. Бритаеву удается, – через углубление понимания органических взаимосвязей характеров и обстоятельств, – значительно усложнить художественный процесс и существенно обогатить эстетику реализма, что имело огромное значение для развития не только драматургии, но в целом и всей осетинской литературы.

Сюжет пьесы «Уараседзау» («Побывавший в России») прост: двадцатилетний Мусса был послан родителями в Россию на заработки, поскольку семья отчаянно бедствовала, как и многие осетинские семьи в ту пору. Вернувшись через 6 лет на родину после работы лакеем, он отвернулся от своего родного языка, стал одеваться в русский костюм.

Прежде всего сущность комического в концепции Е. Бритаева заключается в том, что реальность как бы «перевернута» в сознании объекта комического, т. е. она диаметрально противоположно отражается в сознании героя. Если объективно увлечение подлинно русской передовой культурой является шагом вперед в формировании национальной демократической культуры, то слепое, бездумное, глупое подражание напоминает пустое кривлянье обезьяны, с которой взять нечего: у нее нет разума, тогда как Мусса – человек, представитель бедного, но гордого народа. И для него крайне недостойно подобное поведение, с точки зрения драматурга и читателя,

зрителя, чувства собственного и национального достоинства которых оскорблены. И тем самым комическое Е. Бритаева цели своей достигло, ведь предметом осмеяния его становится отрицательное свойство, над которым возвышается субъект, т. е. автор, и он дистанцируется от этого свойства. Вслед за ним также поступает и читатель-зритель, который полностью солидарен с автором.

Категория комического у Е. Бритаева является средством выражения авторской концепции человека и мира, и, несомненно, отражает аксиологический аспект процесса деградации личности человека слабого, беспомощного, безликого, а потому жалкого и ничтожного. И все это драматург успешно выражает через комизм ситуации.

Е. Бритаеву, благодаря его мастерству, удается показать контраст сохраненного в исторической памяти народа и отраженного в его современном сознании нравственно-эстетического идеала горца, организующего свою жизнь исключительно по высоким меркам кодекса чести, и низкого, ничтожного героя. Так, комическое помогает драматургу реализовать в художественном образе идею нелепости и абсурда отхода от нравственно-эстетического идеала народа. То есть эстетика Е. Бритаева обосновывает комедию характеров и этим тоже обогащает художественный опыт осетинской литературы в целом. Роза Кочисова тоже написала несколько пьес: «Лгун» (или «Наш пристав сошел с ума»), «Завет отца или моя любовь», «Солнце – мой свидетель, земля – мстительница за меня» и др. Наибольшей популярностью из них пользовалась комедия «Лгун». Она была издана в 1907 г. и часто ставилась на сцене. Р.Кочисова ратовала за все светлое, стремилась помочь людям избавиться от патриархальных адатов. Она смело заговорила о том, насколько пагубно их влияние на молодежь («Завет отца или моя любовь»). Р. Кочисова зло высмеивает в одной из своих пьес сельского пристава с его «всевидащими глазами и всеслышащими ушами», одураченного находчивым,

остроумным бедняком Умарханом («Наш пристав сошел с ума»). Писательница живо интересовалась участью горянки. Бесправие женщины глубоко возмущало ее. В 1907 г. она выступила в печати со статьей «К осетинским девушкам», в которой призывала их бороться за свое освобождение от тлетворной власти дедовских адатов, против взимания калыма и других пережитков старины.

Первая осетинская женщина-драматург Р. Кочисова написала пьесу «Наш пристав сошел с ума» («На пгырыстыф сарра»).

В основе сюжета комедии – осетинская сказка: жили-были муж и жена. Он рыбачил и охотился, она ткала сукна. Как-то нашел муж мешок с деньгами. Боясь, что жена разболтает, он закопал деньги в поле, снял с удочки рыбу и сунул ее в капкан, а из капкана достал зайца и повесил его на удочку. А жене сказал, что сегодня с ним случилось чудо: его удочка поймала зайца, а капкан рыбу. И еще, что он нашел деньги.

Поведав жене столь необычные события, муж откопал деньги и идет домой. По дороге слышит кошачье мяуканье. Жена спрашивает, мол, что это? На что муж отвечает: а ничего, это наш пристав сошел с ума и его связали. Когда до пристава дошли слухи об удивительной находке, он вызвал обоих к себе и допрашивает. Жена безапелляционно заявляет, что деньги нашли ровно в тот день, когда на их удочку поймался заяц, а в капкан попала рыба и когда пристав сошел с ума и его связали. Пристав решил, что она ненормальная и оставил их в покое.

В процессе трансформации сказки в пьесу появляются жизненные, реалистические ноты. Жена получает конкретное имя: она Мызылон. Она абсолютно бедна, сидит на голой тахте и подшивает подошвы своих рваных чувяков, при этом горько причитает о своей тяжелой доле, о своей нищете. Конкретизируется и образ мужа: Умархан – пьяница. Реальность и жизненность обстоятельств создается в пьесе

описанием их постоянной ругани. Муж, конечно, умен, хитер, находчив и хоть и пьяница, очень добр. Она наивна и недалека. Узнав о находке, жена тут же преображается: одевает свою праздничную одежду и радуется непринужденно, как ребенок, и делится своей радостью со своей соседкой Комиан, которая разносит весть по всему аулу. Пристав посылает глашатая за мужем и женой. В кабинете пристава висит портрет царя, здесь же присутствует толмач, т. е. обстоятельства абсолютно приближены к реальным. Пристав жаден, нагл, циничен, готов присвоить чужие деньги. Видимо, ему бы удалось, если б муж не оказался столь сообразительным. Так Роза Кочисова разрабатывает тему взаимоотношений осетинского крестьянства с царской администрацией. Безусловно, драматург проявил большое новаторство, решая новые идейно-эстетические задачи на материале осетинского фольклора. Автор разработала реалистические принципы типизации характеров и обстоятельств, развития действия. При этом использовала элементы гротеска, разработала актуальную тему с привлечением традиционного сюжета осетинской сказки.

Обстановка дома супругов чрезвычайно скудна: тряпки на тахте, сундук без крышки, одежда в заплатках. Соседка, увидев приодевшуюся Мызылон, удивлено спрашивает: «Куда это ты собралась? Кто умер?». То есть все автором осмыслено и передано в абсолютно реалистических тонах. И уже, конечно, перед нами конкретные, реалистические национальные характеры с мотивацией поступков, хотя и еще без психологической углубленности. И очевидна при этом связь индивидуальных особенностей горцев с их конкретной социальной средой. Безусловно, в комедии воспроизведены яркие национальные характеры.

Оправдан и подзаголовок к пьесе: «Картины осетинской жизни».

Безусловно, пьеса Р. Кочисовой «Наш пристав сошел с ума»

явилась первой сатирической комедией в истории осетинской драматургии.

В осетинской драматургии начала XX в., таким образом, уже сформирована концепция комического, представленного как результат противопоставления безобразного – прекрасному, ничтожного – возвышенному, нелепого – рассудительному. При этом предполагалось, что комическое связано с конфликтами, порожденными самой социальной и национальной действительностью, конкретными, реальными обстоятельствами жизни. Она же, эта действительность, во многом предопределила и формы проявления комического, во-первых, как выражение противоречия между формой и содержанием, между целью и средствами, между действием и его результатом, между старой и новой идеологией. И, конечно же, как проявление потери героем чувства реальности.

Противоречия в осетинской драме начала XX в. проявляются в конфликтном противостоянии отрицательного и положительного начал. Комическое при этом понимается как результат осмысления и отражения явлений, достойных осмеяния и разоблачения. То есть сущность комического как эстетической категории в художественно-эстетическом опыте осетинской драмы заключается в отражении жизненных противоречий социальной действительности, в реалистическом показе подлинного человеческого характера через смех, представляющий эмоционально насыщенную форму критики различных пороков, существующих в обществе, всяких предрассудков и отживших явлений. Словом, в осетинской драматургии смех полифункционален, т. е. является следствием своеобразной оценки явлений действительности. Объектом комедийного смеха в осетинской комедии является как человек, так и явления действительности.

Особенность критического отношения к реальности в осетинской комедии, выраженная посредством смеха, заключается в том, что оно выражает сознательно-активное восприятие

и возбуждает активное отношение со стороны зрителя. То есть комическое способствует активизации мыслительной работы субъекта восприятия, т. е. зрителя, читателя, и дает ему возможность осознать опасный характер данного общественного противоречия, проявленного в художественном конфликте. И это закономерно. Ведь в комедии эстетический идеал выражается через его противопоставление осмеиваемым отрицательным явлениям.

В осетинской комедии важны социальный характер восприятия комического и его национальное своеобразие. Предметами насмешки становятся определенные качества человеческого характера (глупость, жадность, лицемерие, невежество, трусость и т. д.). При этом форма и способы критики в ней обусловлены особенностями этнического менталитета, психического склада характера, быта, культуры и традиций. А поэтому национальное в осетинской комедии является существенной особенностью ее поэтики. Ведь в национальном колорите отражается жизненный и исторический опыт осетин, эстетически осмысленный. Основой осетинской комедии с самого ее зарождения являются национальное бытие и национальные характеры.

Развитию осетинской драматургии способствовало и творчество Давида Короева. Комедия Д. Короева «Не я был, кошка была», изданная в 1913 г., пользовалась большой популярностью. Автор разоблачает взяточничество, произвол царской администрации на селе, показывает ее моральную опустошенность и нечистоплотность. Главная забота этой администрации – и старшины Химана, и писаря Николая Петровича, – грабить доведенных до нищенского состояния сельчан. Понятия чести, совести не существуют для них. В пьесе «Гадалка» (1912) Д. Короев выступил против суеверия и невежества.

Пьеса «Дурачок» В. И. Гурджибекова (1902) имеет подзаголовок: «Современная притча о том, как богатые и простые Ца-

руговы сватали своему дурачку единственную красавицу-дочь обедневших дворян Борхаевых Хан-Гуассу».

В своей пьесе В.И. Гурджибеков продолжает традиции Фонвизина: сын Царая Царугова и его жены Тезады Ахснифф уж больно напоминает фонвизинского Митрофанушку. Сам Царай – человек низкого происхождения, из косагов. Тезада, хотя и происходит из родовитой фамилии Тагаровых, но мать ее, так называемая номылус, т. е. рабыня. И, следовательно, сама Тезада вовсе не причислена по сословному рангу к дворянам. Тем не менее весьма и весьма спесива, к тому же глупа, хоть и хитра.

Барзай Борхаев – обедневший дворянин, чем он особенно гордится. Его дочь Хан-Гуасса – красива, умна и во многом не разделяет взгляды отца. Царай и Тезада хотят засватать своему сыну-дурачку Хан-Гуассу. Но девушка восстает против такой перспективы устройства ее судьбы: слишком по-разному воспринимают она и ее среда жизненные ценности. Так зарождается в пьесе конфликт на социально-исторической основе. В целом столь реальный, жизненный сюжет, взятый из осетинской действительности и отражающий мировоззрение феодального общества, в целом патриархально-родовые нормы морали и порядки мироустройства, способствовал формированию правдивых, типических характеров, действующих в условиях типических обстоятельств. Метод критического реализма, мощно и ярко проявившийся в пьесе, обусловил удивительную правду характеров: даже второстепенные герои, действующие лица (соседка-сплетница Уолмесс, например) действительно жизненны и реалистичны.

В целом сюжетно-композиционная стройность пьесы, элементы комического свидетельствуют о том, что драма написана в традициях Коста Хетагурова.

Безусловно, произведению присущи и недостатки. Так, хоть пьеса написана в стихах, но в ней нет ни рифмы, ни ритма.

Значительны были успехи осетинской драматургии в жанре трагедии.

Проблемы, поднятые в пьесах Е. Бритаева, основоположника осетинской драматургии, носят не только морально-этический характер, но и социально-исторический.

Скажем, в пьесе «Хазби» звучит идея защиты свободы, борьбы против царской администрации, проблемы взаимосвязей личности и общества.

Историческую основу пьесы «Хазби» составили реальные события, происходившие в горах Осетии в начале XIX века, когда реализовывалась колонизаторская политика царизма. Хазби с 13 храбрецами из Куртатинского ущелья отправляется на войну. Так происходит раскол в среде горцев. Находится и предатель, который ведет в тыл восставших вражеский отряд. И герой гибнет...

Хазби – также герой историко-героической песни. По всей видимости, это был реальный человек, хотя документы не сохранились.

Безусловно, автор ставит в своей пьесе проблемы чести, долга, ответственности, патриотизма. То есть в трагедии присутствует не только социально-исторический, но и нравственно-этический конфликт: Хазби идет на верную гибель во имя свободы и чести.

В трагедии хорошо выписаны и женские образы: Нана, жены Хазби Ханиффы, Саниат, Госга. Это подлинно национальные характеры. Так, Ханиффа замечает: «Мне нравится, что ты идешь во имя народа на любые трудности; а если ты взялся за большое дело – позора на себя не принимай».

А Нана собирает сына в дорогу, хотя видела вещий сон о судьбе сына. Она уверена, что хорошо то, что он несет в себе силу и такую волю, что берет на себя громадную ответственность за целый народ.

Итак, трагедия сложилась в осетинской драматургии как жанр, основанный на трагической коллизии героического

персонажа, т. е. с трагическим исходом.

Драму «Две сестры» (1907 г.) Бритаев писал, находясь в на- зрановской тюрьме, куда был заключен из-за революционной деятельности.

Впервые драма была поставлена на сцене в 1909 г. и была восторженно встречена зрителями. Дело в том, что в драме представлена борьба со старыми адатами, с патриархально-родовыми и феодально-крепостными порядками. Борьба за свободу, честь и достоинство женщины-горянки отражает конфликт драмы.

Старик Татаркан всегда исходит из соображений личной выгоды. Когда его племянницы Хансиат и Асиат, осиротев, остались на его попечении, он решил взять за них большой калым, ссылаясь на вековые нормы адата. Но старшая сестра Хансиат бросает вызов адату, и в результате гибнет. Прав был литературовед А. Тиболов, заметив, что Хансиат – «героическая девушка, смело бросившая вызов «угнетающей власти мужчин».

Младшая сестра Асиат похищена, но с помощью благородных людей, таких как Камболат и сын его Кылцыко, ей удается спастись, и она выходит замуж за своего любимого Пупа.

Удивительно жизненны и реалистически выписаны образы героев. Так, Пупа готов к самопожертвованию во имя справедливости и своей возлюбленной, добр и справедлив Камболат, тогда как жена Татаркана Муссон – жадная, вредная женщина, Бибо крайне бессердечен, а Буца – поддерживает всячески похитителей Асиат, т. к. ему за соучастие пообещали коня.

Значение драмы велико: впервые в осетинской литературе показано, как женщина-горянка победила в борьбе за свои права.

Осетинские драматурги начала XX века сформулировали свою концепцию трагического, воплощенную в жанре осетинской трагедии. Прежде всего в основе трагического в ней лежит борьба непримиримых сил, обусловленная действием

объективных социально-исторических обстоятельств.

Конфликт, порождающий трагическое, основывается на противоречиях, возникающих между исторически необходимым требованием, субъективным стремлением личности и практической невозможностью его осуществления. В трагической коллизии судьба героя предопределена: его гибель неизбежна. Непримиимые отношения субъекта с внешними обстоятельствами, складывающимися в реальной действительности, влекут за собой трагические последствия и в первую очередь – гибель человека.

При этом в качестве героев трагедии выступают персонажи, образы которых представляют эстетические идеалы эпохи и, конечно, автора. И это предопределяет причинно-следственные связи трагического с прекрасным, прогрессивным, героическим, возвышенным.

Гибель героев, утверждающих общественно-значимые явления, вызывает трагические эмоции, печаль, сострадание, сочувствие, ненависть к ее виновникам и желание бороться с ними. Кроме того, она ведет к глубоким философским раздумьям о человеческом предназначении на земле, о смысле жизни, о смерти. То есть оказывает огромное влияние на сознание зрителя или читателя, имеет нравственно-этическое, воспитательное значение. И не случайно. В осетинской трагедии начала XX в. решаются высшие метафизические проблемы жизни и смерти, смысла бытия. Как представлено в жанре осетинской трагедии, подлинно трагическое есть гибель личности, действия которой исторически и объективно оправданы. При этом деятельность ее соответствует передовым общественно-эстетическим идеалам.

В основе конфликта в осетинской трагедии лежит противостояние старого и нового, борьба прогрессивного с консервативным. При этом конфликт вбирает в себя психологический и социально-нравственный аспекты. В осетинской трагедии дается анализ внутреннего состояния главного героя в усло-

виях духовных преобразований, обусловленных конкретными историческими обстоятельствами.

Драма, будучи предназначенной для коллективного восприятия, тяготеет к острым общественным проблемам и потому она несет в себе подлинную народность. В основе ее – социально-исторические противоречия или извечные общечеловеческие антиномии. Важнейшей чертой ее является драматизм как свойство человеческого духа, пробуждаемое конкретной ситуацией, когда актуальное, крайне важное для человека остается неосуществленным.

В трагедии «Амран» Е. Бритаев развивает по-своему прометеевские идеи и ситуацию, но на национальном материале. В горной поляне прикован к скале мужественный Амран. Сокол беспрестанно терзает его печень. Мужество, воля, надежда узника выражены в образе Ныфс, удивительно красивой девушки с седыми волосами. Она сожалеет о страданиях Амрана, сына Япета, врага небожителей. Пастух Беса, выпив из ручья слез и крови Амрана, познал его страдания и влюбился в девушку Ныфс. И он включается в борьбу за освобождение героя. Узнав, что для освобождения Амрана надо выковать специальную цепь, он устраивает свою кузню на краю села у могильников, что не нравится жителям аула. Черт Дуртула, приняв облик человека, натравливает весь аул против Беса, даже семью Беса. И в ночь, когда женщины готовятся к празднику под названием «Ночь чертей», жители аула бегут к кузне, стремясь ее разнести. Но Беса и его сын Цопан успевают выковать последнее звено цепи и бегут к скале, с намерением освободить Амрана. При этом Беса знает важное условие победы: он не должен оглянуться на пути к пещере. Но когда кто-то сзади вдруг крикнул, что аул в опасности, Беса не выдержал и оглянулся. Дверь Амрана захлопнулась: он остался в заключении.

В трагедии «Амран» Бритаев проявил себя как удивительно талантливый драматург. Хорошо разработан сюжет, а характеры героев раскрываются полно и многогранно.

Такова была осетинская литература критического реализма в начале XX века. Воплощая художественно-социальные конфликты в жизни горцев, она резко обличала существующую реальность и смело звала на революционную борьбу за передовые идеалы, за светлое будущее, как постигала их, свято веря и мечтая о лучшей доле для народа.

...Как нам кажется, необходимо обязательно отметить весьма важный факт, явление-феномен, без которого история осетинской литературы критического реализма не будет полной. Это, конечно же, творчество выдающегося осетинского писателя начала XX века А. Цаликова. Судьба его, писателя, философа, общественного деятеля, высокообразованного царского офицера сложилась весьма драматично. После тяжелых четырех лет, проведенных им на фронтах первой мировой войны, годы революции и гражданской войны он вынужден был эмигрировать. И свой великолепный роман «Брат на брата», где отразил безумие, грязь, отчаяние, смерть многих и многих людей как итог социалистической революции и бессмысленной гражданской войны, смог опубликовать только в 1926 г. в Праге. Конечно, если говорить о его мировоззрении, то он и оставался приверженцем старого строя: он присягал царю и отечеству.

Для осетинской культуры в целом и осетинской литературы в частности явился большой трагедией и ударом тот факт, что из нее был вычеркнут на многие десятилетия талантливый художник слова А. Цаликов.

Мировоззрение писателя – мировоззрение гуманизма. Именно любовь к человеку, любовь искренняя, всепоглощающая, является побудительным мотивом всей сознательной деятельности А. Цаликова. И, конечно же, лежит в основе творческой концепции писателя. И в романе, и в рассказах, совершенно изумительных как по форме, так и по содержанию, и в жанре публицистики, он ярко проявляет черты своего историко-антропологического подхода к исследованию проблем эпохи.

Развитие же в целом его романного мышления проявилось в поисках глубинных связей между характером и обстоятельствами, в заметном обогащении принципов типизации, социального и психологического анализа.

Роман А. Цаликова «Брат на брата» написан от первого лица, что уже предполагает особенно углубленный социальный и психологический анализ. И он, действительно, оправдывает ожидания, демонстрируя зрелые реалистические принципы типизации, обогащая художественный опыт осетинской литературы в целом и пути ее характерообразования в частности, всю сферу ее характерологии. И тем самым, конечно же, участвуя в определении типа ее дальнейшего развития и облика.

Писатель постепенно и очень умело подводит читателя к важнейшим событиям своего повествования. Делает он это с помощью разных художественно-изобразительных средств. При этом активно привлекает и «энергию» фольклорной обр-разности, фольклорный опыт обобщения, опыт народного классического красноречия, описывая с любовью и тщательно национальные традиции, используемые им для создания духовного пространства художественного мира романа.

А. Цаликов в романе «Брат на брата» создает сложный тип национального характера: героя-офицера, прошедшего тяжелые четыре года гражданской войны, самой жизнью поставленного перед необходимостью поисков новых критериев ценностей и ориентиров, и в конце концов в результате мучительных исканий «связующей нити времен», прошлого и настоящего, обретшего почву под ногами.

Сначала все шло своим нормальным, естественным чередом. Алибеку самой судьбой были уготованы золотые погоны – верх мечтаний любого осетина-горца. Не зря же существовало пожелание мальчикам: «...дай бог тебе стать офицером...». Выходец из благородного рода, Алибек, понимая, как много ждут от него не только члены большого семейства, но и

вся фамилия, усердно стремится к заветной цели, – стал офицером. Но вот она достигнута. Что дальше? Как она, жизнь, величайший режиссер всех человеческих драм и трагедий, распорядилась судьбой героя, полного естественных для него радужных, тщеславных мечтаний, волнующих надежд? Ведь с революцией начался и хаос в жизни не только лично его, но и всего народа, почему и пошел брат на брата...

В смысле философского мировоззрения А. Цаликов «исправил» ошибку материалистов, которые чрезмерно отделяли материю от духа. Это большой вклад в философию реализма 20-х годов XX в. Материя и дух – едины, нерасторжимы, – вот основной принцип мировоззрения и эстетики писателя. В этом убеждают рассказы: «Я не знаю», «Звезда счастья», «Жить надо...жить!..», «Последний отдых», «Итог», «Тайна «Я» и др.

Исходный пункт мировоззрения писателя неотделим от его концепции человеческого существования, от потребности человека в осмыслении своего места в мире. В представлении А. Цаликова мир состоит из двух частей: моего «Я» и всего остального «не-Я», т. е. природы, общества. Так вот отношение человека к миру и есть суть его мировоззрения. Это отношение писатель более конкретизирует в вопросах, которые ставят и пытаются решить его герои: «в чем смысл жизни?», «есть ли счастье?», «что есть мир в целом?», «что есть истина, добро, зло, справедливость, красота, любовь?» Большой талант А. Цаликова и его мастерство проявляются в том, что он художественно убедительно развертывает ответы на эти вопросы в систему, в воззрении героев на мир, их отношение к этому миру. При этом писатель умело строит систему воззрений героев на противоречивости взаимоотношений их внутреннего мира и внешнего. Это основной принцип художественной методологии А. Цаликова, жанровое содержание романной ситуации, в частности, в произведении «Брат на брата». Особенности же построения писателем духовного пространства художественного мира романа заключаются в максимальном

использовании принципа антиномии. При этом отторжение «Я» от «не-Я» связано со стремлением героя, в частности, Алибека, к органическому единству с миром, а стремление к тождеству с ним рождает его отрицание. И это в эстетике А. Цаликова-романиста является ведущим принципом построения художественного характера.

Писатель, исследуя человеческий характер, словно задает вопрос: «как формируется индивидуальное мировоззрение?» и находит свой ответ. Во-первых, оно – результат самостоятельного мироосмысления. Во-вторых, ведущим началом в процессе его формирования является конкретный жизненный опыт индивида, его чувства, переживания, понимание внешнего мира в связи со своим личным бытием. То есть это результат внутриличностного осмысления мира героем, в частности, Алибеком и его личностных оценок.

В романе писатель ведет тщательный поиск причин столь трагической ситуации, в которой оказался его любимый герой царский офицер Алибек. И, конечно же, находит их в сложном клубке неоднозначных взаимосвязей Алибека с окружающей его средой, состоящей из разных социальных общностей, которые и становятся, наравне с героем, объектом его глубинного художественно-эстетического анализа. И не случайно.

При этом предметом познания писателя становятся все аспекты сути человека: его разум, сознание, мысли, чувства, психология, воля, способность к активной творчески-созидательной деятельности.

Писатель использует все это сущностное содержание героя как орудие познания человека в аспекте его сложных, противоречивых взаимосвязей с миром.

Совершив драматические «хождения по мукам» и не раз глядя в глаза смерти, герой становится ярым пацифистом. «Мало ли уже пролито крови? Видимо, мало. – Возмущенно думает он. – Видимо, нужно еще целое море, в котором окончательно потонул бы мир. Что же, будем барахтаться в этой

крови. Я спокоен, – успокаивает он себя. – В душе моей нет тревоги, которая не раз заставляла трепетать сердце за весь длинный двухмесячный путь с фронта на Кавказ. Не раз говорил я самому себе, ты же не трус! Ведь это ты, Алибек, шел спокойно под градом пуль навстречу смерти. Что же случилось с тобой?! «¹²³

Не приемлет душа героя братоубийственной бойни, восстает, протестует.

Конечно же, искания смысла жизни не могли не открыть глаза Алибеку на многие вещи и не изменить его отношения к жизни и к себе самому. И вполне закономерно, что пришел день, когда он почувствовал, что мундир, который он носил с такой прежде гордостью, давит ему грудь, и ему захотелось длиннополой черкески: родина властно позвала его. И герой, преодолевая все препятствия на пути своем, двинулся на этот властный зов для того, чтобы там стать самим собой и отдать силы своему народу.¹²⁴

Надеялся больной душой, неимоверно уставшей от четырехлетней бессмысленной бойни, воскреснуть вновь, воскреснуть для нормальной человеческой жизни, жизни простого труженика, пахаря. Воскреснуть для любви, для счастья, для людей, для будущего.

Так писатель углубленно исследует характер своего героя, ставит его в самые психологически напряженные ситуации, – в экстремальные ситуации, как бы все время проверяя его нравственный и духовный потенциал, его «прочность» и мужество.

В то же время писатель очень внимательно относится и к самому национальному миру или тому, что в данном случае создает собственно истинно романную ситуацию.

Писатель впервые в осетинской литературе использует письмо как средство характеристики героя, его душевного самочувствия. На второй день после приезда домой, Алибек пишет письмо своей любимой девушке Вале, дочери священника

(сам же герой исповедует ислам, и это сыграло определенную роль в его последующем поведении, а значит и в развитии сюжета). Письмо раскрыло душу человека очень не простого: умного, мыслящего, страдающего, способного на самопожертвование во имя любви к своему народу, жаждущего счастья, беспокойного, сознательная мысль которого вышла из хаоса, словом, сына своего века и своего малочисленного, угнетенного, но гордого народа.

Как пишет герой, все было просто прежде: достаточно было повиноваться начальству, защищать родину и царя и жить, т. е. веселиться и наслаждаться жизнью. Так продолжалось какое-то время. Но впервые любовь к Вале заставила его задуматься о жизни, засомневаться: а так ли он живет, как должно жить?

Однако же думать вообще и о том, как жить дальше, начал герой только после того, как пришел весь этот хаос, называемый революцией, и сбросил их, офицеров, с пьедестала в грязь улицы.

И начались для героя мучительные поиски смысла жизни. «Так хотелось понять, в чем дело, – пишет он любимой, – для того, чтобы прийти к вам с открытыми глазами и сказать уверенно: идем вместе со мной! Я знаю, чего я хочу, я знаю, куда я иду!»¹²⁵

Конечно же, причину столь глубоких коренных изменений в жизни родного народа герой понимает верно, улавливая несомненную их связь с последствиями русской революции, от которой он по существу и бежал и следы которой тогда еще в вагоне увидел – с недобрый чувством, в жалком облике плюгавенького солдата, одного из тех, что были солдатами великой русской армии, а теперь вот грабят и убивают...

О новых ценностных ориентирах в жизни и о дальнейших его намерениях ярко свидетельствует его реакция на весеннюю природу (характеристика героя через пейзажные зарисовки, – также своеобразие писательского мастерства

А. Цаликова, его новаторский подход). Здесь явно чувствуется диалектика души героя, т. е. уместно тут говорить и о продолжении толстовских традиций. Конечно же, явно чувствуется, как герой-воин прошел нелегкий путь душевной эволюции от психологии самовлюбленного «золотопогонника» до психологии труженика, достиг высшего понимания смысла жизни, высшего уровня развития своего самосознания: «...первая зелень умиляет сердце. А кругом черный простор полей. Нивы, ждущие оплодотворяющего плуга пахаря, человеческого пота, без которого не может быть самого главного, что нужно для существования человека – хлеба».¹²⁶

Поэтому вполне логично его душевное состояние от созерцания этой нивы: «...свежий весенний воздух заставляет учащенно биться мое сердце. Все неприятное забывается. Я чувствую, как кровь горячо переливается в моих жилах. Я ощущаю всю прелесть бытия».¹²⁷

Она же эта нива, заставляет его еще острее осознавать и определиться в своих душевных исканиях: «...мне хочется простой, здоровой жизни пахаря. Его упорного труда, загара на лице, мозолей на руках, его незатейливой радости...»¹²⁸

Герой себя беспощадно ругает, упрекает, нравственно истязает за то, что, в лучшую пору своей блестящей карьеры, находясь на гребне славы и успеха, не помнил он о своем народе и о многострадальной своей родине. Так проявляются такие черты его характера, как честность, принципиальность, мужество, хотя бы перед самим собой, а эти черты характера, как и сам упрек, и обуславливают дальнейшую его эволюцию и развитие сюжетных действий произведения. Раскрывает логику его поступков, логику характера.

Прежде всего, чувствуя свою вину за прошлое, пытается теперь герой «загладить вину». И в то же время он, как человек мыслящий, хочет понять, во имя чего опять кровь, и находит только один ответ: «...говорят, задета честь народа...»¹²⁹

С этого начинаются его мысли о чести народа, как его ду-

ховной сути. Зарождаются мысли о духовной «самости» народа, нации, как субъекта и объекта бытия на замечательной планете Земля.

Интересен также поток мыслей героя о душе, во многом объясняющие столь ревностное и почтительное отношение его к национальным традициям и обычаям. «Нация – это язык, – думает герой. – Ведь язык – это иероглифы, это форма, а есть что-то такое, другое, более глубокое – душа... Есть душа – комплекс психических моментов... у народа есть душа. Это его святая святых. Это его понятия о добре и зле, не те понятия, которые привносятся извне, а те, которые вырабатываются в результате тысячелетней страдальческой жизни... Душа гордая и душа униженная. Душа цельная и душа раздвоенная. Какова же душа моего народа?»¹³⁰

Над разгадкой этой тайны бьется сознание героя, мучительно ищущего ответа, ибо без него не может он определить и свое конкретное отношение к миру и собственную жизненную позицию. Вернее, свое собственное место и роль во всем этом диком хаосе.

Но таково само- и мироощущение не только представителя осетинской интеллигенции Алибека, но и простых, неграмотных горцев, волей судьбы попавших в окопы первой мировой войны.

Писатель глубоко осмыслял классы как важнейшие социальные общности, их значение в жизни общества.

Класс как социальную общность писатель в романе трактует по-своему: это – большая группа людей, формирующаяся под воздействием той или иной стороны материального производства. Чаще всего это, конечно, крестьянство, объединенное общей трудовой деятельностью. У него существуют определенные экономические интересы, жизненные принципы, духовно-нравственные ориентиры, ментальность, мировоззренческие установки.

Нация как общность складывается, по мысли писателя, из

факторов: материально-производственного, природно-территориального, субъективного. К материально-производственным можно отнести сложившуюся в Осетии в XIX веке единую систему промышленных и сельскохозяйственных предприятий, имеющих определенные хозяйственные отношения, общий рынок, валюта, средства связи, налогов, транспортные коммуникации. Природно-территориальный включает в себя климат, природные условия, ландшафт, флора и фауна, среда хозяйственной деятельности, образ жизни, характер жилья, быт, пища, одежда. Субъективный фактор составляет язык, психологический склад, духовная культура, традиции и т. д. Выслушав напыщенные речи разных ораторов на сходе осетин о том, что судьба маленькой Осетии всецело зависит от воли духовных вождей народа, в частности, слова маленького, щупленького Магомета, мусульманского деятеля о том, что обязательно произойдет раскол между христианами и мусульманами даже внутри самого осетинского народа, а не только между осетинами и ингушами, Алибек серьезно задумался: а что есть вообще народ, нация? И пришел к одному размышлению: нация – это общность людей не только по территориальному признаку, но и по языку, мировоззрению, духу и даже религиозный фактор не в силах разрушить ее как общность. Не согласен герой и с другими мыслями Магомета. Так, он отмечает, что духом национализма отдают мысли Магомета о русском шовинизме. Как он полагает, маленькое «я» нашего народа рядом с «русским великаном» меркнет. И наш народ чувствует себя ужасно, а потому нам необходимо отделиться и строить свое государство. И кроме того, по мысли Магомета, душа нашего народа «раздвоилась» и за власть над ним борются мусульманство и христианство. Он же рассуждал дальше на тему о национальном «я» каждого народа, «разбуженного к жизни от вековой спячки громами революции». «В трепетном порыве, в самоискании каждого народа, вырвавшегося из темницы и брошенного в пучину бушующей стихии, заключается

трагическая, но и прекрасная страница революции. Дело не в квасном патриотизме, не в том, что каждый кулик свое болото хвалит, а в народном «я», которое хочет жить так же, как живет отдельный индивидуум. Пусть это «я» разбито на классы, борющиеся, враждующие между собой, пусть один класс одного и того же народа победит другой, все равно – одно «я» сменится другим «я», но «я» свойственным только этому народу. Можно не признавать государства, родины, считать себя гражданином вселенной, но нельзя отказаться от этого специфического «я».¹³¹

И далее герой прислушивается. «Туманная философия Магомета не особенно понятна для аудитории, но он, не учитывая, продолжает дальше. Скверно, когда «я» одного народа угнетает «я» другого, как бы мал этот другой ни был, даже если это угнетение не имеет явно выраженных юридических форм, а заключается в том сознании, какое испытывает маленький и слабосильный человек, сидя рядом со злым, сильным, пакостным великаном, иногда невольно упирающимся при движениях в бок этого человека своими локтями. Таково наше положение теперь, когда разбиты оковы рабства, когда повергнут старый мир, когда стихия революции крутит и добывает остатки темных сил прошлого и когда под флагом интернационализма вырастает в России новое «я», специфически русского характера, в странном переплетении самой высшей формы идеологии с самыми низменными, жестокими, дикими деяниями. Горе нашему маленькому «я», находящемуся бок о бок с этим русским великаном, и горе нам вдвойне, так как в нашем «я» трещина. Наша душа раздвоилась. В нас обнажилось два лица, вечно враждовавших между собой не только за первенство во вселенной, но и за власть над душой человека: христианство и мусульманство...»¹³²

И далее заключает: «Запах запахом, а нашу эту особенность мы должны отлить в юридическую форму. А это можно сделать таким образом: мы должны потребовать, чтобы в

Осетинском национальном совете одна треть делегатских мест принадлежала мусульманам...» Тут, как понял Алибек, Магомет борется за власть. При этом перспективы у него есть.

Ведь Магомет – мусульманский деятель, человек, безусловно умный, образованный, претендующий на роль духовного наставника своего народа. Не успел он еще приехать на родину, а герой уже слышал, как кто-то говорил о нем, как о спасителе народа, его единственной надежде.

Большое уважение и симпатию писателя вызвал высокий, стройный старик Темболат, представитель простого народа. Оправдан и обоснован неслыханный доселе поступок старика Темболата, выступившего на съезде: «Коль старой гурды в качестве врага должно рубить голову брата-осетина, – продолжает спокойно, – значит Аллаху угодно, чтобы не было больше гурды».¹³³

Старик беретса руками за оба конца гурды – гордости его собственной и всего его рода – подносит ее к губам, благоговейно целует, а потом быстро опускает руки. И ломает шашку о свое колено.

Символический ряд народной этики в романе выходит далеко за пределы собственно национального символа и получает значение общечеловеческого масштаба.

В непосредственной близости от концептов народной этики лежит архетипический слой «взаимоотношений с близкими», оснащенный богатым символическим обрамлением. Причем устойчивые модели лирического переживания героя существенно трансформировались и обогатились. Топос де-стабилизации человеческих взаимоотношений в романе тесно связан с идеологией.

Обыденное сознание анализируется в романе как повседневное, практическое сознание народных масс, которое исторически и диалектически меняется, т. е. развивается под влиянием грандиозных судьбоносных явлений в жизни осетинского общества, народа, государства.

А. Цаликов рассматривает идеологию как способ деятельности субъекта. При этом он отражает конфликтный характер национальной жизни и показывает глубинные причины рождения нового в жизни общества, его сознания.

Основой же духовной жизни общества писатель признает общественное сознание. При этом он дает оценку общественному сознанию осетин в сложную эпоху революции 1917 года и гражданской войны с позиции его роли и значения для жизнедеятельности общества как выразителя национальных интересов в целом. В этом контексте писатель исследует и духовную жизнь осетин.

Поскольку социальные общности отличаются друг от друга характером, масштабом, ролью в обществе, то и взаимоотношения между ними складываются разные. Скажем, политические партии.

Особенность национальной действительности в столь сложный исторический момент проявилась, по мнению писателя, в резком противостоянии двух начал: народа с его реальными, жизненными проблемами, его судьбой и многовековой трагической историей, и представителей партий, лидеров, деятелей, претендующих на право говорить от имени народа. Скажем, отставной генерал, рассчитывающий на то, что турки придут и прогонят этих выскочек-большевиков. От имени керменистов выступает некто Кимонов, хитрый, беспринципный человек, сотрудничающий с фальшивомонетчиками, возглавляет партию керменистов, т. е. рабочих, большевиков Осетии. При этом «удивительно то, что честные бедняки в партию «Кермен» не идут, а она наполнена бывшими городскими жуликами, картежниками, спекулянтами и т. п. сволочью». Сосед-учитель поясняет Алибеку, что в Осетии работают три фабрики фальшивомонетчиков, с ними, мол, сотрудничает Кимонов, меняющий постоянно свои политические взгляды. Так, до революции он был меньшевиком-оборонцем, после революции вдруг стал соци-

ал-демократом-интернационалистом. Учитель иронично добавляет: «Сейчас спекулировать на кукурузе трудно, так вот спекулируют на революции».

Тут Алибек задумывается. «Мне это кажется немного странным. Как это в народе, у которого никогда не было никаких политических партий и политической борьбы – образуется прежде всего партия, преследующая самые крайние политические и социальные задачи... Я стараюсь себе уяснить: ведь большевики – это партия рабочего класса, и задачи, которые эта партия преследует, – это задачи рабочих. Но ведь в Осетии нет рабочего класса?»¹³⁴

Исследуя художественными средствами идеологию, писатель пытался раскрыть истину и ложь идеологии в условиях функционирования данного государства. Он же анализировал идеологию как движущую силу общественного прогресса. Кроме того, видел в нем некую духовную базу социальной реакции, которая ярко проявилась в речах ораторов, выступающих темпераментно на собрании.

Да, полагает Магомет, в России победила революция, но в своеобразной форме, в форме пугачевщины и разиновщины с разгромами и разгулами. Группа бесцеремонных и жестоких людей захватили центральную власть и теперь хотят ее удержать. «Они декларируют на прекрасные темы о царстве социализма, но этим они только прикрывают грязную сущность своего пресмыкания перед зверем, проснувшимся в груди русского человека».¹³⁵

На изломе всемирной истории, в бушующем потоке мутного времени человек выбит из колеи, потерял нравственные ориентиры, – в общем потерян и несчастен: – это естественно. Ну а каково же самочувствие, – нравственно-этическое, психологическое, забитого маленького человека-горца; и почему всегда исторические обстоятельства складывались таким образом, что на долю горца выпадали исключительно горе, слезы, смерть и страдания; что ждет его в будущем, – вот круг

проблем, которые определили философию творчества Ахмета Цаликова.

Писатель скрупулезно исследует природу нравственных ценностей. Глубоко анализирует и природу человеческой души, и мотивов поведения частного человека, живущего в реальном хронотопе, т. е. в конкретном континиуме социального времени и пространстве национального бытия.

При этом Ахмет Цаликов совершает большой творческий подвиг: он в рамках своей творческой концепции утверждает ценностную аксиоматику осетинской доктрины, сформулированную в совокупности важнейших для народа идеологем.

Как известно, Ахмет Цаликов явился первым романистом не только в осетинской, но и во всех северокавказских литературах. Еще в 1924 г. он пишет замечательный роман под символическим названием «Брат на брата», где описывает важнейшие события начала XX века, сыгравшие существенную роль в судьбе народа. Роман явился настолько значительным явлением в литературной жизни, что по сути своей он ниспровергал все нормы и фундаментальные принципы соцреализма. Писатель воспел героя, который в эстетической системе соцреализма имел амплуа только отрицательного, символизировал все черты антигероя.

Развитие же в целом романного мышления далее проявилось в поисках глубинных связей между характером и обстоятельствами, в заметном обогащении принципов типизации, социального и психологического анализа.

Роман А. Цаликова «Брат на брата» написан от первого лица, что уже предполагает особенно углубленный социальный и психологический анализ. И он действительно оправдывает ожидания, демонстрируя зрелые реалистические принципы типизации, обогащая художественный опыт осетинской литературы в целом и пути ее характерообразования в частности, всю сферу ее характерологии. И тем самым, конечно

же, участвуя в определении типа ее дальнейшего развития и облика.

Писатель постепенно и очень умело подводит читателя к важнейшим событиям своего повествования. Делает он это с помощью разных художественно-изобразительных средств. При этом активно привлекает «энергию» фольклорной образности, фольклорный опыт обобщения, опыт народного классического красноречия, описывая с любовью и тщательно национальные традиции, используемые, им для создания духовного пространства художественного мира романа, системы характеров.

Развитие же в целом романного мышления писателя проявилось в поисках глубинных связей между характером и обстоятельствами, в заметном обогащении принципов типизации, социального и психологического анализа.

Такова вкратце философская проблематика осетинской литературы критического реализма в XIX – начале XX века.

Глава 8.
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ
КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ОСЕТИНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

В XIX веке произошла смена феодального мироощущения буржуазным, в результате чего зародился новый тип художественной культуры (буржуазной) со своей специфической художественной идеологией, – т. е. буржуазного типа художественным сознанием. Утверждался лозунг индивидуальной свободы. Но на деле родилась новая «несвобода» личности. Вдруг стали очевидны многие несовершенства и недостатки капиталистического общества. И это «прозрение» ярко и образно отразилось в художественном сознании, в его могущественном эстетико-методологическом инструменте – критическом реализме. Художественная культура осетин в XIX веке становится на путь профессионализации, проявляются профессиональные художники, музыканты, писатели, поэты, артисты. В истории развития осетинского художественного сознания нарождается новый этап, т. е. наравне с единственно существующим в первобытную и феодальную эпоху фольклорным типом художественного сознания появляется и личностный тип художественного сознания, отличающийся важнейшими чертами, определяющими его качественную сущность. Это, во-первых, авторство, во-вторых, наличие письменной традиции, – черты, сильно повлиявшие практически на художественную культуру осетин в дальнейшем, в XIX, XX, XXI веках.

Дело в том, что в целом сама проблема культурной витальности (жизнеспособности) национальной культуры обусловила ее экзистенциальный характер, определивший единство действительности и ее понимание – отражение как важнейшей методологической установки художественного сознания.

Мы исходим из важнейшей методологической установки, согласно которой два процесса: развитие художественного

сознания и развитие реалистического типа мышления всегда взаимосвязаны и взаимообусловлены в истории осетинской художественной культуры. Более того, реалистический метод определяет содержательную сущность художественной культуры и художественного сознания осетин, отраженного в ней на протяжении всей социальной истории осетинского народа.

В связи с данными методологическими установками надо решить следующие задачи: во-первых, проанализировать процесс рождения, становления и развития реализма как важнейшего инструмента художественного сознания на различных этапах духовно-эстетического освоения действительности осетинским народом, и, во-вторых, разработать концепцию исторической типологии реализма в осетинской художественной литературе.

Концепцию исторической типологии реализма в осетинском художественном сознании, на наш взгляд, составляют следующие качественные этапы:

1) принцип подражания реальной действительности (предтеча реализма);

2) «стихийный», «наивный», фольклорный реализм (первый тип реализма);

3) критический реализм (второй тип реализма);

4) социалистический реализм (третий тип реализма). В нем выделяются подтипы: а) собственно соцреализм или «жесткий» соцреализм (30-50-е годы XX века) и б) философско-мифологическое направление соцреализма (70-80-е годы XX века);

5) реализм постсоветского периода (четвертый тип реализма).

И это закономерно, т. к. типы реалистического художественного мышления выстраиваются в логически стройную систему в данной концепции. Дело в том, что в целом сама проблема культурной витальности (жизнеспособности) национальной культуры определила в ней ее важнейшее сущност-

ное качество: единство действительности и ее понимания, художественной интерпретации в процессе отражения. Именно здесь, в глубинах этого единства, и следует искать истоки «наивного», «стихийного», фольклорного реализма и его первоосновы – принципа подражания реальной действительности еще в первобытном искусстве предков осетин, в котором и зарождается принцип подражания действительности в кобанской и раннеаланской художественной культуре, предопределяя специфику и сущность художественного сознания осетин и их предков. Конечно, в мифологии, как первом типе художественного сознания осетин, еще нет реализма по общим художественным признакам. В мифологии «жизненная правда», если можно так выразиться, проявляется в формах, не присущих реализму, т. е. она, эта «жизненная правда», передается посредством мифических сюжетов, в которых происходят события, невысказанные в реальности и в них действуют, в качестве героев, либо боги, либо некие фантастические существа.

Целью первобытного искусства было стремление субъекта художественного сознания объяснить и понять мир и осознать самого себя. В результате формируется художественно-эстетическое мировоззрение субъекта и его мировосприятие, механизмом функционирования которого становится принцип подражания реальной действительности в искусстве.

Эстетическая сущность человека, как один из элементов его социальности, формируется в процессе длительного исторического развития. Человек как субъект эстетического творчества и восприятия сложился в процессе трудовой деятельности и психобиологической эволюции. Чувство формы, объема, цвета, ритма, симметрии, как элементы чувства красоты, как элементы эстетического сознания, развивались исторически у человека – носителя кобанской культуры. Зачатки художественной деятельности и эстетического сознания у субъектов кобанской культуры проявляются очень зримо, активно и практически при изготовлении всех полезных для них вещей,

т. е. связь пользы и красоты формируется в их сознании изначально. Приспосабливая окружающий мир к своим человеческим нуждам, субъект кобанской культуры активно осваивал реальную действительность. Художественная деятельность и эстетическое сознание творцов кобанской культуры проявились глубоко и многогранно при организации ими своего жизненного пространства, при производстве необходимых, жизненно важных, полезных в быту предметов: орудий труда, украшений костюма, конского снаряжения, предметов вооружения, посуды и т. д.

Из системы представлений о природе как первоисточнике всего в мире родилось осознание предшествующего опыта как ценности, как основы всего сущего. В результате человек и мир в мифологии соотносятся как часть и целое. При этом человек живет на основе общих законов их сосуществования, т. е. составляет единый организм: «человек – и – природа». Конечно же, связи между человеком и природой сложные, многозначные: дух и материя, природа самого человека. Тип мышления, метод осознания явлений в такой органичной модели мира имеет свои особенности, одна из которых – ассоциативное мышление, сопоставление одного с другим не в понятийно-логическом ряду, а на основе других закономерностей. Чтобы добиться гармонии с миром, человек должен был осознать свою «однородность» с ним и жить так, чтобы мировой, жизненный ритм стал его собственным ритмом. Таковы связи ассоциативные между человеком и природой и они функционируют во всех сферах кобанско-алано-осетинского искусства. И это также наблюдается и в основе создания художественного образа. В системе, которая функционирует по ведущему мировоззренческому понятию «единства», все составляющие его равноценны и выражают всю полноту бытия.

Постепенно в художественном сознании растет утверждение величия человека, его некоторое противопоставление природе. Приходит и идея господства над природой, – на чем

зиждется фундаментальная идеологическая база соцреализма. В древности и в средневековье человек себя не мыслил вне приобщенности к природе, поисков гармонии с ней для достижения внутренней гармонии. Таким образом складывались и принципы творчества, зиждущиеся на том, что «энергия» жизни перерастает в «энергию» искусства.

Итак, реальная жизнь и потребности реального человека четко отражались в художественной культуре древних, дошедшей до нас.

Скажем, в творчестве кобанцев богато представлены украшения костюма. Здесь можно выделить украшения и бытовые предметы, на которые нанесен определенный орнамент, т. е. изображение окружающей действительности: животных, растений, человека. Разумеется, орнаментальные мотивы и сюжеты не случайны здесь и говорят о богатой художественной культуре творцов кобанской культуры. В орнаменте запечатлено эстетическое осмысление деятельности человека, творчески преобразующего, упорядочивающего окружающий его мир. Особенно интересен орнамент на украшениях и бытовых предметах кобанской культуры.

Очень важным моментом является то, что древние мастера стихийно угадали и отразили движение жизни, диалектику, и это стало сутью, основой художественной образности их примитивного искусства. Это искусство помогло отразить сущность жизни кобанского общества многогранно и глубоко.

Безусловно, творчество древних художников регулируется определенными нормами и канонами, эстетическими принципами, которые передаются из поколения в поколение, закладывая основы эстетических и художественных традиций. Конечно, эти нормы и принципы теоретического обоснования не имеют, но существуют объективно и активно влияют на формирование общественного сознания. Об этом свидетельствуют реальные процессы художественно-эстетической деятельности древних художников. В частности, наличия опреде-

ленной «школы стилистики» в орнаментальных мотивах. Или существование категории меры, нормативности, выверенных пропорций, при которых активно используется математика в решении конкретных художественно-эстетических задач. Словом, у субъектов кобанской культуры отмечается высокий уровень эстетической и художественной деятельности и эстетического, художественного сознания в целом. Их эстетические чувства, потребности, вкусы получили значительное развитие. При этом эстетическая мысль в синкретическом единстве с мифологией, с мировоззрением племен, успешно формируется как неотъемлемая, органическая, составная часть общей кобанской культуры.

Особенностью духовной культуры кобанцев является синкретическая целостность, позволяющая одинаково и целостно рассматривать все: природу и человека. И это диалектическое мышление древних людей, пребывая еще в первобытной простоте, определяет специфику и их художественного сознания, ориентированного на восприятие органического единства мира, природы и человека. Отсюда и объективная закономерность зарождения и развития принципа подражания реальной действительности, ставшего предтечей реализма в художественном сознании.

«Стихийный» же, «наивный» фольклорный реализм, как первый тип реализма, сформировался в сфере фольклорного типа художественного мышления предков осетин еще в эпоху первобытности. Во многом этому способствовал принцип подражания реальной действительности, который на позднем, зрелом этапе развития художественного сознания первобытности трансформировался, качественно обогатившись, в фольклорный реализм. Особенности данного процесса можно проследить в художественном сознании, отраженном в нартском эпосе осетин. Своеобразие эстетики нартского эпоса проявляется в том, что в нем проявляются уже реальные элементы в обрисовке образов героев и деталей обстановки. Да

и главными героями эпоса становятся уже не боги или фантастические существа, а люди. То есть эстетику эпоса составляют уже элементы непосредственной, жизненно достоверной реальности, появляется даже сатирическая окраска.

Словом, начинается новый этап художественного освоения реальности, что обусловлено, конечно же, качественной эволюцией художественного сознания. Ведь в эстетике нартского эпоса уже присутствует непосредственная жизненная основа. Конечно, бытовая и событийная достоверность еще не дает важнейшего элемента реалистического типа мышления: нет еще в эпосе изображения психологии, не раскрываются еще механизмы внутреннего психического действия, без чего нет идеала свободной, душевно богатой личности, что составляет отличительную особенность реализма. Однако уже в фольклорном типе художественного мышления формируются элементы «стихийного», «наивного», фольклорного реализма. И это качественно меняет специфику художественного сознания. Прежде всего, мы исходим из того, что фольклор, безусловно, имеет социально-философское содержание, во-первых; во-вторых, очевидна взаимосвязь его с другими формами общественного сознания народа. И, в-третьих, конечно же, фольклор всегда занимал большое место в структуре общественного сознания. В фольклоре отражены воззрения народа на различных этапах его исторического развития, обобщен его социальный и гносеологический опыт, отражены мечты, чаяния и стремления народа. Углубленный анализ устного народного творчества помогает нам проследить основные этапы развития сознания алан-осетин, в частности, развития их взглядов на природу, общество и человека, что позволит понять истоки фольклорного реализма.

Фольклор имеет также большое историко-познавательное и идейно-воспитательное значение. Он используется в изучении не только общих, но и конкретных проблем истории социальной жизни и духовной культуры, в особенности, ранних

периодов. Причем в нем дана в основном объективная, верная оценка событий, выражено подлинное отношение народа к Родине, вопросам морали, быта. Трудно переоценить значение устного творчества в воспитании патриотизма, дружбы и братства, высоких норм нравственности. Необычайно популярны и жизненны мифы, художественные образы, песни, сказки, баллады, афоризмы и другие жанры народного творчества.

Как отмечалось, устное творчество является отражением мирозерцания народа на различных этапах его социально-экономического, политического и культурного развития. Но это отражение имеет свои специфические особенности.

Большое методологическое значение для изучения фольклорной формы сознания имеет представление о фольклоре, в частности, эпосе, как о продукте «детства» человечества, который, будучи наивным, составляет безыскусственную правду. Это положение можно полностью отнести к устному творчеству алан-осетин. И важно оно тем, что фольклор являлся отражением незрелых общественных отношений того времени. Эти положения служат ключом к пониманию фольклора, как формы сознания, к осмыслению генезиса фольклорного реализма, ведь фольклорное сознание соответствует уровню обыденного сознания.

Изучив фольклор в интересующем нас аспекте, мы пришли к следующим выводам.

1. Фольклор занимает важное место в системе духовной культуры общества. Его идейное содержание определяется прежде всего экономическими и социальными отношениями, а также духовными традициями самого народа, уровнем его духовной жизни.

Но народ – сложная социальная общность, состоящая на отдельных этапах истории из различных социальных слоев и классов. Характер творчества и значительность вклада той или иной социальной группы в развитие духовной культуры

народа, в частности его устного творчества, находятся в прямой зависимости от ее положения в обществе, ее отношения к средствам производства, степени духовной активности. То есть фольклор – коллективное творчество масс. И он занимает определенное место в системе форм общественного сознания. Кроме того, устное народное творчество обобщало общественно-исторические, трудовые условия его жизни; в нем аккумулировались народные идеалы и мечты о лучшей жизни.

2. Фольклор, являясь одной из форм общественного сознания, обладает, в свою очередь, собственной сложной внутренней структурой. Специфическая особенность его заключается, прежде всего, в том, что он содержит в себе в зачаточной форме элементы политических, правовых, нравственных, религиозных, философских, художественных и научных взглядов. Специфически отражая общественное бытие на уровне практического, обыденного сознания, устное народное творчество на протяжении всей своей истории все более тесно взаимодействует и с другими формами общественного сознания, такими как мораль, право, политика, религия, а также философия и наука, в которых развивается более глубокий, теоретический способ отражения действительности.

3. Устное творчество народа является стихийно сложившимся способом отражения действительности на уровне явлений и потому носит фрагментарный характер.

4. Этот вид творчества не проникает во внутренние закономерности своего главного предмета – общественного бытия, что связано с особенностью фольклора как формы стихийно-практического освоения действительности. Но он содержит в себе существенные предпосылки таких теоретизированных форм общественного сознания, как наука и особенно философия, а это, в свою очередь, обусловлено общностью объекта отражения – общественного бытия.

5. То обстоятельство, что устное народное творчество не является теоретическим отражением действительности, нель-

зя считать его недостатком. Будучи неспособным охватить такие стороны действительности, которые выступают специальным объектом теоретического сознания, оно в контексте своих специфических задач обретает и достоинства: большую подвижность, способность быстрее и непосредственнее реагировать на те или иные социальные изменения, образно-эмоциональный охват широких людских масс и, как следствие, возможность влияния на те или иные общественные настроения.

6. Фольклор органично связан с этническим мировоззрением осетин и их предков и с их философским сознанием.

7. Устное народное творчество издавна служило той почвой, на которой произрастали искусство, литература и т. п.

8. Устное народное творчество выражает многообразное содержание народного сознания, заключающего в себе предпосылки и осознание всех форм и уровней общественного сознания. Кроме того, мировоззренческие компоненты устного народного творчества имеют особую ценность, поскольку, в отличие от философских, теоретических основоположений, они непосредственно сопряжены с человеческой эмоциональностью, опираются на жизненный опыт и народную мудрость.

9. То есть фольклор является той плодотворной почвой, которая веками питала общественно-политическую мысль, предопределяя возможность глубже познать неисчерпаемые творческие силы народных масс – субъекта, творца материальных благ.

10. В фольклорном сознании проявляется специфический характер художественно-эстетического и философского осмысления мира и эволюции мировоззрения осетин и их предков. В нем удается проследить элементы стихийно-материалистического восприятия действительности, наивной диалектики, свободомыслия, детерминированность мышления определенными историческими условиями.

11. Кроме того, ярко проявляется и взаимосвязь фольклора осетин и их общественно-исторической мысли, – оказы-

вавшей плодотворное влияние на все аспекты их духовной жизни.

12. Большой интерес вызывает исследование особенностей, путей и форм познания творцами народных произведений, природных и социальных явлений, формирования основ наивного, стихийного реализма.

13. Важнейшей задачей при этом является раскрытие, обобщение социальных идей, отраженных в фольклоре: непримиримое отношение ко всем проявлениям социального неравенства, резкая критика эксплуататорских классов и т. д., а также содержание нравственных идей в устном народном творчестве, идеи гуманизма, патриотизма, дружбы народов и др. Конечно, в фольклорном сознании проявилась народная утопия о лучшем общественном строе, равноправии, совершенной личности, «хорошем» и «добром» руководителе.

Так меняется культурная парадигма, а с ней и онтологическая перспектива художественного образа, который уже отражает не вечное, метафизическое, а исторически и реально конкретное и актуальное бытие человека. Так появляется новая, качественная, смысловая категория: светская культура в феодальную эпоху. Далее художественное сознание феодальной эпохи перерастает в художественное сознание буржуазной эпохи.

Художественное сознание осетин и их предков на протяжении всей их социальной истории показало свое стремление выразить наиболее существенные и общие законы жизни своего субъекта в соответствии с формирующимся и развивающимся исторически-гуманистическим пониманием бытия. При этом, отражая повседневность, оно решало очень важную творческую задачу, формируя большие художественно-философские обобщения в перспективе социальной истории своего субъекта. Так, использовало исторические сюжеты разных эпох, в т. ч. мифы и легенды, для раскрытия гуманистической сути борьбы человека за покорение мира и познания своей

собственной природы. В фольклорном типе мышления это сочеталось с использованием фантастических образов, смелого поэтического вымысла, символики, условных форм. При этом сюжеты наполнялись новым смыслом, отражающим гуманистическое восприятие действительности, что выражалось в обогащении изображения характеров и душевного мира героев, мировоззрение которых порождалось той или иной новой эпохой.

14. Итак, в фольклорном искусстве существовал канонический способ художественной деятельности, составивший вместе с принципом подражания реальной действительности, основу «стихийного», «наивного», фольклорного реализма.

Однако постепенно культурные потребности феодального общества алан порождают новые идеи, которые уже не могли выразить художественно-эстетические средства антропоморфического искусства, а сложные религиозные чувства – в эпическом жанре. То есть искусство обогащается новыми эстетическими функциями. Сложность же и специфика религиозного чувства заключается в том, что сквозь него явственно проявились новые взгляды аланского общества на мир, на единство материальной природы, т. е. «связь всего со всем», стихийно угаданное средневековым сознанием.

Художественная культура осетин в XIX веке, как мы отмечали, становится на путь профессионализации, появляются профессиональные художники, музыканты, писатели, поэты, артисты. В истории развития осетинского художественного сознания нарождается новый этап.

Так формируется искусство критического реализма, исследующее глубоко и основательно сущность человека в процессе его сложных связей с окружающим миром. В целом конфликт личности и общества, вернее, социальную природу этого конфликта.

Осетинское искусство критического реализма акцентирует свое внимание на классовых корнях социальных процессов

и явлений. Реалист-художник проявляет качества мыслителя, анализирующего законы жизни, формирующего свои мысли в образах, подчиняющихся законам эстетики. В целом осетинское искусство критического реализма отразило несоответствие буржуазного строя нормам гуманизма, а значит выразило и протест против всех форм социального и духовного порабощения человека.

Реализм в зрелых формах предполагает изображение жизни в образах, соответствующих сути явлений самой жизни и создаваемых с помощью типизации фактов действительности.

Художественная культура – это средство познания человеком себя и мира. Художественному сознанию, благодаря реалистическому типу мышления, удастся глубоко постичь жизнь, отразить ее со всеми присущими ей противоречиями и конфликтами.

Искусство реализма в процессе художественно-образного познания жизни показывает взаимодействие человека и среды, влияние социальных обстоятельств на судьбу, характер, нравственный и духовный мир человека; в целом влияние общественных движений на социальную жизнь.

Важно также то, что реалистический тип художественного мышления отражает отношение искусства, этнокультуры к объективной действительности, воспроизводя жизненную правду.

В своих развитых формах реализм достоверно раскрывает человеческий характер, ставит вопросы о сути человека, о человеческой природе, о сущности общественных отношений и смысле жизни. То есть показывает богатство жизненного содержания, взаимосвязи события и характера человека. Историзм реалистического типа мышления проявляется в том, что он раскрывает, как отражается эпоха во внутреннем мире и поведении человека, как детерминирует их, прослеживая прямую зависимость того и другого от социальных, нравственных, религиозных представлений, от конкретных условий

человеческого существования, т. е. социально-бытового фона эпохи. При этом реализм исходит из того, что обстоятельства – необходимая предпосылка раскрытия душевного мира человека. Выявляет глубину и природу человеческих чувств, свойственных разным типам личности. Анализирует процесс развития характера, глубин человеческого духа.

Словом, важнейшими критериями художественности в эстетике реалистического типа мышления становятся исторически формирующиеся еще в недрах фольклорного типа осетин и их далеких предков принципы: 1) детерминированность поведения человека социальными обстоятельствами; 2) свобода воли человека при выборе жизненного пути или реализации того или иного типа своего поведения; 3) способность человека подняться над обстоятельствами и противостоять им, определяя тем самым как логику своего поведения и развития своего характера, так и свою собственную судьбу; 4) роль духовно-нравственных идеалов человека в противоречиях со средой как условие индивидуализации его характера. И не случайно, ведь реалистический тип мышления в его поисках «в человеке человека» (Достоевский) интересуется не только социально-типическим и индивидуально-психологическим, т. е. предопределенным в человеке, но и неопределенно-незавершенным, что раскрывается обычно в процессе решения человеком «вечных» вопросов жизни и смерти и определяется степенью его свободы выбора в экстремальных ситуациях.

Обстоятельства, характер конфликтности в реалистическом типе мышления играют очень важную роль, т. к. реализм стремится воссоздать действительность во всех ее противоречиях, бытовых, социальных и нравственных столкновениях.

На всех этапах развития художественного сознания осетин и их предков реалистический тип мышления адекватно отражает динамику развития экзистенциального бытия своего субъекта, показывает становление нового, т. к. создает новые, порожденные своей исторической эпохой социальные типы

человека, характеры. Ведь у каждого времени – свои герои, полно и многогранно отражающие суть своей эпохи, ее нравственно-этические, религиозные и социальные тенденции и ценности.

Реалистический тип художественного мышления, судя по искусству и культуре осетин и их предков, начиная с древнейших времен, еще с фольклорного типа сознания, вынашивает глубочайшую любовь к человеку, бесконечное сострадание к его судьбе. И это помогает реализму в процессе исторической эволюции художественного сознания отразить жизненную правду, соотнести с ней свою художественную правду.

Также важно отметить, что, скажем, в критическом реализме прозвучал не только социальный протест, но и отразилась связь общественного сознания с освободительным движением рабочего класса в Осетии и в России.

Осетинское художественное сознание конца XIX – начала XX вв. осваивает новые принципы построения социально-психологических произведений с их философско-этической направленностью, т. е. новые способы постижения человеческого характера, его психологии и душевного мира. Главное в развитии художественного сознания – это реалистический принцип изображения жизни «в формах самой жизни».

Реалистический тип мышления соединял в единое противоречивое целое человека, природу и общество, т. е. стремился видеть мир в его сложном единстве и противоречиях, во взаимосвязях.

Художественное освоение мира в искусстве реализма породило новые формы. И через него осетинское художественное сознание включилось в мировой художественный процесс, завоевывая свое место в мире, созидая свою картину мира, в которой традиционные образы и сюжеты переосмысляются в контексте нового социального опыта, воспринятого через русский мир.

Так зарождается искусство критического реализма, исследующее измельчание личности, утрату человеком цельности и этических духовно-нравственных ценностей в результате разлагающего влияния буржуазного мировоззрения, в целом конфликт личности и общества, вернее, социальную природу этого конфликта.

Осетинское искусство критического реализма акцентирует свое внимание на классовых корнях социальных процессов и явлений. Реалист-художник проявляет качества мыслителя, анализирующего законы жизни, формулирующего свои мысли в образах, подчиняющихся законам эстетики. В целом осетинское искусство критического реализма отразило несоответствие буржуазного строя нормам гуманизма, а значит выразило и протест против всех норм социального и духовного порабощения человека.

Осетинское художественное сознание конца XIX – начала XX вв. осваивает новые принципы построения социально-психологических произведений, с их философско-этической направленностью, т. е. новые способы постижения человеческого характера, его психологии и душевного мира. Главное в развитии художественного сознания – это реалистический принцип изображения жизни «в формах жизни».

Реалистический тип мышления соединял в единое противоречивое целое человека, природу и общество, т. е. стремился видеть мир в его сложном единстве и противоречиях, во взаимосвязях. И не случайно.

Ведь реализм в зрелых формах предполагает изображение жизни в образах, соответствующих сути явлений самой жизни и создаваемых с помощью типизации фактов действительности.

В осмыслении философских основ критического реализма в осетинской литературе важнейший методологический подход составляет, на наш взгляд, установка, согласно которой основой развития художественного сознания являются соци-

ально-экономические условия жизни, историко-философские факторы, обуславливающие формы функционирования художественных идей и концепций художественного сознания в целом.

Логика и суть эволюции художественного сознания в том, что она, эта эволюция, способствует порождению «чувственного», эмоционального, понимаемого (т. е. гносеологического) и ценностного (т. е. аксиологического) начала в содержании художественного сознания. И тем самым стремится адаптировать или приспособить объективную действительность к интересам и нуждам своего субъекта (этноса-народа-нации). Логика эволюции художественного сознания определяет и объясняет этно-национальное своеобразие художественного сознания, его роль во взаимосвязи реальной, т. е. «первой» действительности и искусственной, т. е. «второй» действительности, национального мира и художественной культуры. Художественное сознание осетин и их предков играет особую роль в процессе формирования этнокультуры осетин в ее органических, гармонических связях с реальной действительностью, природной и социальной. И это дает ему возможность создать особую художественную картину мира.

Кроме того, следует учитывать, что художественное сознание осетин – единая, системная целостность, имеющая свои качественные типы в различные исторические эпохи и объективно зависящая от уровня динамики социально-исторического развития своего субъекта. Методологически важно учесть историческую типологию художественного сознания осетин.

Историческая типология художественного сознания осетин и их предков выглядит следующим образом. Первым типом художественного сознания является мифология, вторым – фольклорный тип художественного сознания. Между ними существует переходный этап, отраженный в нартском эпосе осетин. И третий тип составляет личностный (автор-

ский), имеющий письменную традицию, ярко отразившийся в осетинской художественной литературе.

Итак, исторически первым типом художественного мировосприятия и художественной картины мира были мифы, мифологическое сознание, которое и «слепило» его содержательно-смысловой аспект. Будучи исторически первой формой общественного сознания, миф стал смыслоорганизующим явлением в процессе жизнедеятельности древних людей, определяющим их социально-психологические установки и характер. Мифологическая же картина мира определяла все аспекты бытия древних, т. е. имела всеобщий смысл в духовной и практической жизни, отражая как реальные, так и идеально-иллюзорные модели бытия, человека, общества, Вселенной. Она помогала восстановить всю полноту жизни людей, в т. ч. и их художественно-эстетический ценностный мир. Словом, мифологическая картина мира определяла возможности практического, духовного и художественного освоения мира, в частности, повседневную жизнь, судьбы, деятельность, знания; создавала основания для ритуалов; «предписывала» нравственные поступки, «подсказывая», как их совершать. То есть поддерживала мораль, ритуалы, существующую систему ценностей, нормы поведения. А мифологическое мышление было как бы практическим руководством к действию первобытного человека и социума. Благодаря мифологической картине мира было возможным упорядочивать и организовывать образ жизни людей, притом, что и коллективный опыт, и историческая память их были еще небогатыми. И это существенно повышает ценность и значимость ее в жизни и общественном сознании первобытных людей.

Миф выражает сложную и противоречивую первобытную идеологию и отражает сущность важнейших духовных ценностей, нравственные нормы, художественное творчество и специфическое мышление. То есть это первобытные по сути космология и антропология. Потеряв магико-религиозное со-

держание, миф стал отражать актуальные проблемы жизни первобытного общества и первобытного сознания в сжатом синкретическом виде, став первым типом художественного сознания.

Миф – вымышленный рассказ, в котором явления природы или культуры представляются в наивно-олицетворенной форме. Это – наиболее ранняя форма духовной культуры человечества, объединяющая в себе зачатки знаний, религиозных верований, разных видов искусства, философии. Впоследствии эти элементы получили самостоятельное развитие. Подобный процесс имел место в культуре разных народов, в том числе в осетинской культуре.

Вторым в нашей типологии является фольклорный тип художественного сознания алан-осетин, зародившийся в недрах первобытности и особенно мощно развившийся в феодальную эпоху.

Переходным этапом между ними можно считать художественное сознание, отраженное в нартском эпосе и содержащее в своей структуре элементы художественного сознания первого типа, т. е. мифологии, и художественного сознания второго типа, т. е. фольклорного типа художественного сознания осетин и их предков, синтезируя в себе как мифическое, так и историческое начало.

В нартском эпосе просматривается вся онтология этно-национального бытия осетин и их предков. А в многовариантности этно-национальных образов эпоса выявляется вся «бытийность» этно-национального мировосприятия алан-осетин и их предков. В нартском эпосе осуществился синтез мифического и рационального.

Постепенно мифологическое сознание трансформировалось в историческое, а хаотическое мировосприятие и миропонимание развивалось и двигалось к гармонизации художественной картины мира. Культ предков, мифы о культурных героях – основателях земледелия, ткачества, кузнечного дела

порождали представления об органическом единстве племени, рода как социальной общности. Вообще процесс осознания себя во времени и пространстве замечательно отразилось в художественном сознании предков осетин. Именно художественному сознанию удалось передать всю социально-историческую уникальность процесса формирования осетинского этноса – народа – нации, благодаря традиции как механизму трансляции художественного сознания во времени.

Нартский эпос, один из древнейших и богатейших памятников мировой культуры, формировался на протяжении большого исторического периода. Начало его зарождения относится к первой половине I тысячелетия до н. э. Окончательно же он сложился к XII-XIV вв. н. э. То есть, эпос нартвов складывался на протяжении 2 тысяч лет. Естественно, за это время отстоялось и откристаллизовалось художественное сознание его субъекта, отраженное в нем, а через него – и сокровенная духовная «самость» творцов-созидателей эпоса.

Нартский эпос отразил общественные отношения и быт эпохи военной демократии, которая охватывает часть I тысячелетия до н. э. и все I тысячелетие н. э. и характеризуется многоукладностью и сложным переплетением институтов и патриархально-родового, и феодального строя, которые существовали одновременно. Ведь вторая половина I тысячелетия н. э. – ранее V-VI вв. – время формирования феодализма в недрах общества военной демократии. Так, общество алан шагнуло от военной демократии к образованию классового общества. Поэтому большое значение сейчас имеет изучение философско-эстетических основ нартского эпоса, являющихся своеобразным «ключом» к изучению средневекового художественного сознания и искусства вообще.

Миропонимание нартвов в эпосе обусловлено особенностями их мышления и, конечно, мышлением субъекта эпоса о бытии, – в общем плане через призму осмысления ими самых фундаментальных вопросов философии (т. е. всеоб-

щего и универсального) в бытии в целом, как их постигло первобытное эпическое сознание. Дело в том, что в эпосе нартов аккумулируется коллективный духовный опыт предков осетин, и конкретно это происходит через мифы, формирующие структуру и содержательную сущность эпоса. Своеобразие же мифологической мудрости, порождающей философские идеи эпоса, заключается в том, что эпическим сознанием уже постигается реальное, действительное рациональное начало, т. е. идет познание, которое, синтезируясь с мифологическим началом, порождает содержательный синтез мифического и рационального в содержании и структуре нартского эпоса.

Важнейшие же философские идеи в эпосе нартов следующие: идеи происхождения мира, космоса, Вселенной, самого бытия; идеи конца света; идеи жизни и смерти, идеи смысла жизни; идеи борьбы единства и противоположностей как источника движения, динамики, развития, – т. е. по- существу идеи стихийной диалектики; идеи живой связи всего со всем, т. е. идеи объективно существующей причинно-следственной зависимости в мире, в Космосе, во Вселенной как необходимое условие движения, развития, становления; идеи эволюционного развития человека, зарождение идеи личности; пути нравственного прогресса общества и человека через освоение нартами важнейших этических и эстетических понятий: добра и справедливости, свободы и гуманизма, прекрасного и возвышенного, героического и трагического и т. д.

Философские идеи в нартском эпосе формируются через систему мифов, которых в эпосе – несколько типов. Это, во-первых, космогонические мифы, т. е. мифы о происхождении мира. Во-вторых, мифы эсхатологии и разрушения, т. е. диаметрально противоположные космогоническим мифам. В-третьих, мифы о героях; в-четвертых, мифы о высших существах и небесных божествах. В-пятых, это мифы о животных и растениях.

Рассмотрим подробнее данные типы и своеобразие отражения в представленной типологии мифов важнейших философских идей эпоса нартов.

1. Итак, первый тип мифов в эпосе – космогонические мифы, т. е. мифы о происхождении мира нартов.

Сюжет мифов о происхождении мира и человека в эпосе отражает культурную форму, т. е. традиции. Так, мифы в нартском эпосе о происхождении нартов и их мира предлагают свои модели действительности и устройства жизненного уклада в первобытную эпоху. В состав космогонических мифов входят теогонические сюжеты, т. е. мифы о происхождении богов, и антропогонические мифы, т. е. мифы о происхождении людей.

В целом основу нартского эпоса составляют космогонические мифы, т. е. мифы о происхождении мира, вселенной, и антропогонические мифы, т. е. мифы о происхождении человека.

Так, начало нартов следующее. Родоначальником нартов был Уархаг. У него было два сына: близнецы Ахсар и Ахсартаг. Однажды, преследуя чудесную птицу, ворующую яблоко нартов, Ахсартаг спустился в подводное царство. Птица оказалась красавицей Дзерассой, дочерью владыки вод Донбеттра. Ахсартаг женится на ней. На пути домой он из ревности убивает брата, а затем и себя. Беременная Дзерасса отправляется к нартам и рождает Урузмага и Хамыца. Когда они выросли, то разыскали своего деда Уархага и женили его на своей матери. Так было положено начало роду нартов Ахсартагата. Нарты, как видим, произошли от дочери водного божества Дзерассы. И связь нартов с водной стихией прослеживается через весь эпос.

Космогонические мифы способствовали также постижению нартами окружающего мира, его свойств и характеристик. И вполне закономерно, что в данных мифах и зародились элементы стихийной диалектики.

Суть стихийной диалектики проявилась, в частности, в стихийном и неосознанном постижении нартами борьбы

единства и противоположностей в каждом явлении, объекте, впоследствии сформулированной как один из важнейших и основополагающих законов философии.

Нартами, а соответственно субъектами эпоса, осознано, что источник движения (развития) не где-то вне объекта или явления, а в самом объекте. И даже если источник движения (развития) в сверхъестественных силах, то они – не божественного происхождения, а заложены в самом объекте – герое: в Батразе, в Сослане.

Отсюда и суть эпического реалистического образа. Оба героя (и Батраз, и Сослан) закалены в кузнице Курдалагона, и этим (конечно, помимо их происхождения) обусловлены их сверхъестественные способности и возможности, превосходящие способности и возможности рядовых, обычных нартов. То есть источник развития их сверхъестественных сил – не вне их, и обусловлен не каким-то божественным волеизъявлением, а находится в них самих непосредственно.

Эпическое же сознание довольно убедительно развивает идею борьбы единства и противоположностей. А суть ее, согласно логике эпического мышления, в том, что всякая целостность объекта, в частности, образа героя эпоса, есть прежде всего сложная система, которая в себе содержит элементы и тенденции, друг с другом несовместимые. И это опять-таки подчеркивает философскую идею борьбы единства и противоположностей. Так, в эпосе показано четкое осознание дуализма, т. е. положительного и отрицательного, – во взаимоотношениях добра и зла. Злые силы в эпосе постоянно борются с силами добра и красоты, мира и справедливости, сплоченности и порядка. В общем, борьбу Хаоса и Гармонии воплощало в себе упорядочивающее все и вся божественное начало. Скажем, идеальные герои нартов, несущие в себе идеи организованного Космоса, прогресса, постоянно конфликтуют с безобразными великанами – уайыгами, воплощающими идеи Хаоса, регресса.

Неосознанно познанная нартами стихийная диалектика в эпосе проявляется и в том, что нарты осознают, что всякая конкретная форма существования сейчас, сегодня, – в природе ли, в обществе, – не окончательна. И всегда возложен переход явлений в более высокие и развитые формы. Конечно, это, согласно эпическому сознанию, происходит по мере того, как эти явления, объекты, будут реализовывать свои возможности, исчерпывать свой гуманистический потенциал. Так, идеальные герои – гордость нартов, – находятся в постоянном движении становления, развития, цель которого – достижение полнейшей гармонии с окружающим миром, т. е. с нартским обществом, улучшая и совершенствуя в нем социальные связи и отношения, т. е. способствуя Гармонии, прогрессу и цивилизации. Весьма любопытным фактом в структуре эпоса является то, что многоэтажную Вселенную объединяет ось мира, главный опорный столб, соединяющий весь каркас космоса. В разных нартских вариантах ось мира имеет различный облик. Так, в осетинском – это образ мирового дерева, который проникает во все миры: корни его в нижнем (в подземелье), ствол – в среднем (земном), ветви и верхушка – в верхнем (небесном). Оно объединяет всю Вселенную: таково строение модели мира в эпосе нартов. В эпосе же очаг воспринимается как «сердце» дома и составляет своеобразный центр дома: возле него организуется вся жизнь семьи. То есть во многом он напоминает образ мирового дерева, вертикальную ось мира. И существует традиция обхождения (или объезда на лошади) рекрута или свадебного поезда вокруг очага у осетин и по сей день. Все это ритуальное действие призвано гармонизировать отношения в природе или в обществе. В представлении нартов структура Мироздания строится по цепи: Вселенная- род-село-дом-человек. Здесь таится центр Вселенной, т. е. место, где совершается акт первотворения, т. е. именно здесь – «пуп земли» и реализуется время первотворения («начальное время», «незаманы рæстæг»).

Словом, в эпосе нартов отразились мифические представления о пространственно-временных свойствах Вселенной, о ее структуре, функциях, взаимосвязях «всего со всем» и деятельности – божественной и человеческой. При этом, конечно, важнейшей целью мифа в эпосе было показать переход от первоначального Хаоса к Космосу, совершаемый через серию основных космических актов. Состояние, имеющее место быть до творения, представляет собой Хаос, в недрах которого зарождается уже организованный Космос.

Так в эпосе нартов отразилась стихийная диалектика древних.

Нарты также заметили, что все явления в мире состоят из противоречивых начал: жизни и смерти, добра и зла, дружбы и вражды, огня и воды и т. д. И, кроме того, заметили, что мир строится не только по принципу Хаоса, изменчивости, «хрупкости», но и по принципу устойчивого постоянства, некоего равновесия противоположных начал. И, конечно же стихийная диалектика мифа в нартском эпосе состоит, во-первых, в осознании нартами наличия противоположных начал; во-вторых, в признании нартами единства всего сущего; единства, обусловленного вечностью и бесконечностью космической субстанции, из которой состоит все в мире, в т. ч. нарты и их оппоненты-противники. В целом важнейшими проблемами философии в эпосе являются: вопросы жизни и смерти, вопросы тайны бытия, происхождения Вселенной, мира, космоса, человека, смысла бытия, смысла жизни и смерти. И эпическое сознание, в той мере, в какой ему это доступно (здесь, безусловно, «срабатывает» принцип историзма), пытается ответить на данные философские вопросы, зародившиеся еще в эпоху первобытности, т. е. с тех пор, как человек обрел свой человеческий статус.

2. Мифы эсхатологии и разрушения, т. е. противоположные космогоническим мифам, – второй тип мифов в эпосе. Они отражают конец, гибель нартов, т. е. отражают происхождение

смерти. Причем смерть в представлении нартов и субъекта эпоса – не случайный конец жизни: нарты предпочли славную смерть позорной жизни. А потому даже и их гибель во имя утверждения их важнейших жизненных ценностей воспринимается, трактуется в эпосе как победа добра над злом, т. е. в целом как оптимистическая трагедия.

Богоборческие мотивы проявились в эпосе и раньше: в цикле Батраза, где он сражается в последней схватке с небожителями. По существу борьба Сослана с колесом Балсага – тоже богоборческий мотив. Так, в философской концепции эпоса проявились первые усилия человека освободиться от власти природы и подчинить ее себе (добывание огня и т. д., т. е. «древний Прометеевско-Амирановский комплекс»).¹³⁶

3. Третий тип мифов в эпосе – это мифы о героях, не о тех, кто создал мир, а о тех, кто его совершенствовал, делал его благороднее, человечнее, наполнял гуманистическим смыслом. И эти герои – конечно же, носители культуры, борцы за победу добра и прогресса.

Существуют в эпосе мифы о чудесном рождении героев; мифы, в которых отражаются представления нартов о мире, о смысле жизни, о судьбе. И, самое главное, представления о том, какими должны быть и идеальные люди, коими являются герои эпоса. Скажем, Урызмаг и Сатана. Не случайно же они практически присутствует во всех циклах. И каждое их появление вносит новые краски и черты в их характеристику. И, конечно же, есть у них и собственные циклы: о рождении Сатаны, как Сатана стала женой Урызмага, об измене Сатаны своему мужу, об их примирении, о Сатане и черном ногойце, об убийстве (нечаянном) Урызмагом своего безымянного сына, об Урызмаге и одноглазом великане, о последнем балце (походе за добычей) Урызмага, об изготовлении Сатаной пива, об удивительном превращении Урызмага в собаку и лошадь и др.

Миф об Урызмаге и Сатане В.И. Абаев относит к теогоническим, антропогоническим и этногоническим мифам. С ро-

ждением Сатаны связано и рождение первого земного коня и первой земной собаки, – естественно, от небесного коня и от небесной собаки. Так, лошадь произошла от небесного жеребца Уастырджи. Огненноногий конь Арфан, как верховное божество коней, был крылатым и умным. И потому Млечный путь, – удивительная россыпь звезд на небе, по-осетински называется Арфаны фад (след Арфана). Небесную природу его подчеркивает и термин «арфад» – от иранского абрапана – страж неба.¹³⁷

В эпосе лошадь понимает человеческую речь, дает полезные советы; она обладает сознанием, умеет думать, является другом и спасителем своего всадника. Иногда воюет и без всадника. Конечно, народ-кочевник (аланы) из всех животных больше всех ценил коня и собаку и потому ввел их в свой антропогонический миф. С образом лучшей женщины, Сатаны, связано и появление у нартов пива (алутон – сказочная пища или напиток). В целом миф об Урызмаге и Сатане – это миф о первой человеческой паре в эпосе нартов.¹³⁸

В эпосе формируются критерии человеческого, наполняются конкретно-чувственным содержанием критерии гуманизма; определяются пути духовно-нравственной ориентации человека в мире; осознаются фундаментальные ценности человеческой жизни.

Эпос рассматривает мир нартов в его соотнесенности с человеком, его нравственными нормами, требованиями, идеалами. То есть, выявление истинно человеческих качеств героев, их силы и стойкости, через органические связи героев с их социумом, – становится важнейшей философской задачей эпоса. В связи с этой задачей в эпосе формируются и устанавливаются глубинные взаимосвязи категории героического с категориями возвышенное, прекрасное, трагическое. Подвиг же представляется как концентрированное воплощение героического. И притом цель подвига в эпосе – всегда защита жизненных ценностей нартского общества.

В философской концепции героического четко выявляются его сущность и содержание. Причем философская сущность героического здесь трактуется как способность субъекта в особой форме самовыражения, его готовность к совершению значительных по своему общественному значению действий. Удивительны в своем героическом устремлении помочь нартам идеальные герои эпоса: Сослан, Батраз и др.

Вообще удивительна любовь нартов к жизни, к праздникам, к музыке, танцам. Все свое время нарты проводят или в походах, или в пиршествах, в игрищах-соревнованиях, или в танцах. Кроме того, на фандыре или свирели замечательно играют Сослан, Батраз, Сырдон. Можно сказать, меч и фандыр – самые важные символы нартских героев в эпосе. Это подчеркивается даже и в языке нартского эпоса. Постоянно в нем встречаются такие понятия и термины, как хастон хъазт (маневры), хъазанфаз (игорное поле), нарты симд (танец нартов) и т. д.

В целом, конечно, преемственность поколений нартов, выражающаяся в вертикально-исторической связи: Уархаг-Ахсартаг-Урузмаг-Сослан осмысливается как «генеалогическая циклизация» в нартском эпосе осетин.

Безусловно, философско-эстетическую структуру нартского эпоса строят и мифы о происхождении культурных благ: добывания огня, пива, изобретения ремесел, земледелия, фандыра, установления между людьми определенных социальных институтов (брака, брачных правил, обычаев, обрядов, традиций и т. д.). Их вводят обычно культурные герои. В целом в архаических мифологиях эти образы с трудом отделяются от мифологических образов тотемических предков. А в мифологических системах раннеклассовых обществ они сливаются с образами богов.

К мифам о культурных героях близки близнечные мифы, в которых два брата-близнеца проявляют противоположные черты: один – добрый, другой – злой, один поступает хорошо,

учит людей добру, а другой – нет, демонстрируя иную жизненную и нравственную позицию. Таковы мифологические сюжеты о братьях-близнецах Ахсаре и Ахсартаге в начальном звене генеалогической цепи нартского общества.

Одной из важнейших философских идей эпоса является зарождение идеи личности, эволюции человеческой природы. Идеи эти можно проследить в сюжетах о Сырдоне. Представления о человеке настолько меняются, что эпическое сознание допускает возможность существования «частного» человека, индивида, интересы которого частенько противостоят общим, коллективным. Но, что весьма любопытно, эпос не осуждает поведения Сырдона и его поступков.

Более того, в эпосе с мягкой иронией и любовью излагаются его приключения, его поистине героические усилия выжить в среде идеальных нартов.

Своеобразный герой, хитрый, ловкий, Сырдон может постоять за себя. В нем нет ничего героического, главное его оружие – острый ум и острый язык. Весь юмор эпоса реализуется в основном через этот образ. Не зря его называют «нарты фыдбылыз» (зло нартов). Он – оборотень, легко превращается в старика, старуху, девушку, даже в шапку, – когда это необходимо для решения его жизненно важных проблем, для удовлетворения его человеческих потребностей.

Отец Сырдона – водный дух Гагаг. Он как-то перекрыл воду и склонил красавицу нартов к сожителству, так родился Сырдон. Долго он сторонился нартов, да и они не признавали его. Даже образ жизни и дом его были тайной для нартов. Обычно он появлялся на нихасе нартов со своей собакой, обижал нартов и исчезал.

Как-то украл он корову Хамыца. И тот решил ему отомстить. Проследив за собакой Сырдона, Хамыц выяснил, где жила семья обидчика, и истребил его сыновей. Убитый горем, Сырдон из костей своих сыновей создал двенадцатиструнный фандыр и играл на нем душераздирающие мелодии, стремясь

вылить сердечную боль. Потеряв семью, он приносит фандыр в дар нартам, которые, услышав чудесные звуки его, в знак примирения принимают Сырдона к себе.

Как видим, истоки образа Сырдона ведут к древним мифам: рожден водной стихией, обладает чудесными способностями. В то же время в нем преобладает и бытовая, психологическая линия.

Так проявляются попытки Сырдона самоутвердиться в мире идеальных героев нартов, куда он постоянно вносит сплошные раздоры и противоречия. Эпическое сознание по-своему пытается осмыслить, понять и объяснить важнейший философский аспект единства мира: органические связи человека и его среды. То есть возникает уж очень остро проблема соотношения части и целого, общего и особенного.

Этот уровень развития философско-эстетического сознания привносит в эпическую гармонию свою дифференциацию. В эпическом мышлении разные жизнеотношения: жизнь и смерть, подвиг и предательство, радость и горе, добро и зло и т. д. уравниваются друг друга, т. е. сосуществуют рядом, вместе и одновременно. И это порождает особое мироощущение героев. Появление Сырдона, маленького смешного человека, в мире идеальных героев не случайно: в нем отражена полнота жизнеощущения, как его постигло эпическое мышление. В образе Сырдона просматривается стремление эпоса разглядеть в нем личность в индивидуальной ее неповторимости.

Свидетельством глубины постижения рационального в эпосе служит и органическая связь героического с возвышенным и трагическим. Ведь в основе всех героических деяний нартов – благороднейшие возвышенные цели, осуществление которых нерасторжимо с трагическим началом, подчас с трагическими потерями, что, в общем, определяет масштаб и эстетическую значимость героического, его философскую концепцию.

Диалектика необходимости и свободы также детерминирует нравственный выбор героической личности нартов, свершение ее подвигов. Для истинного идеального героя нартов нет альтернативы: вопреки всему он идет на подвиг во имя высших целей, даже зная, что ждет его погибель.

Философская концепция эпоса строится на сознании того, что человек, его мир творится его собственными руками, а не падает с неба, как золотые предметы Таргитаю. Потому так соотносимы основные, фундаментальные положения его с теми особенностями быта и бытия сарматов-алан, о которых сообщает Геродот.¹³⁹

Существенно обогащаются представления о человеке в эпосе нартов. Душа человека, как ее постигло эпическое сознание, – понятие многослойное и многофункциональное. Она определяет в конечном итоге и судьбу человека, и характер, и отношение к миру, его окружающему. То есть душа человека – его первоначало. В целом душу имеет все на свете. И мысль – тоже живая субстанция, – в ней заложена своя программа. А потому мысли должны быть только чистые. Мысль облачается в словесные формы – одежды. А потому человек несет ответственность как за свои мысли, так и за свои слова. И не случайно субъекты эпоса, предки осетин, всегда следили за своей речью, говорили мало, но весомо.

4. Четвертый тип мифов в эпосе составляют мифы о высших существах и небесных божествах. В эпосе нартов боги, духи, герои связаны чисто человеческими семейно-родственными отношениями. Некоторые мифологические образы богов составляют сложные многоуровневые системы, имеющие отличительные признаки. Мифологические образы, в т. ч. и божественные, составляют одушевленные, персонализированные системы метафор. Дело в том, что метафорические или символические образы есть инобытие того, что они отражают, т. к. форма тождественна содержанию, не являясь ее аллегорией. Своеобразны божественные персонажи в эпосе: Уасты-

рджи, Сафа, Фалвара и др. Значительно ниже их – различные демонические существа, воплощающие «темные силы».

5. Пятый тип мифов в эпосе – мифы о животных и растениях, в которых раскрывается, в каких отношениях человек, животные и растения между собой состоят: а) противопоставления или различия; б) происхождения; в) смешения; г) превращения; д) идентичности; е) сходства.

Постепенно в процессе развития сознания субъектов эпоса примитивные прежде мифы становятся более сложными, многогранными и формально, и содержательно, и структурно. Особенно это заметно в период вступления субъектов эпоса в эпоху классового общества. Так, различные мотивы и мифы переплетаются, мифы становятся сложными, более разветвленными повествованиями, образуя циклы.

Космос представляется как живой великан, а тотемические предки – как существа двойной природы: зооморфной и антропоморфной. И они легко меняют свое обличье. В мире нартов встречаются одноглазые великаны-уайыги, несущие отрицательный нравственный заряд. Они весьма убоги, примитивные по своей сути и природе, в отличие от богов, даугов и идеальных героев.

Данная типология мифов в эпосе, формирующая своеобразную, но весьма органическую систему философских идей эпоса, приводит нас к определенным выводам о сути и особенностях мирозерцания нартов и субъектов эпоса в целом.

Прежде всего, древний человек не выделял себя из природы, не осознавал свою уникальность и особенность. Мир, вселенную воспринимал единой целостностью, в которой человек стоит в одном ряду со всем, что населяет этот мир. В этом, собственно, проявилась особенность первобытного мышления, в т. ч. и художественного, и философского. Такое мировосприятие порождало единственно правильные подходы к пониманию законов жизни и вытекающих из них традиций.

Словом, к принципам миропонимания в эпосе можно отнести:

1) принцип единства мира, неотделимость человека от природы;

2) присущая миру гармония;

3) человек должен воспитываться в духе уважения ко всему живому; он должен научиться относиться к любой букашке как к себе самому;

4) вся природа – живая (и камень, и дерево и т. д.); и в ней нет смерти;

5) отсюда – необходимость утверждения определенных принципов природопользования и этики в отношении человека и природы;

6) учет понятий «запрет», «табу», «оберег», – т. е. системы запретов, регулирующей поведение человека в обществе и его отношений с окружающей природой.

Являясь нормативными правилами, они зафиксировались в различных фольклорных жанрах (поговорах, пословицах и т. д.), и, конечно, в нартском эпосе. Но одновременно отразились и в нормах морали, в этике древних, полагающей, что нельзя причинять боль и страдания зверю, животному, птице, – даже ругать их словесно.

Нарты также осознали необходимость, возможность и бесконечность процесса познания реальной действительности. Так, Бедоха, покойная жена Сослана, говорит мужу в Стране мертвых: «Тайны Вселенной обозначает этот клубок. Сколько бы ни стремился ты познавать их, всегда сможешь познать только часть из них».¹⁴⁰

Итак, в эпосе нартов осмысляются проблемы гносеологии, познания. При этом, конечно, «научные» знания в эпосе «переплетены» с суевериями, с обыденными знаниями, рациональные представления – с иррациональными. Однако говорить об осетинской мифологии, составившей основу нартского эпоса осетин, как о предфилософской форме сознания, на наш

взгляд, вполне корректно. Ведь все же философия в строгом понимании этого слова появляется в противовес обыденному сознанию, включающему в себя и мифологические представления, сквозь которые в эпосе пробиваются рациональные формы познания.

В целом же предфилософская мифологическая форма сознания представляет собой натурфилософскую систему, что подтверждается взаимосвязью мифологических и философских представлений в культуре осетин, в частности в осетинском нартском эпосе, как мы могли заметить в данном исследовании.

Особенность художественного сознания в том, что она отражает образно мир и выражает «целевую причину» любого явления, заключенную обязательно в человеке, в народе, т. е. в субъекте художественного сознания.

В первобытную и феодальную эпохи художественное сознание осетин и их предков развивалось только в фольклоре и, конечно, в целом в этнокультуре, в духовной, материальной и художественной культуре, в повседневной жизни, в традициях, ритуалах, обрядности.

Итак, вторым типом художественного сознания осетин является фольклорный тип художественного мышления.

Во всех случаях предметом фольклорного искусства выступает многогранное содержание духовно-нравственной и художественно-эстетической деятельности народа. Моделируя ее, искусство воспроизводит и выражает лишь необходимые и достаточные признаки оригинала. Именно в силу этого фольклорное искусство можно считать одновременно моно- и полифункциональной системой. Поскольку предметом и целью искусства является воспроизводство нравственного отношения человека к миру, то эстетическая функция является для фольклорного искусства смыслом и системообразующей, то есть определяющей сущность художественной картины мира осетин. Эстетическая и этическая монофункция искус-

ства определяет его полифункциональность. Здесь в частности, можно выделить: информационно-коммуникативную функцию (искусство как язык эстетического общения); воспитательную функцию, направленную на формирование эстетических способностей личности; воспитательную функцию, направленную на нравственное совершенствование личности. Воспитательная функция фольклорного искусства реализуется в познавательной, нравственной, мировоззренческо-идеологической, гносеологической и творчески- преобразующей функциях. Все они отражают в процессе жизнедеятельности народа через художественную картину мира осетин истину, добро, пользу, совершенство, творчество, любовь, наслаждение и т. п. Собственно же эстетический аспект воспитательной функции выражает всю палитру бытия (прекрасное, безобразное, комическое, трагическое, возвышенное, низменное и т. п.). Каким же образом и с помощью каких средств фольклор моделирует категориально-мировоззренческую и эмоционально-эстетическую суть и духовность в искусстве?

Фольклорное искусство является языком эмоционально-эстетического общения. Телесные выразительные возможности человека, предметы чувственно воспринимаемой его среды являются своеобразным средством моделирования художественно-эстетической информации в искусстве и в целом языком, средством художественно-эстетического общения. Искусство фольклора в данном смысле есть процесс творения знаково-символических систем, которые уводят в особый виртуальный мир, порождая новые смыслы.

Искусство фольклора концентрировало в себе высший духовный опыт истории всегда. Оно напоминало забывшему о красоте или горе, а непонимающего заставляло понять их. Через искусство обогащалась духовная сущность человека. В фольклорной культуре, выступающей как цельная и целостная система, эстетическая деятельность человека проявляется во всем и всегда. И важно то, что в осетинском обществе она

выступает как самоценный атрибут человеческой сущности. Происходит очень важный процесс: развитие эстетических отношений людей с окружающим миром ведет к расширению диапазона действий эстетических факторов в дальнейшей организации их совместной жизни и деятельности. Влияние этих факторов носит объективный характер. С данным процессом связано постепенное накопление этических и эстетических ценностей и норм в культуре. Ведь она сферой своего влияния избрала весь жизненный и духовный уклад конкретных, реальных людей, членов общества. Она уже четко определила смысл жизни в обретении человеком самого себя, в приобщении его к роду человеческому.

Формирование фольклорной культуры, как и фольклорного искусства, «второй» действительности, созданной человеком, способствует обогащению и специфической человеческой сущности и природы, – творческой, целеустремленной. В процессе духовного роста человека стали складываться и его нравственные представления и чувства, его мораль, что благотворно влияло и на совершенствование художественной картины мира осетин.

Фольклорное искусство выполняло, наряду с эстетической, этической и художественной, утилитарную функцию. То есть образное видение мира было наполнено конкретным содержанием практической повседневной жизни. Отсюда отражательно-познавательная ориентация художественного сознания, которое отражало важнейшие моменты крестьянской жизни. В песнях, плясках, хороводах, изобразительных орнаментах звучали ритмы трудовых процессов. Интонации музыкально-поэтического искусства выражали простые человеческие чувства, порождавшие тематику любовно-эротических, скорбных, радостных песен-плясок. Пластическое творчество, имеющее прикладной характер, было представлено в предметах крестьянского быта – в одежде, вооружении, утвари.

Фольклор как форма общественного сознания представляет собой модель жизни. И если наука – обобщенный образ отношений, связей, закономерностей, возникающих между объектами и выраженный в формулах, законах и др., то искусство – также обобщенный образ мира, но выражен он в совокупности субъективных образов (художественных).

Фольклор действительно – модель жизни. Ведь в жизни человек является субъектом отношений, деятельности, эстетических переживаний; проходит ряд превращений, связанных со сменой возраста, статуса, семейной роли. Но при всей уникальности индивидуального жизненного пути основные моменты этого пути – универсальны и характерны для всех членов общества. Это рождение и связанные с ним события, это включение во взаимодействие с другими (и переживания, отношения), это переход от одного возраста к другому, изменение социального статуса, приобретение семейной роли, профессионального статуса. В период становления этих событий человек испытывает объективные трудности, сопровождающие события, а также субъективные сложности, переживаемые как психологические проблемы. Именно такой универсальный для всех жизненный путь отражается в фольклоре, в множестве устойчивых его формул. Специфичность отражения (сочетание способов, характерных и для науки, и для искусства) позволяют определить фольклор как модель жизни.

Словом, самые существенные связи, механизмы, закономерности жизни отражены совокупно в фольклоре, закреплены в его формулах.

Важно также отметить, что эти формулы при каждом очередном воспроизведении обновляются и обогащаются, благодаря субъективному эстетическому опыту исполнителя. И тем самым получают все большую степень обобщенности. То есть фольклор, как и сама реальная повседневная жизнь, является постоянно самообновляющейся художественной системой.

Художественное освоение мира в искусстве реализма в XIX – начале XX в. породило новые формы. И через него осетинское художественное сознание включилось в мировой художественный процесс, завоевывая свое место в мире, созидая свою картину мира, в которой традиционные образы и сюжеты переосмысляются в контексте нового социального опыта, воспринятого через русский мир.

В начале XX века углубляется кризис буржуазной культуры, и в целом ставится вопрос о судьбах национальной культуры осетин. Конечно, все это в рамках культуры художественное сознание передает через осмысление переплетений частной жизни героев с историческими судьбами общества, изображаемого в процессе его развития.

Итак, реализм (от лат. *realis* – действительный, вещественный) – направление мысли, которое основывается на признании онтологического статуса сферы бытия независимо от человеческого сознания. Как показала история художественной культуры осетин и их предков, реализм делится на:

1) стихийный реализм, свойственный архаичным культурам и базирующийся на онтологизации человеческих представлений о мире, в рамках чего предметом онтологизации является непосредственное содержание опыта;

2) концептуальный реализм, который в контексте зрелой культурной традиции и, в отличие от стихийного реализма, основывается на осознанном и осмысленном дистанцировании объекта и мысли о нем.

К концептуальному реализму относятся: а) реализм как философское направление, которое представлено онтологизацией общих понятий (реализм буржуазной эпохи, т. е. критический реализм), предмета познания (критический или социалистический реализм), социальных отношений (социальный реализм); б) реализм как художественный метод, основанный на признании объективного бытия созидаемой в процессе художественного творчества реальности.

Художественная культура осетин и их предков – важнейшее средство познания субъектом, т. е. осетинским народом, мира и себя, благодаря тому, что в ней реализуется художественное сознание данного субъекта, т. е. осетин и их предков. Как показал многовековой эстетический опыт осетинского народа, художественное сознание дает человеку возможность вырабатывать обобщенные представления о связях, отношениях, закономерностях объективного мира, регулировать эмоциональные, рациональные и предметно-практические отношения с действительностью, определять ценностные ориентиры своего бытия и творчески преобразовывать условия своего существования, т. е. внутренний мир чувств, мыслей, идей и духовных ориентиров. И не случайно. Ведь, искусство, как форма общественного сознания, отражает объективно-реальный мир. Но художественное сознание, реализованное в сфере искусства, – не пассивно-зеркальное отражение действительности.

В реалистическом типе художественного мышления верность действительности – ведущий эстетический принцип. Изображение мира в реалистическом типе художественного мышления утрачивает абстрактно-условный, отвлеченно-аллегорический характер, свойственный художественному сознанию предков осетин в первобытную эпоху. И происходит эта качественная эволюция художественного сознания алан-осетин уже в эпоху феодализма, когда формируется «стихийный» или «наивный» реализм фольклорного типа художественного сознания.

Философская сущность художественного сознания осетин проявляется в том, что оно актуализирует свое пристальное внимание на познании человеческой души, ее тайны, ее связи с Богом, т. е. прекрасным. В этом смысле Бог как бы утрачивает частично свой трансцендентный, надприродный и надчеловеческий характер, сливаясь в художественном образе с природой и человеком, с конкретной этно-исторической социальной реальностью.

И этим художественное сознание как бы обожествляет человека и природу. И в этом смысле художественное сознание К. Хетагурова приближается философски и эстетически к высшим образцам мировой философии и эстетики. В эстетическом мироощущении Коста мир и человек представляются как некое живое единое целое, могущественное и величественное, как проявление божественной сути. При этом в этом удивительном едином целом ярко проявляется антропоцентризм художественного сознания Коста. И не удивительно: в художественной концепции поэта приоритет человека, автономной личности, самодовлеющая ценность человека очевидны. В картинах Коста-художника на фоне пейзажной перспективы «крупным планом» и с огромной любовью и восхищением написан портрет человека. Образ человека всегда у Коста как бы «отодвигает», «заглушает» пейзаж.

Во всех картинах Коста звучит возрожденческий гимн человеку, в котором все прекрасно и которого прекрасное в нем приближает к божественному началу, к божественной сути. Человек прекрасен и величествен, когда он единственен и в нем ощущается живое начало, человеческая душа, неподдельность и искренность чувства или переживаемой боли.

Мастерство Коста проявляется в том, что в его живописном творчестве наряду с рационалистическим, умопостижимым объяснением мира и человека актуализируется и его ярко эмоциональная картина мира, в которой за внешней простотой и гармонией прячется хаос борьбы Добра и Зла, отчаянной борьбы, где побеждает всегда Добро. И это закономерно следует из логики гуманистического мироощущения К. Хетагурова.

Таков сотворенный творческим сознанием Коста миф о человеке.

Рационалистические и антропоцентрические принципы, начинающие овладевать общественным сознанием в Осетии во второй половине XIX века, приводят к восприятию природы как объекта научного познания, к осознанию ее в качестве

важного источника материальных благ. А это вело к стремлению упрочить над ней власть человека.

Во второй половине XIX века в осетинской действительности активно формируются буржуазные отношения, развивается экономика, происходит становление нового уклада жизни. Соответственно в общественном сознании идет поиск и осмысление новых условий существования человека в быстро изменяющемся мире. В философском сознании эпохи человек предстает уже как отдельный, изолированный индивид со своими отдельными, частными интересами. Рождается представление о необходимости новой, т. е. юридической всеобщности, важнейшей категорией которой является закон, который дан не Богом, не природой, а сформулирован самим человеком на основе разумных начал жизни общества, логики. Он был принят индивидом и призван был организовать бытие, снимать отдельные противоречия в реальной жизни общества. Так, закон и право должны были явиться инструментом, с помощью которого предполагалось победить хаос, случайность в жизни, упорядочить общественное бытие, искоренить по возможности преступления, развязку трагических столкновений.

В связи с этим возрастает уровень требований к человеку второй половины XIX века. Так, идеалом становится рассудительный, честный, трудолюбивый человек, стремившийся к богатству, к увеличению общественного богатства, к порядку и дисциплине. И это замечательно отразилось в искусстве критического реализма, в художественной литературе, в творчестве просветителей. Постепенно в художественном сознании растет интерес к внутреннему миру человека. В искусстве воссоздаются полноценные образы природы, данные во взаимосвязи с мыслями, чувствами, переживаниями человека, его практической деятельности. Картина природы не просто фон, на котором разворачивается действие или дается портрет человека, но она вплетается в сюжет и наполняет его и себя новым содержанием. Опять же это не случайно, ведь

реализм предполагает изображение жизни как она есть, в образах, соответствующих явлениям самой жизни, создаваемых посредством приемов типизации фактов реальной действительности. Реализм стремится к раскрытию сущности жизни, к многообъемному охвату действительности с присущими ей противоречиями. Он утверждает ценность нравственных исканий. При этом искусство выполняет социально-воспитательную функцию. Реализм рассматривает действительность в развитии, стремясь отразить не только устоявшиеся формы быта и общественных отношений, но и то, что только существует в возможности, т. е. только нарождается, это новые формы жизни и социальных отношений, новых психологических и социальных типов людей. Он выражает отношение художественной культуры к действительности. Словом, реализм – это способность искусства отражения и осмысления жизненной, исторической правды, объективной истины.

Опять же, как показал многовековой эстетический опыт осетин, реализм – художественный метод, с помощью которого художник изображает жизнь в образах, адекватных сути самой жизни и создаваемых посредством типизации фактов действительности. А искусство – это средство познания человеком себя и мира, и с помощью реализма ему удастся постичь жизнь со всеми ее противоречиями. Искусство же реализма показывает взаимодействие человека со средой, воздействие социальных отношений на судьбу человека, на его нравы и духовный мир.

Процесс типизации характеров и обстоятельств происходил в зарождающемся реализме постепенно в виде конкретизации условий бытия персонажей, подробного описания лиц и предметов, места действия, исторических и временных особенностей, особенностей быта и нравов той или иной среды, своеобразия речи, языка. В принципе так создается живой образ действительности в осетинском искусстве, реализуется стремление художественного сознания осетин достичь равно-

значности, адекватности изображенного и реальной действительности. Обобщая многовековой эстетический опыт осетин, можно сделать несколько выводов.

1. Для зрелых форм реализма характерно единство типического и индивидуального, неповторимо-личностного, т. к. типическое есть основа реалистического образа, а степень индивидуализации придает жизненность этому образу.

2. Реализм изображает жизнь в движении и развитии, т. е. логику развития сюжета подчиняет логике события в реальной действительности. Как правило, искусственность снижает жизненную достоверность образа.

3. Соотношение жизненной правды, истины и художественной правды, что составляет жизненную содержательность, определяет и жизненную значительность художественных идей, в целом художественного сознания.

4. Реализм стремится достоверно раскрыть человеческий характер, его природу, суть общественных отношений. То есть в реализме событие и человеческий характер богаты жизненным содержанием, духовно многозначны, в текущей частной жизни той или иной эпохи выражено своеобразие универсального, общечеловеческого бытия.

5. При этом историзм художественного сознания проявляется в том, что внутренний мир человека и его поведение несут на себе печать конкретной эпохи. Так выражается прямая зависимость от социальных, нравственных, религиозных представлений, от условий человеческого существования, т. е. социально-бытового фона эпохи. В целом же обстоятельства – необходимая предпосылка раскрытия душевного мира человека.

6. Сущность реализма – в выявлении глубины и природы человеческих чувств, свойственных разным типам личности, развития характера, в показе сути человеческого духа.

7. Реализм исходит, прежде всего, из признания, во-первых, детерминированности поведения человека; во-вторых,

свободы его воли; в-третьих, способности человека подняться над обстоятельствами и противостоять им; в-четвертых, важности духовно-нравственных стремлений человека, вступающего в противоречие со средой.

8. Реализм ищет «в человеке человека (Достоевский), т. е. не только социально-типическое и индивидуально-психологическое, т. е. предопределенное в человеке, но и непредопределенное и незавершенное, его способность к решению «вечных» вопросов жизни и смерти, его свободу выбора в экстремальных ситуациях.

9. Конфликтность в реализме воссоздает действительность во всех ее противоречиях, бытовых, социальных и нравственных столкновениях.

10. Реализм отражает динамику жизни, рождение нового, т. е. создает новые социальные типы, характеры, личности. При этом важно помнить, что у каждого времени – свои черты, которые полно и многогранно отражают суть своей эпохи, ее нравственно-этические, религиозные и социальные тенденции и ценности.

11. В реализме выражена любовь к человеку, сострадание к его судьбе, ведь в реализме жизненная и художественная правда равнозначны.

12. Реализм – искусство жизнеутверждающее, оптимистическое, случайно.

13. Реализм стремится постигать жизнь во всей ее полноте и многогранности, он проникает в первоисточки и первопричины жизни, в сокровенные тайны человеческой души. А потому общая теория реализма конкретизируется в теории отдельных родов, видов и жанров литературы (драма, комедия, лирика, рассказ, трагедия, трагикомедия, эпос), в поэтике частных компонентов литературного произведения (сюжет, фабула, характер, тип и т. д.). Важным моментом являются стиль и язык.

14. В художественном сознании отражается стремление выразить наиболее существенные и общие законы жизни в

соответствии с новым гуманистическим пониманием жизни, при переходе от первобытности к феодализму, затем от феодализма к буржуазному типу общественного развития, затем к социалистическому и постсоветскому обществу.

15. Отражение повседневности включает в себя и решение очень важной творческой задачи: отражение больших художественно-философских обобщений в перспективе социальной истории этноса. Так, используются исторические сюжеты разных эпох, мифы и легенды для показа борьбы человека за покорение мира и своей собственной природы. В фольклорном типе художественного сознания это стремление сочетается с фантастикой, смелым поэтическим вымыслом, символикой, условными формами. Сюжеты наполняются новым смыслом, отражающим гуманистическое восприятие действительности, что углубляет изображение характера и душевного мира героя, его умонастроение.

Итак, во второй половине XIX века в художественном сознании осетинского общества зарождается критический реализм, т. к. вдруг пришло осознание несоответствия буржуазного строя нормам гуманизма. Реализм в XIX веке выразил социальный протест в обществе и связь с освободительным движением. По новому был осмыслен конфликт личности и общества, его социальная природа. В связи с этим осетинское художественное сознание осваивает новые способы постижения человеческого характера, его психологию. При этом очевидно стремление осетинского художественного сознания освоить стиль великого Л. Н. Толстого, сочетающего искусство эпического повествования, отражающего широкий поток народного бытия с тонкой «диалектикой души».

Осетинское искусство критического реализма акцентировало свое внимание на классовых корнях социальных процессов и явлений. Реалист-художник проявлял качества мыслителя, анализирующего законы жизни, формулирующего свои мысли в образах, подчиняющихся объективным законам эсте-

тики. В целом осетинское искусство критического реализма отразило несоответствие буржуазного строя нормам гуманизма, выразило протест против всех норм социального и духовного порабощения человека.

В искусстве критического реализма прозвучал не только социальный протест, но и отразилась связь общественного сознания с освободительным движением рабочего класса в Осетии и в России. Осетинское художественное сознание конца XIX – начала XX вв. осваивало новые принципы построения социально-психологических произведений с их философско-этической направленностью; т. е. порождало новые способы постижения человеческого характера, его психологии и объекте искусства: в человеке и его многогранных взаимосвязях с миром. И даже внутренний, духовный мир человека уже интерпретируется искусством как явление, феномен. Конечно же, и изменения в самой действительности вызвали к жизни новый тип художественной концепции мира и человека, сформулированные критическим реализмом.

Действительность и человек предстали в осетинском искусстве критического реализма XIX – начала XX в. во всей их противоречивой сложности и богатстве эстетических свойств. При этом, разумеется, принципом обобщения в критическом реализме является принцип типизации, предполагающий правдивость деталей и показ типических характеров, которые действуют в типических обстоятельствах. То есть искусство переходит к социально-эстетическому, философско-эстетическому принципу трактовки сущности человека.

Как показал многовековой эстетический опыт осетинского народа, художественное сознание дает человеку возможность вырабатывать обобщенные представления о своих связях, отношениях, закономерностях объективного мира, регулировать свои эмоциональные, рациональные и предметно-практические отношения с действительностью, определять ценностные ориентиры своего бытия и творчески преобразо-

вывать условия своего существования, т. е. внутренний мир чувств, мыслей, идей и духовных ориентиров. И не случайно. Ведь, искусство, как форма общественного сознания, отражает объективно-реальный мир. Но художественное сознание, реализованное в сфере искусства, – не пассивно-зеркальное отражение действительности. В результате верность жизненной правде в творчестве Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Арсена Коцоева и др., становится важнейшим критерием их творчества в целом, определяя художественность всей осетинской литературы. То есть изображение жизни в их произведениях носит не абстрактно-условный, отвлеченно-аллегорический характер, а порождает абсолютную степень жизненной достоверности. И эта непосредственная достоверность в процессе художественной типизации достигается изображением жизни «в формах самой жизни». При этом жизненность образов и ситуаций в творчестве осетинских писателей не отвергает иных способов художественного выражения (мифа, символа, гротеска, аллегии), подчиняющихся реалистическим принципам изображения жизни, познания человека и общества в их органических взаимоотношениях.

Так, в реалистическом типе художественного сознания осетин верность действительности – ведущий эстетический принцип. В результате происходит качественная эволюция художественного сознания осетин в XIX – начале XX века.

Историзм. Искусство критического реализма утверждало, что человек не может достичь счастья, независимости в обществе, основанном на власти денег, т. е. в буржуазном обществе.

Осетинское искусство критического реализма вбирало в себя опыт мировой и русской культуры на своей национальной основе, жило заботами своего народа.

На арену истории вышла новая реальность – общество и человек этнический в единстве бытия, человек и мир человека, представляющий собой систему бесконечных взаимосвязей и взаимодействий. Ведь человек и его этнический мир – это не-

что уникальное, имманентно единое и единственное, мир бесконечной сложности, вечных сомнений и альтернатив. Более того, мир этнического мироощущения неисчерпаем и глубок, непрерывно развивается, опираясь на свободный, творческий, «пассионарный» импульс человека, что обуславливает исключительную сложность его познания. Все это утверждали своим творчеством Коста Хетагуров, Сека Гадиев и их современники. И не случайно.

Новые ресурсы этнического бытия, его субстанциональные основания и духовно-ментальные особенности и выступили фундаментальной основой, базисом становления художественного сознания осетин нового, буржуазного типа с его мощным методом – критическим реализмом.

То есть критический реализм как тип художественного мышления в осетинской литературе достигает определенной степени непосредственной жизненности в осмыслении и постижении мира и человеческого характера. И это – один из важнейших этапов в историческом формировании развитых форм реализма уже в XIX-XX вв., стремящихся к непосредственной достоверности изображения, к художественному воссозданию жизни «в формах самой жизни».

Историзм помог обеспечить преемственность в развитии осетинской культуры, обеспечить «взаимопонимание» эпох. Так, в художественном сознании осетин в XIX – начале XX в. стали актуальны опыт, мышление, миропонимание древних наших предков.

И следует отметить характерные особенности, обусловленные законом преемственности традиций фольклорного типа художественного сознания осетин:

- 1) это демократичность осетинской культуры;
- 2) господство в ней таких эстетических категорий, как красота, мера и гармония, ее антропоморфизм, согласно которому человек есть мера всех вещей;
- 3) смысл – в формировании достойной личности; идеала –

прекрасного и доброго человека, мужество и доблесть как лучшие качества: честность, трудолюбие, доброжелательность.

Словом, активно развивалась осетинская художественная литература дооктябрьского периода, в которой творчески формировался критический реализм, который, во-первых, достоверно раскрывав человеческий характер, ставил вопросы о сути человека, о человеческой природе, о сущности общественных отношений и смысле жизни. То есть показывал богатство жизненного содержания, взаимосвязи события и характера человека.

Историзм реалистического типа мышления проявился в том, что оно раскрывало как отражается эпоха во внутреннем мире и поведении человека, как детерминирует их, прослеживая прямую зависимость того и другого от социальных, нравственных, религиозных представлений, от конкретных условий человеческого существования, т. е. социально-бытового фона эпохи. При этом критический реализм исходил из того, что обстоятельства – необходимая предпосылка раскрытия душевного мира человека. И огромную роль в формировании данного типа культуры осетин в XIX – начале XX сыграл историзм.

Особенности типизации. В процессе типизации в осетинской литературе критического реализма четко проявляется принцип детерминированности, зависимости поведения человека от среды. Герои рассказов Сека Гадиева или Арсена Коцоева ведут себя в соответствии с теми обстоятельствами, в которые попадают. Поступки и поведение их обусловлены требованиями общества, в котором они живут.

В осетинской литературе критического реализма типизация характеров и обстоятельств происходила через «правдивость деталей» быта героев, через подробное описание лиц и предметов, т. е. четко представлялась жизнь реального места действия, исторических и временных реалий, через описание характерных особенностей быта и нравов. И это можно отне-

сти к любому произведению Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Арсена Коцоева, создавших удивительно живые образы, подлинно национальные характеры.

Писатели-реалисты, учитывая, в какой степени характер зависит от степени индивидуализации, сочетали при создании образа человека общего, типичного и индивидуального, неповторимо-личностного. Скажем, герои разных рассказов Сека Гадиева, представляющие один класс (крестьянство), совершенно разные, мало похожи друг на друга: они только повторяют одну судьбу – человека несчастного, обездоленного, угнетенного. Однако по своим индивидуально-личностным характеристикам они – разные. И в этом тоже проявились особенности процесса типизации характеров и обстоятельств. Постоянно здесь одно: верность в передаче сущности жизни, значительности идей общественно-политического звучания.

При этом также осетинские писатели-реалисты XIX – начала XX века понимали, насколько каждый человек индивидуален, не похож на соседа, и пытались индивидуализировать своих героев. Так, им удавалось показать, как на внутреннем мире и поведении героев отражается суровая и объективная печать времени. То есть осетинские писатели XIX – начала XX века умело показали, через процесс индивидуализации, связь характера человека от условий существования его в конкретном обществе, связь характера человека с социальными, нравственными и религиозными представлениями его среды. Так, Коста Хетагуров проявил ярчайшую способность остро ощущать жизнь в ее изменчивой полноте, страдать со своими героями от ее противоречий, отождествляя себя со страждущими.

Писатели-реалисты XIX – начала XX века сумели рассмотреть действительность в развитии, оказались способны показать в художественных образах возникновение новых форм жизни и социальных отношений, новых психологических и общественных типов. Они сумели создать действительные

типы национального характера. Учитывая, что тип – от греч. *typos* – отпечаток, форма, образец, – они создали обобщенный образ человеческой индивидуальности, которая наиболее характерно была для осетинского общества XIX – начала XX века и в этом – их величайшая заслуга.

Социальный конфликт. Осетинское искусство критического реализма акцентирует свое внимание на классовых корнях социальных процессов и явлений. Реалист-художник проявляет качества мыслителя, анализирующего законы жизни, формирующего свои мысли в образах, подчиняющихся законам эстетики. В целом осетинское искусство критического реализма отразило несоответствие буржуазного строя нормам гуманизма, а значит выразило и протест против всех форм социального и духовного порабощения человека. И не случайно.

«Реализм (от позднелат. *realis* – вещественный, действительный) – художественный метод, следуя которому художник изображает жизнь в образах, соответствующих сути явлений самой жизни и создаваемых посредством типизации фактов действительности. Утверждая значение литературы как средства познания человеком себя и окружающего мира, реализм стремится к глубинному постижению жизни, к широкому охвату действительности с присущими ей противоречиями, признает право художника освещать все стороны жизни без ограничений. Искусство реализма показывает взаимодействие человека со средой, воздействие общественных условий на человеческие судьбы, влияние социальных обстоятельств на нравы и духовный мир людей, активную преобразующую роль общественных движений».¹⁴¹ И это абсолютно верно отражает направленность осетинской литературы критического реализма в XIX – начале XX века.

И еще очень важная особенность, присущая ей – это наличие остро выраженного социального конфликта в художественных произведениях всех жанров. Обстоятельства, характер конфликтности в реалистическом типе мышления осетин

в XIX – начале XX в. играют очень важную роль, т. к. реализм стремится воссоздать действительность во всех ее противоречиях, бытовых, социальных и нравственных столкновениях. Важно то, что критический реализм раскрывает, как отражается эпоха во внутреннем мире и поведении человека, как детерминирует их, прослеживая прямую зависимость того и другого от социальных, нравственных, религиозных представлений, от конкретных условий человеческого существования, т. е. социально-бытового фона эпохи.

При этом критический реализм исходит из того, что обстоятельства – необходимая предпосылка раскрытия душевного мира человека. Выявляет глубину и природу человеческих чувств, свойственных разным типам личности. Анализирует процесс развития характера, глубин человеческого духа.

Важно также то, что реалистический тип художественного мышления отражает отношение искусства, этнокультуры к объективной действительности, воспроизводя жизненную правду, что удается, благодаря наличию в произведениях Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Арсена Коцоева и др. остро выраженного социального конфликта.

Верность жизненной правде. Художественное сознание осетин в XIX – начале XX в. отразило глубинные качественные изменения, происшедшие в природе человеческой личности. То есть осетинская литература и, шире, культура осетин, открыла новый тип личности, т. е. реализовала гуманизм (человеколюбие как важнейший творческий принцип).

В XIX веке произошла и глобальная экономическая и политическая интеграция, во многих регионах России установилась единая духовно-историческая атмосфера. Расширяются и возможности искусства: в нем, в его интерпретации большую общественную значимость и эстетическую ценность приобретают социальные процессы, т. е. искусство активно осуществляет социологический анализ. Также оно дает и тонкий психологический анализ, акцентируя нюансы человеческой

психологии. Описывает быт людей (т. е. занимается и бытописанием), природу (т. е. дает пейзажные описания) и т. д. Но самые главные изменения, конечно же, происходят в центральном объекте искусства, – в человеке и его взаимоотношениях с миром, что и отразила осетинская литература. И это закономерно.

Художественное освоение мира в искусстве реализма породило новые формы, отражающие исторический смысл освободительной борьбы пролетариата, возрастание роли трудового народа в историческом процессе. И это вполне закономерно, ведь в реализме всегда присутствует социальный момент, т. е. реализм проявляет особый интерес к тем жизненным явлениям, в которых наиболее полно выразались взаимоотношения людей, их психология, детерминированные спецификой социально-исторического бытия этноса-народа-нации.

То есть реализм как тип художественного мышления достигает определенной степени непосредственной жизненности в осмыслении и постижении мира и человеческого характера. И это – один из важнейших этапов в историческом формировании развитых форм реализма уже в XIX-XX вв., стремящихся к непосредственной достоверности изображения, к художественному воссозданию жизни «в формах самой жизни». Реализм при этом активно использует такие способы художественного выражения, как миф, символ, гротеск, аллегория, подчиняя их решению своих специфических задач.

Итак, мы проследили в данном исследовании, как всеобщее, универсальное проявляется в частном, национальном. Ведь в художественном сознании осетин выражается феноменология духа народа. Онтогенез, национальный опыт духовной эволюции повторяет филогенез, опыт развития человечества, формы быта, государственности, культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все философские вопросы, резко поставленные самой буржуазной эпохой, осетинской литературой критического реализма осмысливались глубоко и основательно в различных жанрах, в художественных образах и художественно-изобразительными средствами. Среди философских вопросов наибольший интерес осетинской литературы вызвали проблемы сущности человека, смысла его жизни, назначения его на земле, взаимосвязи человека и общества, человека и эпохи, проблемы этики, морали, человека и социальных общностей, членом которой он является, и т. д.

И не случайно. Как писал Ф. Энгельс, «...реализм предполагает, – помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах».¹⁴²

Словом, критический реализм в осетинской литературе – метод, способный дать глубокий анализ состояния общественных отношений и общественного сознания в художественных образах, во-первых; во-вторых, раскрыть те явления социальной и национальной действительности, в которых наиболее полно и многогранно отразилось социально-историческое бытие осетинского народа на столь важном этапе его исторического развития.

В осетинской литературе критического реализма проявляется органическая слитность типического и индивидуального. В целом в ней типизация характеров и обстоятельств осуществляется в процессе раскрытия конкретного социального бытия, ситуации, в которой оказывается герой, а «правдивость деталей» проявляется в подробном описании героев и условий, места действия, конкретных исторических реалий, своеобразия быта и нравов, менталитета осетинского общества.

Осетинская литература в целом глубоко рассматривала духовное производство, духовные потребности, духовное общество, духовное потребление. Исследуя духовную культуру

осетинского народа в буржуазную эпоху, литература особо подчеркивала роль образования и воспитания как важнейшего условия потребления духовных ценностей. Она расценивала науку, церковь, искусство, образование как важнейшие составляющие духовной сферы жизни осетинского общества.

Большой интерес осетинской литературы вызывали вопросы взаимосвязей человека и духовности. С одной стороны, она трактовала человека как творца духовных богатств общества, с другой – расценивала духовную жизнь общества как условие свободы и свободного творчества человека.

В духовной жизни общества большое значение имеет, как показала литература, общественное сознание и его структура. Целостность общественного сознания проявляется в степени реализации познавательной, ценностной и социально-регуляторной функции. Конечно, согласно концепции осетинской литературы, само общество и человек являются его субъектом и объектом, а потому особое значение приобретают их сознание и самосознание, и в целом знания, социальное познание, в котором большую роль сыграла осетинская литература, национальное искусство критического реализма в целом.

Большой интерес осетинской литературы вызывали социально-этнические общности, их роль в жизни общества.

Как показала литература, спектр социальных структур осетинского общества довольно широк и включает социально-классовые; социально-территориальные (поселенческие), определяющие существенные различия между городом и деревней; социально-демографические (половые и возрастные группы); профессиональные, т. е. по отраслям производства; этнические общности.

К социальным общностям можно отнести классы, нацию, народ, общину. «Общность – совокупность людей, объединенная исторически сложившимися, устойчивыми социальными связями и отношениями и обладающая рядом общих признаков (черт), придающих ей неповторимое своеобразие».¹⁴³

Как отмечал Ю. В. Бромлей, существуют разные общности: временные и устойчивые, куда входят разные поколения; общности, охватывающие малые и большие территории; общности, складывающиеся объективно, помимо воли и сознания составляющих их людей, или же, напротив, возникающих как итог сознательного целеполагания; макро- и микроуровневые и т. д. Та или иная социальная общность обязательно связана и взаимодействует с другими многообразно: по типу деятельности, в системе разделения общественного труда, по степени включенности в хозяйственные связи, по экономическим интересам и т. д. Все это обусловлено тем, что социальная общность и есть форма общественной жизни людей, между которыми – определенные исторически сложившиеся связи.¹⁴⁴

Основу социальной общности составляют и духовные факторы, сознание, язык, социально-психологическое чувство «мы», традиции, ценности, нравственные и идеологические установки.

Социальная общность, сложившись по неким объективным и субъективным причинам, проявляет в своей жизнедеятельности характерные, особенные черты: образ жизни объединенных в нее людей, общие интересы и потребности, стереотипы поведения и т. д. В итоге формируются некие социальные типы людей, имеющих общую историческую судьбу, общие перспективы.

Конечно, социальные общности различаются по характеру, масштабу, общественной роли. Между ними порой складываются весьма сложные взаимоотношения, как показала осетинская литература.

Социальная общность (класс, нация, народ, семья и т. д.), в трактовке литературы, имеет общую историческую судьбу, общую идеологию, например, каждый класс – классовое сознание, нация – национально-этническое мировоззрение и т. д. Как отмечает исследователь В. С. Барулин, «социальная общность представляет собой объективно складывающиеся

в обществе качественно целостное социальное образование, включающее устойчивые связи людей, выражающиеся в единстве их объективных и субъективных характеристик, в отношении к другим общностям, в определенном единстве образа жизни, тенденций и перспектив».¹⁴⁵

И это четко отразилось в осетинской литературе критического реализма в XIX-начале XX века. Художественно убедительно отразила она и специфику такой общности, как государство, сыгравшее большую роль в жизни осетинского общества.

Эпоха буржуазии потребовала новой стратегии государства, в частности, обеспечение развития гражданского общества, в центре которого должен стоять человек-собственник. И если при феодализме целью государства была забота о той или иной общности, класса, то теперь – каждый индивидуальный гражданин. Вот как И. Кант охарактеризовал суть гражданского общества: «Гражданское состояние, рассматриваемое только как состояние правовое, основано на следующих априорных принципах:

- 1) свободе каждого члена общества как человека;
- 2) равенстве его с каждым другим как подданного;
- 3) самостоятельности каждого члена общества как гражданина».

Словом, новой социальной ориентацией государства должно было стать стремление обеспечить нормальную жизнедеятельность каждого человека, – члена гражданского общества, освободить его от социальных перегородок, его активное сотрудничество со всем обществом. То есть главный свой интерес государство должно было сосредоточить на человеке-гражданине. Разумеется, буржуазное государство должно было быть более лояльным к нарождающейся буржуазии, стоять на страже ее интересов и запросов. Но дело в том, что и буржуазии нужны были работники – свободные и независимые члены гражданского общества. Так, буржуазное государ-

ство было заинтересовано в развитии субъекта гражданского общества, вообще человека. В целом буржуазное государство во взаимосвязях «человек-государство» более прогрессивное, чем феодальное. Возросла степень социальности, связанной с экономическими интересами субъекта. В результате несовпадения интересов разных групп людей приводит к росту противоречий и контактов в обществе. То есть, с одной стороны, происходит процесс единения людей, с другой – растут противоречия и конфликты. А государство призвано было данные противоречия и конфликты держать в рамках закона, тем самым нивелировать угрозы существования обществ. И эти процессы отразила осетинская литература.

Осетинская литература критического реализма художественными средствами глубинно исследовала такие сферы общественного сознания, как общественная психология, массовое сознание и идеология. При этом подошла весьма серьезно и объективно. Так, при изучении общественной психологии на различных этапах исторического процесса акцентировала внимание, во-первых, на ее зависимости от исторических условий, во-вторых, от общественного строя, в-третьих, от положения социальных групп, сословий и классов. Показала, какую роль играет в жизнедеятельности осетинского общества социальная психология. Она трактовала общество как самоуправляющуюся систему, в которой существуют реальности: власть, политика, политическое сознание, политическая деятельность. Особо она выделяла государство как важнейший компонент. По характеру, как показала литература, оно может представлять собой демократию, диктатуру, тоталитаризм, правовое государство. В политической системе общества большую роль играют политические партии, их вожди.

И, конечно, литература пыталась показать, что политические институты являются условием развития как творческого потенциала, так и свободы человека.

Итак, художественное сознание осетин и их предков отразило глубинные качественные изменения, происшедшие в природе человеческой личности. То есть осетинская литература и, шире, культура открыла новый тип личности, гуманизм (человеколюбие как важнейший творческий принцип).

В XIX веке произошла и глобальная экономическая и политическая интеграция, во многих регионах России установилась единая духовно-историческая атмосфера. Расширяются и возможности искусства: в нем, в его интерпретации большую общественную значимость и эстетическую ценность приобретают социальные процессы, т. е. искусство активно осуществляет социологический анализ. Также оно дает и тонкий психологический анализ, акцентируя нюансы человеческой психологии. Описывает быт людей (т. е. занимается и бытописанием), природу (т. е. дает пейзажные описания) и т. д. Но самые главные изменения, конечно же, происходят в центральном объекте искусства: в человеке и его многогранных взаимосвязях с миром. И даже внутренний, духовный мир человека уже интерпретируется искусством как явление, феномен, имеющий большую общественную значимость.

В общем, главный интерес литературы сконцентрирован в человеке и его связях с миром. Конечно же, и изменения в самой действительности вызвали к жизни новый тип художественной концепции мира и человека, сформулированные критическим реализмом. Действительность и человек предстали в искусстве критического реализма во всей их противоречивой сложности и богатстве эстетических свойств. При этом, разумеется, принципом обобщения в критическом реализме остается традиционный и для фольклорного сознания принцип типизации, предполагающий правдивость деталей и показ типических характеров, которые действуют в типических обстоятельствах. То есть искусство переходит к социальному принципу трактовки сущности человека.

Критический реализм предполагал, что человек не может достичь счастья, независимости в обществе, основанном на власти денег.

На арену истории вышла новая реальность – общество и человек этнический в единстве бытия, человек и мир человека, представляющий собой систему бесконечных взаимосвязей и взаимодействий. Ведь человек и его этнический мир – это нечто уникальное, имманентно единое и единственное, мир бесконечной сложности, вечных сомнений и альтернатив. Более того, мир этнического неисчерпаем и глубок, непрерывно развивается, опираясь на свободный, творческий «пассионарный» импульс человека, что обуславливает исключительную сложность его познания.

Новые ресурсы этнического бытия, его субстанциональные основания и духовно-ментальные особенности и выступили фундаментальной основой, базисом становления осетинской литературы в XIX – начале XX века.

Писатели разных эпох, как мы проследили, развивают определенное философское осмысление национальной жизни, формируя в художественных образах идею свободы личности. И это существенно обогащает художественное сознание – одну из важнейших сфер общественного сознания.

В осетинской философии значительна эмоционально-чувственная сторона освоения действительности. В ней ярко проявляется стремление утверждать целостность человеческой духовности, духовного единства. И не случайно, ведь понимание целостности духовной жизни человека, единство познания и нравственных начал, эмоциональной жизни – национальная особенность осетинской философии.

Стремление глубже проникнуть в строение национально-го бытия также особенность осетинской философии. Стремление это в XIX-начале XX века творчески реализовывалось в художественной культуре осетин, особенно в художественной литературе. И, конечно же, в фольклорном сознании осетин.

Осетинская литература в XIX веке стала значительным прибежищем общественной мысли, носителем философских идей, наравне, конечно, с публицистикой.

Идея свободы личности решается литературой не только художественно, но и философски. Писатели проводили через сито жесткой цензуры живую мысль борьбы и созидания. Причем осетинской литературе с момента ее зарождения и по сей день свойственно было стремление к философскому осмыслению жизни, искусства, творческого труда. В целом, конечно, взаимодействие, порой даже взаимопроникновение осетинской философской мысли и художественной литературы их сущностно и формально обогащало.

Ценным источником осетинской средневековой общественной мысли является фольклор. Кроме того, сохранились материалы деятельности общественно-политических кружков в Осетии в XIX-начале XX века. Члены кружков получали возможность выразить свое философское мировоззрение.

Также печать становилась трибуной для выражения своих философских воззрений. Она же была мощным средством идеологического воздействия на общество. В целом история осетинской печати – это история борьбы за просвещение и прогресс. Вокруг новых журналов и газет образовывались центры.

Религиозное сознание представляло идеал христианской любви как связи между людьми, как путь их самосовершенствования.

Так, во второй половине XIX в. актуализировалась интеллектуальная умственная энергия осетинского общества. И не случайно, видимо, это было связано с актуализацией и насущных социальных проблем.

И, конечно, предпочтение отдавалось не теоретической, а практической философии, которая рассматривала проблемы сущности и существования человека, т. е. была антропологически и этически ориентирована. Ведь обращенность к чело-

веку в ней традиционна, что определило и характер молодой тогда осетинской литературы, только ищущей свой концептуально-философский стержень.

Особенностью осетинской философии является и то, что философская мысль не уходит от решения социально-политических вопросов. Так, просветители, народники, марксисты в XIX-начале XX века вели активную борьбу за свободу трудящихся, за свои идеалы добра и социальной справедливости, братства и дружбы народов.

Просветители усилили внимание к человеку, его разуму, внутреннему миру, к его стремлению к счастью. При этом вместо абстрактного понимания сущности человека как вневременной и абсолютной они дают глубинный анализ обстоятельств, которые определяют существование и ценность человеческой личности. В философском сознании просветителей проявляются особые черты. Скажем, уверенность в кризисе предопределенности судьбы человека и мира. А потому так громко звучит их критика деспотизма существующих обстоятельств и призывы к гуманизму. Не оставались в стороне и служители культа.

Главная тема осетинской философской антропологии – человек, его судьба, жизненные пути, духовные устремления, идущие из далекого и недалекого прошлого осетинского народа, природа общенациональных особенностей осетинского национального характера. В осетинской философии проявляется большой интерес к осмыслению народом своего прошлого. В связи с этим ставятся вопросы о смысле и целях истории.

Первым осетинским мыслителем общероссийского масштаба был К.Л. Хетагуров, давший разностороннюю социально-философскую, обобщенную концепцию горского бытия. Мироззрение его формировалось под мощным влиянием русской революционно-демократической мысли и в процессе глубокого осмысления истории и культуры своего народа.

Словом, процессы политического единства Осетии, образование осетинской нации, укрепление феодализма, развитие капитализма, присоединение к России и приобщение Осетии к мировой культуре (через русскую культуру) и т. д. Все эти факты требовали глубокого социально-философского осмысления, определив и обусловив своеобразие осетинской философской культуры в XIX-начале XX века. И они были восприняты целиком и полностью осетинской литературой, определив ее философско-аналитический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скитский Б. Очерки истории осетинского народа с древнейших времен до 1876 г. // Известия СОНИИ. Т. 2. Дзауджакау, 1947. С. 108.
2. Гутнов Ф. Политогенез и генезис феодализма на Северном Кавказе // Вестник института цивилизации. Вып. 3. Владикавказ, 2000. С. 11.
3. Айларова С. А. Общественно-политическая мысль народов Северного Кавказа в XIX в. Культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003. С. 45.
4. Там же.
5. Там же. С. 19.
6. Ключевский В. О. Об интеллигенции // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 298.
7. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (АКАК). Тифлис. Т. 2. С. 953.
8. Севков К. О проекте окончания Кавказской войны в середине XIX в. // История СССР. 1958. №3. С. 192.
9. Хорос В. История в сравнительном освещении. М., 1996. С. 37.
10. Гассиев А. А. По части книжных древностей // Кавказ. 1873. №36.
11. Цит. по: Джусойты Н. История осетинской литературы. Кн. 1. Тбилиси, 1980. С. 69.
12. Там же.
13. Газета «Дальний Восток». Владивосток. 1894. 30 декабря.
14. Кавказский календарь. Тифлис. 1897. С. 96.
15. Ардасенов А. Г. Прodelки «несменяемого» // Северный Кавказ. 1890. 3 мая.
16. Ардасенов А. Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896. С. 75.
17. Гассиев А. Анализ Корана, догматики и морали // Кавказские епархиальные ведомости. Ставрополь. 1875. С. 527.
18. Цховребов З. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии. М., 1977. С. 43.
19. Ардасенов А. Избр. труды. Владикавказ, 1997. С. 284.
20. Баев Г. Общественная деятельность сел. Ольгинское за 1899 г. // Казбек, 1900. №662.
21. Баев Г. Пушкин в жизни горцев // Казбек, 1899. №462.

22. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III // КЭС. М.-Л., 1962. С. 270.
23. Цаголов Г. Просвещение горцев // ТВ. 1898. №79.
24. ЦГА РСО-А., ф. 224, оп. 1, д. 7, л. 4.
25. Хетагуров К.Л. ПСС. Т. IV. С. 161.
26. Там же. С. 161.
27. Там же.
28. Там же. С. 88.
29. Хетагуров К.Л. Собр. соч. Т. 2. М., 1959-1961. С. 77.
30. Там же. С. 132.
31. Там же. С. 45.
32. Там же. С. 104.
33. Хетагуров К.Л. Указ. соч. Т. 3. С. 96-97.
34. Там же. С. 102.
35. Там же. Т. 4. С. 190,191.
36. Там же. Т. 1. С. 57.
37. Хетагуров К.Л. Собр. соч. в 5-ти т. Т. 4. Владикавказ, 2000. С. 195.
38. Там же. С. 293.
39. Там же. С. 310.
40. Там же. С. 288.
41. Там же.
42. Белинский В. Г. ПСС. Т. 12. М.-Л., 1926. С. 399.
43. Хетагуров К.Л. Указ. соч. Т. 5. С. 187.
44. Там же. С. 179.
45. Там же. С. 190.
46. Там же.
47. Там же. Т. 4. С. 187.
48. Дзидзоев В. Экономическое и общественно-политическое состояние Северной Осетии в начале XX в. (1900-1917 гг.). Владикавказ, 2003. С. 11.
49. Там же.
50. Бритаев Е. Ц. Соч. Дзауджикау, 1947. С. 197.
51. НА СОИГСИ. Ф. 15. Д. 99.
52. Там же.
53. Ирон газет. 1906. №2.
54. НА СОИГСИ. Ф. 1, оп. 1, д. 102, л. 90.
55. ЦГА РСО-А., ф. 24, оп. 1, д. 89, л. 19.
56. Терские ведомости. 1900. 14 января.

57. Уруймагов Х. Начальная школа в Осетии // Утро гор. Баку. 1900. №1. С. 50.
58. Там же. С. 36.
59. Казбек. 1899. №611.
60. Там же.
61. ЦГАЛИ, ф. 323, ед. хр. 208, л. 11.
62. Терские ведомости. 1901. 6 ноября.
63. Тотоев М. С. Очерки истории, культуры и общественной мысли Северной Осетии в начале XX века. Орджоникидзе, 1968. С. 87.
64. Там же. С. 88.
65. Хоруев Ю. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971. С. 171.
66. Цомак. Осетинская газета // «Горский вестник». 1924. №2. С. 67.
67. «Терек». 1906. 11 апреля.
68. Там же, 12 апреля.
69. Там же, 16 апреля.
70. Цомак. Указ. соч. С. 69.
71. «Ирон газет». 1906, 23 июля.
72. «Терек». 1906, 20 сентября.
73. Тотоев М. С. Указ. соч. С. 7-8.
74. «Терские ведомости». 1908, №256.
75. Там же.
76. Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 159.
77. Соловьев В. С. Сочинения. В 2-х т. М., 1988. Т. 2. С. 312.
78. Гегель Г. Философия права. С. 148.
79. Хетагуров К. Указ. соч. С. 187.
80. Там же. С. 137
81. Гегель. Указ. соч. С. 221.
82. Джусойты Н. История осетинской литературы. Кн. 1. Тбилиси, 1980. С. 313.
83. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 93-94.
84. Кануков И. В осетинском ауле. Орджоникидзе, 1985. С. 96.
85. Там же.
86. Там же.
87. Там же.
88. Цуциев Б. К вопросу о развитии экономической мысли в Северной Осетии в эпоху К.Л. Хетагурова // Сб.: Коста Хетагуров – звезда первой величины. Владикавказ: ИПЦ СОГУ. 2019. С. 131-142.

89. Ардасенов А. Переходное состояние горцев Северного Кавказа // Газета «Новое обозрение». Тифлис. 5 марта 1896.
90. Гассиев А. Новое исследование учения Л. Толстого. Его толкование евангельских текстов о вере и заповедях Христа с исторической и философской точки зрения. Владикавказ, 1914. С. 71.
91. Там же.
92. Там же. С. 37.
93. Там же.
94. Джусойты Н. Указ. соч. С. 29.
95. «Казбек». 1899. 26 мая.
96. Там же.
97. Баев Г. О чем говорят в Осетии // Терские ведомости. 1895. №7.
98. Тотоев М. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, 1957. С. 22.
99. Цаголов Г. Безземелье в Осетии // «Новое обозрение». 1897. №4677.
100. Хетагуров К.Л. Указ. соч. С. 40.
101. Ардасенов А. Избранные труды. Владикавказ, 1997. С. 284.
102. Баев Г. Общественная деятельность сел. Ольгинское за 1899 г. // «Казбек». 1900. №662.
103. Баев Г. Пушкин в жизни горцев // «Казбек», 1899. №462.
104. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III // Кавказский этнографический сборник. В 3-х т. Т. 1. М., 1953. С. 270.
105. Цаголов Г. Просвещение горцев // «Терские ведомости». 1898. №79.
106. Ардасенов А. Избранные труды. С. 284.
107. ЦГА РСФСР-А, ф. 224, оп. 1, д. 7, л. 4.
108. Хетагуров К.Л. Указ. соч. С. 161.
109. Там же. С. 162.
110. Там же. С. 161.
111. Там же. С. 162.
112. Баев Г. Осетинская письменность // Антология педагогической мысли Северной Осетии. Владикавказ, 1993. С. 177.
113. Там же. С. 180.
114. Там же.

115. Баев Г. Письма из Осетии (Наши общественные доходы и расходы) // «Терские ведомости». 1897. №№1,32.
116. ЦГА РСО-А., ф. 224, оп. 1, д. 7, л. 4.
117. Цаголов Г. Собр. соч. В 3-х тт. Т. 1. Владикавказ, 1992. С. 22.
118. Там же. С. 24.
119. Гегель Г. Соч. Т. 8. С. 50.
120. Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. С. 233.
121. Гегель Г. Соч. Т. 3. С. 319.
122. Лосский Н. Мир как органическое целое. М., 1917. С. 76.
123. Цаликов А. Избранное. Владикавказ, 2002. С. 67.
124. Там же. С. 66.
125. Там же. С. 37.
126. Там же.
127. Там же.
128. Там же. С. 36.
129. Там же. С. 67.
130. Там же. С. 330.
131. Там же. С. 82.
132. Там же. С. 29.
133. Там же. С. 334.
134. Там же. С. 343.
135. Там же.
136. Абаев В. И. ИСОЯ. М.-Л., 1958. С. 171.
137. Там же. С. 327.
138. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин. Цхинвал, 1982. С. 25.
139. Геродот. История. В 9-и кн. Кн. 4. Владикавказ, 1991.
140. Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1989. С. 372.
141. Литературный энциклопедический словарь (под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева). М., 1987. С. 318.
142. Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. Т. 1. М., 1967. С. 6-7.
143. Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 437.
144. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 23-24.
145. Барулин В. С. Социальная философия. М., 2002. С. 86.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. АКТИВИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ, ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОСЕТИИ В XIX ВЕКЕ. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ОСЕТИНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ.....	4
Глава 2. ОСЕТИНСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ И ИХ РОЛЬ В ФИЛОСОФИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ЦЕЛОМ И ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЧАСТНОСТИ.....	18
Глава 3. РОЛЬ КОСТА ХЕТАГУРОВА В СТАНОВЛЕНИИ ФИЛОСОФСКО-КРИТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	37
Глава 4. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ОСЕТИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1900-1917 гг.)	69
Глава 5. ПРОЦЕСС ФИЛОСОФИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ОСЕТИНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	94
Глава 6. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОСЕТИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ, СФОРМИРОВАВШИЕ СУЩНОСТНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТНЫЕ СТРУКТУРЫ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	108
6.1. Философская антропология.....	109
6.2. Понимание народа как субъекта истории.....	119
6.3. Осознание философии права как истинной ценности в общественной жизни.....	121
6.4. Политическая философия.....	129
6.5. Философия образования.....	131
6.6. Концепция бытия как всеохватывающей реальности.....	137

6.7. Духовная жизнь осетинского общества в XIX – начале XX в. Общественное сознание: уровни, относительная самостоятельность и роль его в национальной жизни.....	141
6.8. Политическое сознание	149
6.9. Правосознание	151
Глава 7. ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	153
Глава 8. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	270
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	323
ЛИТЕРАТУРА.....	333

Научное издание

ФИДАРОВА РИМА ЯПОНОВНА

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор – *Е.Н. Маслов*

Компьютерная верстка – *А.В. Черная*

Дизайн обложки – *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 14.07.2021.

Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆, Бум. офс. Печать цифровая.

Гарнитура «Minion». Усл. п.л. 19,76.

Тираж 100 экз. Заказ №???

Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им.В.И.Абаева – Филиал ФГБУН ФНЦ
«Владикавказский научный центр российской академии наук»

362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

e-mail: soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.

362000, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3